

Евгений Пальцев

ЗЕМЛЯ ШУТОВ

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПЕСНИ**

Евгений Пальцев

ЗЕМЛЯ ШУТОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Евгений Пальцев, 2021

Эта книга — первое собрание избранных стихотворений и песен Евгения Пальцева. В неё вошли около 250 текстов, написанных автором за 30 лет.

16+

ISBN 978-5-4498-2485-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

ЗЕМЛЯ ШУТОВ

ЕВГЕНИЙ ПАЛЬЦЕВ

ЗЕМЛЯ ШУТОВ

Город N

ЖИТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

ГОРОД N

МИЛЛИОННАЯ

КОНЮШЕННАЯ

САДОВАЯ

МОЙКА И НЕВА

У АНИЧКОВА МОСТА

ГРАЖДАНОЧКА

ЕДЕТ ПУШКИН НА ИЗВОЗЧИКЕ

ЛИЗОНЬКА

ПЕТЕРГОФСКИЙ РОМАНС

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИРАЖ

НЕЗНАКОМКЕ

ГОРОД МАРРАКЕШ

БЛОКАДНОЕ СРЕТЕНЬЕ

РАЗВИВАЯ БРОДСКОГО

В ПЕТЕРБУРГЕ СНЕГ

ЕСТЬ НА СВЕТЕ ГОРОДА

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ПЕТЕРБУРГЕ

НЕВСКИЙ ПСАЛОМ

ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ, МОЙ ПИТЕР

ДЕВЯТАЯ ЖИЗНЬ

Земля шутов

БАЛЛАДА О ПЛЮСАХ И МИНУСАХ

БАЛЛАДА О СУМАСШЕДШЕМ КОРОЛЕ

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ-НИЩЕБРОДЕ

[БАЛЛАДА О ТРЁХ ТРЕТЯХ](#)
[ЗАЩИТА ФИЛИДОРА](#)
[КОРОЛЕВСКИЙ КРУГОВОРОТ](#)
[КОРОЛЬ В ССЫЛКЕ](#)
[О КОРОЛЕВСКИХ КРЫЛЬЯХ](#)
[БАЛЛАДА ОБ ОСЛИНЫХ УШАХ](#)
[ГОЛЕМ](#)
[ЛИСЬИ ЧАРЫ](#)
[МОНАШКА ХАСИЁ](#)
[СОН ЧУАН-ДЖОУ](#)
[УБИТЬ ЕДИНОРОГА](#)
[ШЁЛ БУДДА](#)
[СКАЗ ПРО ОСЕТРОВУ ДОЧЬ](#)
[ПОКРЫВАЛО РАДЖИ](#)
[ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ](#)
[ЛЮБИТЬ ДРАКОНА](#)
[ЗЕМЛЯ ШУТОВ](#)

[Исповеди, отповеди и посвящения](#)

[ВОЗРАСТ ХРИСТА](#)
[ДОДО](#)
[«Дозвольте мне сказать в последний раз...»](#)
[ГИТАРНЫЙ ЗВЕРЁК](#)
[БОГ ВЫШЕЛ ПОКУРИТЬ](#)
[РАЗГОВОР С БОГОМ](#)
[КАТМАНДУ](#)
[«Когда мне жить останется неделю...»](#)
[МОЛИТВА ОБ УТЕШЕНИИ](#)
[АКТЁРСКИЙ РЕКВИЕМ](#)
[ПОПУГАЙ ПЬЕРО](#)
[ПОСЛЕДНИЙ ЛИЦЕИСТ](#)
[ПАМЯТИ НЕЗНАКОМОГО ШЕСТИДЕСЯТНИКА](#)
[АРЧИМБОЛЬДО](#)
[ЛУКАС КРАНАХ](#)

[ВАН ГОГ. АВТОПОРТРЕТ С ВЕТРОМ](#)
[ИСКУШЕНИЕ ХУДОЖНИКА](#)
[СОТВОРЕНИЕ МЕНУЭТА](#)
[БАЛЛАДА О ГНИЛОМ ИНТЕЛЛИГЕНТЕ](#)
[И. БРОДСКОМУ](#)
[МОЦАРТ](#)
[БЕТХОВЕН](#)
[ГАМЛЕТ](#)
[КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ](#)
[КОГДА НА ЗЕМЛЕ ЕЩЁ ЖИЛИ ПОЭТЫ](#)
[ЗВОНИ](#)
[ЗЯМА](#)
[ИСКУССТВО УХОДИТЬ](#)
[БАЛЛАДА КАБАНЬЕЙ СТАИ](#)
[МАРШ ГУЛЛИВЕРОВ](#)
[ПОДРУГА-ГИТАРА](#)
[ПРИЕЗЖАЙ, ГОСПОДЬ, В РОССИЮ](#)
[УРОК ИСТОРИИ](#)
[САМОКРУТКА](#)
[Я МОЛЧУ И ТЫ МОЛЧИШЬ](#)

[Кот Малевич и другие истории](#)

[КОТ МАЛЕВИЧ](#)
[АНГЕЛЫ В ОТПУСКЕ](#)
[БАЛЛАДА О ЗАБЫТЫХ БОГАХ](#)
[БАЛЛАДА О СТАРОМ АКТЁРЕ](#)
[В ЗАБЫТОМ ПОРТУ](#)
[ВЕНЕЦИАНСКИЙ СКРИПАЧ](#)
[ГЕНЕРАЛ ВОЛКОДАВ](#)
[ДАРЫ](#)
[ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ С ПАСТУХАМИ](#)
[ЕРШАЛАИМСКИЙ ВАЛЬС](#)
[ИМПЕРАТОР В РАЮ](#)
[К ВОПРОСУ О ПАДШЕМ АНГЕЛЕ](#)

[КАК УМИРАЛ ГЕРШКОВИЧ ЛЁВА](#)
[КАРМАН](#)
[КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВДОВЫ](#)
[ЛИЦЕДЕЙ](#)
[МЕНДЕЛЬ](#)
[МОТЫЛЬКОВОЕ ТАНГО](#)
[МУРАВЬИНАЯ ПАСХА](#)
[О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ЧРЕВОВЕЩАНИЯ](#)
[ОДИССЕЙ](#)
[ПОВЕЛИТЕЛЬ ТРАМВАЕВ](#)
[РУКИ СКРИПАЧА](#)
[САПОЖНИК И АНГЕЛ](#)
[СЕМЁН АНТОНЫЧ И ТРАМВАЙ](#)
[СЛУЧАЙ В ТРАКТИРЕ](#)
[ВЫСОКАЯ ВОДА](#)
[СУДНАЯ НОЧЬ](#)
[ТРУДНО БЫТЬ ФАНТОМАСОМ](#)
[ЧЁРНЫЙ КЛОУН](#)
[ЧЁРТОВА СОНАТА](#)
[ИСПОВЕДЬ БРОДЯЧЕГО КОТА](#)

[Репетиция любви](#)

[АФРОДИТА](#)
[Б. ПАСТЕРНАКУ](#)
[ПОСЛЕ ПАСТЕРНАКА](#)
[«Вы, видимо, живёте наудачу...»](#)
[ГОСПИТАЛЬНАЯ МОЛИТВА](#)
[ЖЕНЩИНА В АПРЕЛЕ](#)
[ИНКВИЗИТОР И КОЛДУНЬЯ](#)
[«Когда ночь свой распахнёт плед...»](#)
[КОРОЛЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ](#)
[ЛАУРА](#)
[ОРКЕСТРОВАЯ ЛЮБОВЬ](#)
[«Писала женщина стихи...»](#)

РЕПЕТИЦИЯ ЛЮБВИ
ТАНГО 1916 ГОДА
ТАНГО МЕТАМОРФОЗУС
ФЕВРАЛЬСКИЙ РОМАНС
ЦИФРЫ
ХОЛОСТЯЦКИЙ ПЕРРОН

Сарказусы

10 КОВБОВ
БАЛЛАДА О ТИХОМ ЧАСЕ
БОЯРСКАЯ АНТИПЕТРОВСКАЯ
ВСЁ, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ О ГОГОЛЕ, НО БОЯЛИСЬ
СПРОСИТЬ
ГИППОПОТАМ
КАК МУЖИК СВОБОДУ ПРОДАВАЛ
КНЯЖНА
МОЯ ЭВОЛЮЦИЯ
НОЙ И ЕГО ЖЕНА
О КРОТАХ И ЧЕРВЯХ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВ
«О чём ты, королевская фемина...»
ПАЛАЧ И ЕГО ДОЧКА
ПАМЯТНИК
ПЕРЕУЛОК ЛЮДОЕДОВ
ПУШКИНСКАЯ ЦЫГАНОЧКА
САРКАСТИХИ
ЭКСКУРСИЯ ПО ОДЕССЕ
ЮБИЛЕЙНЫЙ ГРЕШНИК

Непесни

«В горькой муке рождается слово...»
«...В этом городе, спящем извечно на ложе морском...»
«Весна явилась как мигрень-...»
«Ветер любит читать и читает он быстро...»
ДЕТАЛИ

ИМПРЕССИОНИЗМ

«Как темнота оправдана рассветом...»

КОНЕЦ ИСТОРИИ

«Легли слова в бумажную могилу...»

«Ни жёлтых свеч, ни розового кьянти...»

«От белословия сирени...»

«Сонет писала вьюга набело...»

ХАМЕЛЕОН

«Я пришёл безоружен...»

«Я буду говорить о доброте...»

**ЕВГЕНИЙ
ПАЛЬЦЕВ**

ЗЕМЛЯ ШУТОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ

Автор посвящает свою книгу самым дорогим людям- жене, дочери и сыну: Кате, Алисе и Дане

Автор выражает искреннюю признательность Юлии Медведовской и Николаю Лелюку за неоценимую помощь в создании книги

Город N

ЖИТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Жить в Петербурге- значит, жить на небесах,
Спускаясь изредка на землю за грехами,
Пить скверный кофе, целоваться в пух и прах
И лезть в карман не за рублём, а за стихами.

Толкуя с пафосом о ценах на кефир,
Толкая кукиши зонтов навстречу богу,
Спешить на кладбище, в роддом или ОВИР
И сожалеть, уже отправившись в дорогу.

Чёрный конь и белый пёс
Рядом по бокам застыли,
Укажи мне, Господи, путь среди берёз,
Мы готовы, Господи, мы в силе!

Мой конь, клянусь: тебя седлом не оскорблю,
А кнут в моей руке не горше поцелуя,
Ты помоги найти мне то, что я люблю
И помоги мне полюбить то, что найду я.

Мой белый пёс, мой соплеменник, мой герой!
Мы только пульсом различаемся с тобою,
Мы будем жить до первой крови и второй,
Пока она не станет кровью голубою.

Города да города
Спят по сторонам дороги,
Покажи нам, Господи, где твоя звезда,
Одолжи на время для подмоги!

Но я вернусь сюда, где небо- набекрень,
Где каждый дом подобен раненому волку,
Где ветер сталкивает с крыш прошедший день.
Как с головы Наполеона- треуголку.

Я снова здесь, я отпущу сейчас коня
И растворюсь в ночной январской перебранке,
Я променял сегодня вечность на три дня,
Три дня дыхания с дыханием Фонтанки.

Только ветер, только снег,
Только снег и только ветер,
Помоги мне, Господи, отыскать ночлег
Средь замёрзших тополей и ветел!

Пускай душа моя, печальна и бела,
К ногам собора будет волнами прибита,
Пускай струна моя среди общего стола
Звенит над миром, что трагедия –финита!

Пускай, качаясь на невидимых весах,
Мы песню добрую не раним песней злою,
Жить в Петербурге- значит, жить на небесах,
На полпути между любовью и землёю.

И нехоженой землёй
К неизведанной любви,
Ты пролейся, Господи, дождевой водой,
Оборви меня на полуслове!
Оборви меня на полусло...

ГОРОД N

Начинаю я стареть, может статься,
Память роется в замках и ключах,
Раньше каждый отличал ленинградца
По особому дворянству в речах.
На вопрос: « Вы- ленинградец?» -извечно,
Чуть поправив коверкот на плече,
Отвечал я с лёгким шиком: « Конечно!»
При ответе подчеркнув букву « ч».

Здесь, конечно, не в « парадном» уловка
И « поребрик» здесь совсем ни при чём,
Но была у ленинградцев сноровка
Поворачиваться к ветру плечом.
И, как будто, шла команда шальная:
«Всем поднять воротники- и вперёд!»
И, зонты перед собой выставляя,
Ленинградцы шли в зонтовый поход.

Кто здесь родом из города N?
Отзовись, мой земляк незнакомый!
Ты давно безутешно искомый
В геометрии мраморных стен.
Отзовись, мой земляк незнакомый!
Кто здесь родом из города N?

Ленинградец пил стихи -в день три ложки
И умел он, возведя в эталон,
Путать запах огурцов и рыбёшки
Или прятаться в лесу из колонн.
Было весело, как в детской считалке,

Жизнь была июльским лугом с росой,
Бесконечный коридор коммуналки
Взлётной виделся ему полосой.

Боги Севера надменней и строже,
Светит солнце тут свечою во льду
Потому неотличим цветом кожи
Ленинградец от скульптуры в саду.
Словно кровь из пулевого раненья,
Речка Чёрная мертвела в тиши,
Но смывали каждый год наводненья
Эти пятна с ленинградской души.

Кто здесь родом из города N?
Этот город-листок из блокнота,
А я- строчка с его оборота
В отражении мраморных стен.
Этот город-листок из блокнота,
Кто здесь родом из города N?

Улыбаюсь и грущу не для виду,
Пусть копейка превратится в талант!
Только ищет он свою Атлантиду,
Тот, вернувшийся с чужбины атлант.
И однажды мне аптекарь суровый,
Подтянув халат на тощем плече,
На « спасибо» вдруг сказал: « Что вы, что вы!»
При ответе подчеркнув букву «ч».

Начинаю я стареть, может статья,
Крутит память горьких мыслей пращу,
В каждом встречном я ищу ленинградца,
Атлантиду в каждом встречном ищу.

Подмигнёт мне город мой тихой сапой,
Объясняя суть забытой игры,
Но мне кажется: под питерской шляпой
Ленинградские рыжеют вихры.

Да, я родом из города N,
Это город, которого нету,
Там впадает Нева прямо в лету,
Там я греюсь у мраморных стен.
Это город, которого нету,
Да, я родом из города N,
Этот город-листок из блокнота,
Да, я родом из города N,
Отзовись, мой земляк незнакомый!
Кто здесь родом из города N?

МИЛЛИОННАЯ

Как по Миллионной,
Под луной лимонной
Мокрые бредут коты,
А звезда за тучей
Изошла в падучей,
Брови подняли мосты.
С почерневших кровель
Капли лунной крови
Шепчут, по щекам скользя:
«Что-то потеряли
Мы под фонарями,
Что-то, без чего нельзя!»

И по лужам семеня, семеня, семеня,
О любви спроси меня, си ...меня... си... меня
В гости пригласи меня, си... меня... си... меня...
В небо вознеси меня!

А по Миллионной,
По хамелеонной,
Как на аутодафе,
Никому не нужен,
Я пойду по лужам,
Просто так зайду в кафе.
Ты придёшь навстречу,
Я тебя замечу
Возле столика в углу,
«Здравствуй! Ты в порядке?
Завтра будут святки...»
И печаль сведёт скулу.

И по лужам семена, семена, семена,
Господи, спаси меня... си... меня... си... меня...
Боже, воскреси меня, си... меня... си... меня...
В небо вознеси меня!

А над Миллионной
Раненой Мадонной
Мечется твоя душа
И глазеют окна
Сквозь двойные стёкла,
Занавесками шурша.
Крыльями из хлопка
Постучится робко
Возле двери –та-та-та!
И открою дверь я,
И увижу перья
В пасти мокрого кота.

И по лужам семена, семена, семена,
Господи, спаси меня... си... меня... си... меня...
Боже, воскреси меня, си... меня... си... меня...
В небо вознеси меня!

КОНЮШЕННАЯ

В наготе января
Развернулась заря
Свитком
И над чёрной водой
Силуэт мой седой
Выткан.
Нынче я сам не свой,
Хоть лети головой
В омут!
Ты плохому не верь,
Видишь, звёзды в Неве
Тонут?

Под пальтишком твоим
Перед богом стоим,
Мёрзнем,
А трамвай щурит глаз
И уходит без нас-
Чёрт с ним!
Видишь, утро на бис
Вынимается из
Ножен?
Петербург на песок,
Словно женский чулок,
Брошен.

И завьюженной, завьюженной, завьюженной
Мостовую, где несётся белый дым,
По Конюшенной, Конюшенной, Конюшенной
Мы с тобою, взявшись за руки, бежим...

Мальчик с белым лицом,
Ты звени бубенцом,
Пой нам!
Мой господь, потому
Ты не делай ему
Больно!
Если ты чуть жива
И забыла слова
Напрочь,
Эту песню в тоске
Принимай по строке
На ночь.

И опять я в бреду
И опять я бреду
Полею
И тобою, заря,
Знать, хронически я
Болен.

Посмотри за строкой-
Мне отмерен какой
Срок там!
Петербург- мой псалтырь,
Мой слепой поводырь,
Доктор.

И завьюженной, завьюженной, завьюженной
Мостовую, где несётся белый дым,
По Конюшенной, Конюшенной, Конюшенной
Мы с тобою, взявшись за руки, бежим...

Там, где светится брошь,
Там, где женщины сплошь
В лисах,
Где не знают грозы,
Где и след от слезы
Высох,
Но летят вокруг столов
Отшумевших балов
Вальсы
И распахнута высь
И навеки сплелись
Пальцы.

И покуда я жив,
Пусть летит мой мотив
Зимний,
Ночь тебе подарю
И подаришь зарю
Ты мне.
Видишь, утро на бис
Вынимается из
Ножен?
Петербург на песок,
Словно женский чулок,
Брошен.

И завьюженной, завьюженной, завьюженной
Мостовую, где несётся белый дым,
По Конюшенной, Конюшенной, Конюшенной
Мы с тобою, взявшись за руки, бежим...

САДОВАЯ

По Садовой коночка
Больше не идёт,
А идёт девчоночка-
Бровушки вразлёт,
Встречный пешеход
Мимо прошмыгнёт
И, качая бёдрами, вдаль трамвай плывёт.
— Я, -поёт девчоночка-
Милому взгляну
В два его глазёночка,
Прямо в глубину.
Я к нему прильну,
А потом всплакну,
В межнациональную едет он войну!

Отпусти, Садовая, мне грехи,
У меня в душе- иксы, игреки,
Небеса- беретиком на глаза,
Со слезой смешается бирюза,
«Мерседесы» катятся, нехристи,
Поднимись, рука, да перекрести!
Ой, Садовая, ты, Садовая!
В уксусе ты- ложка медовая.

А в полночном поезде,
Глядя на луну,
Едет, едет миленький
В злую тишину,
А майор: -Ну-ну!
Защищай страну!

А какую именно- опосля шепну!
Что тебе Абхазия
Или Карабах?!
Как придёт оказия
И уснут в штабах,
С кровушкой рубах
Песню на губах
Передай зазнобушке на Садовый шлях!

Трудно нам, богам,
В мире путаном,
Стань-ка яблоком,
А я- Ньютоном,
И, открыв закон,
Настежь, полностью,
Стану для науки я
Гордостью!
Для Москвы закон, для Ай-Петри ли-
До него вовек не допетрили
Ни Декарт, ни Ленин, ни Хо-Ши-Мин-
Как помочь людям стать хоро-ши-ми!

У Садовой чёлочка
Снежная растёт,
Но идёт девчоночка
И глядит вперёд,
Встречный пешеход
Головой кивнёт
И, в пальтишко кутаясь, мимо проскользнёт.
— Я, -поёт девчоночка-
Милого дождусь,
Хоть сидит в печёночках
Проклятая грусть,

Я к нему прижмусь
И сильней влюблюсь,
Погляди, как с цыпочек я к нему тянусь!

Отпусти, Садовая, мне грехи,
У меня в душе -иксы- игреки,
Как придёт пора счастью бабскому,
Я пойду к вокзалу Варшавскому,
К милому пойду в платье ситцевом,
Что в Москве купила на Сивцевом,
Может, я девчонка бедовая,
Но тебя не хуже, Садовая!

МОЙКА И НЕВА

Ночью Мойке шептала Нева:
— Знаешь, Мойка, я очень устала!
Ах, как больно гранитные жмут рукава,
Давят горло мосты из металла!
Только Мойка- лентяйка спала,
Что ей барская эта забота?!
И архангелы вместе сложили крыла
Возле арки Валлен-Деламота.

Первый на воду лёг, а его визави
Повалился в траву недалече,
А их руки, привыкшие только к любви,
Разминали затёкшие плечи.

Первый молвил :-Скажи, Гавриил!
Может быть, мой вопрос неуместный:
Что про город про этот господь говорил,
Ты не помнишь ли, брат мой небесный?
Или будет ему воздана
Похвала золотыми словами
Или гневная встанет из моря волна
И проглотит его с островами?

Но молчал Гавриил и глядел он туда,
Где искал Млечный Путь поворота
И о чём-то спросонок шептала вода
Возле арки Валлен-Деламота.

Время шло в полусне дождевом,
Стрелка ночи упала на тройку

И Нева задремала, махнув рукавом
На безгрешно сопящую Мойку,
Только камни всплакнули чуть-чуть
О годах, когда были моложе
И архангелы снова отправились в путь,
Где теплее архангельской коже.

Урони же ты сердце с моста навсегда
Там, где божья вершилась работа,
Там, где сонная мгла, где кирпич и вода,
Там, где арка Валлен-Деламота...

У АНИЧКОВА МОСТА

Помолись, Елизавета,
У Аничкова моста,
Белой поступью сонета
С моего сойди холста,
В каждом горестном диеше-
Твой божественный полёт
И Фонтанку в полонезе
Невский под руку веёт,

Над мостом Аничковым- дым, дым, дым
И над спящим городом- сон, сон, сон,
Мне лететь хотелось бы с ним, с ним, с ним
Ветру в унисон.

Оглянись, Елизавета,
На погасшую свечу,
Моего спроси совета,
К моему прижмись плечу
Завтра утром спозаранку,
С хлебной крошкой на губе
Выйдет ангел на Фонтанку
И сыграет на трубе.

Над мостом Аничковым- дым, дым, дым
И над спящим городом- сон, сон, сон,
Мне лететь хотелось бы с ним, с ним, с ним
Ветру в унисон,

Поднимись, Елизавета,
На парадное крыльцо,

Не про то и не про это
Напиши мне письмоце,
Не про то и не про это,
А про вздыбленных коней,
Про убитого поэта,
Что лежит среди камней.

Над мостом Аничковым- дым, дым, дым
И над спящим городом- сон, сон, сон,
Мне лететь хотелось бы с ним, с ним, с ним
Жизни в унисон.

ГРАЖДАНОЧКА

Не хватай меня, тоска, за грудки,
Не тяни меня, тоска, в Магадан,
Я надену цвета беж башмаки,
Посажу в петлицу жёлтый тюльпан.
Эй, гражданочка, берет набекрень-
Погляди мне, молодому, вослед
И на службе вспоминай целый день,
Как по Невскому гуляет поэт!

Я по Невскому иду- следом грусть,
Цыганятам раздаю медяки,
Мостовая под ногой- хрусть да хрусть,
Цок да цок по мостовой- каблучки,
Слушай, девушка, постой, погоди:
Я красив сегодня, как сатана,
Но душа моя в усталой груди
Представляешь, совершенно одна!

Знаешь,, милая, я- гордый поэт,
Посмотри -я не пижон, не позёр,
Я в трамвае не плачу за билет,
Я, родная, сам себе контролёр.
Оштрафуй меня на день выходной,
Покажи мне дом среди тополей,
Накорми меня треской заливной,
Рюмку истины покрепче налей!

А не хочешь- так хотя бы пройдишь
По Конюшенной под ручку со мной,
Не кричи коту продрогшему: «брысь!»,

Я и он- бродячей крови одной.
Слушай, милая, беги- твой трамвай,
Поцелуй твой по губам- как ножом,
Добрый словом поминай-называй
Да смотри- не ошибись этажом!

Я по Невскому иду- следом грусть,
Цыганятам раздаю медяки,
Мостовая под ногой- хрусть да хрусть,
Цок да цок по мостовой- каблучки,
Взглядом томным обласкай на бегу,
По две сумки-руки, чай, затекли!
Эй, гражданочка, давай помогу!
Вам куда, на край земли? Ну, пошли!

ЕДЕТ ПУШКИН НА ИЗВОЗЧИКЕ

Едет Пушкин на извозчике,
Уезжает от грозы,
По шершавой по его щеке-
Дождевые две слезы.
Голова с утра напичкана,
Да ни мысли о любви...
У Фонтанки, у Аничкова
Просит он: « Останови!»

Долог Невский, будто сплетника
Невоздержанный язык,
День рождения наследника,
Во дворце наводят шик.
В бальном кружеве-кружении
Пары мечутся вдали,
В интересном положении
Снова пляшет Натали.

А в Михайловском цветут липы
И покрылся сединой пруд
И поспели на ветвях лиры
И его там- боже мой- ждут!
Ждёт Зизи и ждёт Аннет (Нетти)
И тригорские поля ждут,
Эй, ямщик, давай готовь плети,
Если мало помогал кнут!

Но пока что узаконено

То, что он в беде один:
Должен он и в лавку Слёнина
И в Английский магазин.
И подняться норовит цена,
Чёрт ещё беду принёс:
Прошлой ночью у Голицына
Проиграл две сотни в штос!

Петербург по понедельникам
Так же скучен, как Москва,
Взять да с Дельвигом- бездельником
Укатить на острова.
Только Дельвига- бездельника
Больше нету на земле,
День рождения наследника,
Петербург навеселе...
А в Михайловском- дожди пуще,
Хоть ступай через луга вброд,
А в Михайловском сидит Пущин,
У камина с чубуком ждёт.
Взять- в деревню прихватить жёнку,
Утром в сладкую траву пасть,
Пить бы там по вечерам жжёнку,
Сочинять бы там стихи всласть!

А гроза уже безбрежностью
Захлестнула пол-Невы,
Трудно жить с арапской внешностью
Средь российской синевы.
И снуют, снуют разносчики
Среди уличной бузы,
Едет Пушкин на извозчике,
Уезжает от грозы...

ЛИЗОНЬКА

Вьётся туман по-над Мойкою низенько,
Стонет седок: « Погоняй!»,
Граф Осоргин и жена его Лизонька
Кушают аглицкий чай.
Дремлют пузатые в блюде пирожные,
Стрелки подкрались к шести,
Граф разговоры свои осторожные
Так начинает вести:

— Вам известен миф,
Что я не ревнив,
Он правдив едва ли!
Видал на балу
Давеча, в углу-
Что-то вам шептали!
Если о любви-
Кто ваш визави
В рыжих бакенбардах?
Может быть, мой свет,
Мне узнать ответ
На гадальных картах?

Лизонька губки сжимает упрямые,
Личико хмурит своё,
Сладкие пряности, сладости пряные
Не привлекают её.
Ручка лилейная в сторону веера
Тянется над полутьмой,
Лиза, неужто любовью повеяло?
Господи боже ты мой!

— Мой любезный граф
Знает, что неправ,
Так зачем упрёки?
— Лиза, шер ами,
Нынче меж людьми
Нравы так жестоки!
Спрашиваю- кто
Ваш инкогнито,
Из чьего союза?
Или в старину
За Березину
Он гонял француза?

— Я не мальчишка, вы тоже не девица
Действовать мужу назло!
— Полноте, граф, вы изволите гневаться,
Если что было- прошло!
— Я не слышу рогоносцем и неучем!
— Полноте, граф, что с того?
Звали его Александром Сергеичем,
Нынче хоронят его...
...Вьётся туман по-над Мойкою низенько,
Вечер пришёл невзначай,
Граф Осоргин и жена его Лизонька
Кушают аглицкий чай.

ПЕТЕРГОФСКИЙ РОМАНС

Пусть эта встреча к утру обернётся разлукой,
Но если знаешь, где счастье на свете- скажи!
По Петергофу иду я с княжной Долгорукой
И наши тени за нами идут, как пажи.
Белая ночь, как шампанское, льётся и льётся,
В красном бокале гранитном я вижу звезду,
Что мне от ночи от этой теперь остаётся?
Женские губы да привкус черешни во рту.

Я петергофской водой вперемежку с шампанским
Нынче умоюсь и звёзд прихвачу серпантин,
Завтра с утра я уйду с эскадроном уланским
И в адъютанты назначит меня Константин.
Я буду резаться в карты и спать на шинели
И быстрокрылые рифмы хватать на лету,
Ну, а умру я, конечно, зимой на дуэли,
Чувствуя давешний привкус черешни во рту.

Ну, а, быть может, иному последую зову,
Станет тогда беспокойной холодная речь
И поведу я солдат к монументу Петрову,
Пусть меня, словно блудница, ласкает картечь.
Дом на прощание скрипнет ажурной калиткой,
Но я запомню, когда поведут в темноту
Женщину, долго бегущую вслед за кибиткой,
Запах жасмина и привкус черешни во рту.

Впрочем, оставим напрасное это гаданье,
Ты погляди- благодатью наш путь осенён,
Если у жизни и есть на земле оправданье-

Это глаза человека, который влюблён.
Пусть эта встреча к утру обернётся разлукой,
Но если знаешь, где счастье на свете- скажи!
По Петергофу иду я с княжной Долгорукой
И наши тени за нами идут, как пажи.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИРАЖ

Не дай бог умереть в петербургскую зиму,
По- бетховенски корчась в сырой простыне,
Лучше выйти во двор, где увядшую приму
Хлещет снегом январь по усталой спине.
Я надену пальто, близкий к осатаненью,
В переулок спущусь, чертыхаясь и злясь,
С ледяного плеча снеговой шинелью
Одарит меня белый полуночный князь.

Где-то пляшет в окне с красным бантом гитара,
В петербургской ночи я свечою сгорю,
Я закашляюсь в хрип посреди тротуара
И плечами тряся, привалюсь к фонарю.
Я найду чёрный дом Липа, словно невеста,
У подъезда в снегу- заколдованный страж.
Я исчезну в глухой чёрной пасти подъезда
И неслышно взойду на четвёртый этаж.

И взовьётся зимы меловая реприза,
И позёмка положит на крышах тесьму,
Я платок кружевной с тонкой надписью « Лиза»
К запылавшим щекам на ступеньках прижму.
Ветер вскинет крыло, вторя ветреной свите
И старушка в кашне мне откроет на стук,
Я скажу чёрным ртом:» Ах, я мёрзну, впустите!»
И цветы упадут из моих белых рук.

Лиза, Лиза моя! Ты бледна и неслышна,
Но всё так же юна, как три года назад,
Я спрошу: « Как же так?», ты ответишь: «Так вышло»

И на круглый живот бросишь ласковый взгляд.
Мне не нужно любви, я прошу только чаю,
Ты налей мне стакан и напротив присядь,
Я клянусь: не обижусь и не осерчаю,
Вот и время идти слушать вьюгу опять.

Я шагну за порог и взорвусь хриплым кашлем
И пролёт передразнит мою хрипоту,
И платок кружевной, ставший красным и страшным,
На ступенях кривых уроню в темноту.
А в подъезде столкнусь с неказистым студентом,
Он посмотрит в глаза, будто пряча вину
И наверх проскользнёт, озираясь моментом,
Я вослед погляжу и в позёмку нырну.
А наутро жандарм, напомаженный, пьяный,
Тыча пальцем в статью, скажет ласково мне,
Что какой-то подлец зарубил на Стремянной
Лизавету мою и старушку в кашне.
Я сгорю в тот же миг от макушки до низа,
А жандарм под мундиром почешет камзол
И положит платок с тонкой надписью «Лиза»
В почернелой крови на мой письменный стол.

А потом сквозь пургу поведут меня двое
По сырым коридорам в свинцовый подвал,
Дальше я не скажу ничего, кроме воя,
Дальше- чёрный проём, дальше- чёрный провал.
Не дай бог умереть от чумы иль со страху,
По- бетховенски корчась в сырой простыне,
Лучше выйти во двор, где морозную плаху
У порога зима приготовила мне.

НЕЗНАКОМКЕ

(по мотивам А. Блока)

Егоза, жеманница, отличница,
За руку сводящая с ума,
Посмотрите- в город, как лимитчица,
Нынче направляется зима.

Не бегом-походкою житейскою
Подойдёт и встанет у ворот,
Шалью ледяной адмиралтейскою
Город, как ребёнка, обернёт.

Ваши плечи крыты чернобуркою,
А глаза наполнены не мной,
Не дай бог вам в зиму петербургскую
Оказаться в городе одной.

Он, подлец, закарнавалит в сумерках,
Как самовлюблённый какаду,
И расскажет, кто приезжий умер как
В этом разлинованном аду.

Будто бы ведомы тайным гением,
Вы вращаете в эти берега,
Станет петербургским настроением
Ваша поселковая тоска.

Вы себе внушите, что вы -здешняя
От походки до изгиба рта
И провинциальная, кромешная

Будет раздражать вас простота.

Не считаясь ни с какой причиной,
Не благодаря, а вопреки,
С городом сойдётесь, как с женщиною,
Взяв его покрепче за грудки.

Вы и бить готовы ниже пояса,
Но признайтесь, шёпотом, во сне-
Как же вам, чужачке, вечно боязно
Оказаться с ним наедине.

ГОРОД МАРРАКЕШ

Там, на юге, город есть Марракеш
Средь восточной суеты-кутерьмы,
Там ты вдоволь: хочешь -пей, хочешь-ешь,
А ещё там не бывает зимы.

Лёд не нужно разбивать черпаком,
Чтоб водицы зачерпнуть из реки,
Санки мёрзлые не тянут гуськом
За собою по снегам старики.

В Марракеше -там, наверно, жара,
Запах шерсти, имбиря и хурмы
И бредут верблюды в город с утра,
А ещё там не бывает зимы.

К пальцам там не примерзает перо,
Каждый час не объявляют налёт
И с промёрзшею водою ведро
Там, наверное, никто не везёт.

Знаю я, что мы прогоним врагов,
Верю я, что мы дождёмся весну,
До парадного тринадцать шагов...
Я присяду и чуть-чуть отдохну.

Моя цель, мой рубикон, мой рубеж-
Дверь подъезда моего среди тьмы...
А на юге город есть Марракеш,
Где вовеки не бывает зимы...

БЛОКАДНОЕ СРЕТЕНЬЕ

Коммунистов ругавший на идише,
Моисей Соломонович Зак,
Как сумели вы в жалком подкидыше
Увидать провидения знак?

Может статься, дремавшая день-деньской
Гордость великороссов- славян
С интуицией шолом- алейхемской
Вас толкнули в блокадный туман?

По ступенькам, где жалобным « фа-ля-ми»
Двери слали друг другу пароль
И во двор, где щербатыми каплями
С неба рушилась жидкая боль

На младенца, рискнувшего выставить,
Как ладонь, из худого тряпья,
Нестерпимо-кричащую исповедь
Возжелавшего жить муравья.

Словно прынув из комнаты ангельской,
Как молитва с очами горе,
Распахнувшись главою евангельской
В ленинградском промёрзшем дворе,

Этот крик был таким же, как сведенья
С фронтовых окровавленных трасс,
Это было блокадное Сретенье
На канале, где ёжился Спас.

Крик младенца из дворика скользкого
Облетел шар земной поперёк
И упал свет собора Никольского
В огневые глаза синагог.

РАЗВИВАЯ БРОДСКОГО

«...И ступать по водам не хватит
веры...»

И.Б.

Над городом танцуют облака,
А я иду к газетному киоску,
Что нынче в Мариинке? Снова «Тоску»
Дают в который раз? Тоска, тоска!

Заиндевевший купол -как зрачок
Язычника, не знавшего купели,
По мне- так лучше выйти из шинели,
Чем в ней шагами мерить пяточок.

Луна плывёт ладьёй в ночном пруду,
Дворцы роняют в реку позолоту
И дипломат протеста слышит ноту
В равелевском полуночном бреду.

Рассвет похож на пролитую тушь
И ванна неподвластна Архимеду,
Страстной четверг взбирается на среду,
Как на жену -с войны пришедший муж.

Растрелли здесь ошибку совершил,
Дворец построив около могилы,
Зовущейся Невою -и вполсилы
Светило светит, ибо нет вершин,

Которые могли б мешать восходу.
Извозчики теперь считают медь
В собачьих шапках, ибо помереть-
Плохой расклад для этого народу.

От греков переняли интерес
Славяне к почитанью женской ножки,
Когда она спускается с подножки,
Благословенен юбочный разрез.

Залив давно не голубых кровей
(Будь проклят Рим из-за водопровода),
Когда б не труполобие народа,
Лежать бы Ильичу среди червей.

Анфасы облупившихся дворцов
Трёхбуквенные мысли замарали,
Являя деградацию морали,
Взывавшей к равноправию глупцов.

Петровский конь, лишённый бубенца,
Змею копытом бьёт, как печенег,
Забыв мораль про вещего Олега:
Змея живёт подоле жеребца.

Кресты в ночи походят на вопрос
О сущности земного постоянства
И город выпадает из пространства,
Эйнштейну утерев горбатый нос.

...Я жду тебя, Иосиф, каждый день
У входа в Летний сад. Довлеет скука

И тень дрожит, хоть тень, конечно, сука
И органы наводит на плетень.

Хоть между нами плоскости морей,
Ты напрямик ступай и сердце слушай,
Господь- он тоже, пренебрегши сушей,
Прошёл по водам. До твоих дверей.

В ПЕТЕРБУРГЕ СНЕГ

В Петербурге- снег и белым-бело,
Снег на проводах и на мостовой,
Белый, как душа, как моё крыло,
Белый, как проспект, где мы шли с тобой.
В Петербурге- снег, я хватаю ртом
Божьи леденцы райского стола,
Снег в пустом дворе, во дворце пустом
И в снегу кресты и колокола,
В Петербурге -снег...

В Петербурге- снег над седой рекой
И на плечи крыш брошен снежный плед,
В Петербурге- снег. Белизны такой,
Что белеет ночь снегопаду вслед.
В Петербурге- снег, значит, я живой,
В Петербурге- снег- значит, я влюблён,
В Петербурге- снег, значит, над Невой
Будет плыть и плыть колокольный звон,
В Петербурге- снег...

А когда в зенит поплывут кресты,
Снег начнёт вершить наше торжество,
Только снег и я, только снег и ты,
Только снег и мы- больше никого!
В Петербурге- снег, только нам тепло,
Мы с тобой в кафе коротаем век,
Положи висок на моё крыло
И гляди- какой в Петербурге снег!
В Петербурге- снег...

ЕСТЬ НА СВЕТЕ ГОРОДА

Есть на свете города,
Над которыми — вода,
Есть на свете города,
Над которыми — беда,
Есть на свете города,
Над которыми — звезда,
Выбирай, который — твой!
И живи, пока живой.

Ты смотри, не ошибись, который — твой,
Ты отныне- и хранитель, и конвой,
Этот город, словно сладостная дрожь:
Ты им дышишь, ты им веришь, ты им ждёшь.
Этот город научил тебя летать,
Ты влюбился в его каменную статью,
Будь на страже ты и всматривайся в даль,
Защищай его, вступайся, зубы скаль!
От парадных до чердачных этажей
Защити его от слов и от ножей
И от шпилей до асфальтовой брони
Ты согрей его, укутай, сохрани!

Есть на свете города,
Что возникли без суда,
Есть на свете города,
Что возникли без стыда,
Есть на свете города,
Что возникли навсегда,
Выбирай, который- твой
И живи, пока живой.

Ты бери, не сомневайся: это — твой,
С ним и плакать, и смеяться не впервой,
Он знаком тебе до льдинок на реке,
До прожилок у любимой на виске.
Ты давно его читаешь наизусть,
Вместе с ним во сне вздыхаешь- ну и пусть!
В колыбель твою легли его лучи
И, как маму, ты зовёшь его в ночи.
Этот город исчезает, словно дым,
Но живёшь ты только в нём и только им.
А когда жить на свету не вмоготу,
Он опустит, как портьеру, темноту.

Ты не сможешь выбрать, брат,
Для себя ни рай, ни ад,
Ты не сможешь выбрать, брат,
Первый и последний взгляд,
Но ты сможешь выбрать, брат,
Плеск воды и чернь оград,
Эти шпили и мосты
Сможешь выбрать только ты.

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ПЕТЕРБУРГЕ

Вот он- гляди- этот град нецелованный,
Суетный каменный вздох,
Через колено ни разу не сломанный,
Траченный молью эпох.

Вот он, кого сотни прочих не стоили,
Юн и жестокосерд,
Вот же он, сорванный с грядки истории,
Поданный на десерт!

Вот он, как будто без кортика ножны,
Кружево на кирзу,
Трижды помеченный, трижды помноженный
Гордостью на слезу.

К дьяволу Рим, Карфаген и Салоники!
Он ещё тот лицедей!
Он и тебя завербует в поклонники,
Элин ты иль иудей.

Скромника или альфонса охального
Смерит на зуб и слух,
Чист, как рентгеновский снимок архангела,
Грязен, как сотня шлюх.

Финский бродяга, морской полуночник,
Чёртов дворянский враль,
Гнётся дельфиний его позвоночник-

Невская магистраль.

Только не думай втираться в доверие
Красками или стихом,
Позже твоей улыбнётся вдове или
Скажет: " Я с ним незнаком!»

Пахнувший солью, смолою и плесенью,
Чем он тебя пленил?!
И почему льёшь ты в кубок свой песенный
Литры его чернил?!

Вместо дорог выбирающий тропы,
Втиснут в гранитный фрак,
Несостоявшийся родич Европы,
Сам себе суть и знак.

Даже в аду не теряй хладнокровия,
Прядь на виске теребя,
Здесь каждый дом- всё равно что надгробие,
Может быть, и для тебя.

Так не стесняйся судьбы своей краденой,
Будь же в своей стране
Бликом в канале, на статуе патиной,
Надписью на стене!

И если город, жестокий и серый,
Песню споёт тебе-
Значит, воздал ты ему полной мерой
В тихой своей судьбе.

НЕВСКИЙ ПСАЛОМ

Белокурая зима
В городе моём
Распахнула закрома
Перед январём
И рассыпалась сама
Поровну с дождём
Снегом,
Заневолен я зимой
На исходе дня,
Отпусти меня домой,
Отпусти меня,
Поделюсь водой живой,
Голову клоня,
С небом.

Питер, Питер, Питер, Питер,
Питер, Питер, Питер, Питер,
Пи-тер, Пи-тер, Пи-тер, Пи-тер-пи...

Сколько я себя казню
У твоих высот?
По пятнадцать раз на дню
Или по пятьсот,
Жмутся к доброму огню
Здесь из года в год
Липы,
Пусть лежат мои пути
Между южных стран,
Но куда от вас уйти,
Милый Монферран?

Мы могли бы из горсти
Выпить за славян,
...ли бы...

Питер, Питер, Питер, Питер,
Питер, Питер, Питер, Питер,
Пи-тер, Пи-тер, Пи-тер, Пи-тер-пи...

Ухожу я налегке
В белый твой зенит,
Может, где-то вдалеке
Стану знаменит,
Но на каменном виске
Жадно задрожит
Жилка,
И серебряной строкой
Лягут огоньки,
Я могу подать рукой
До твоей руки,
Пусть сыграют упокой
Мне твои смычки
Пылко.

Питер, Питер, Питер, Питер,
Питер, Питер, Питер, Питер,
Пи-тер, Пи-тер, Пи-тер, Пи-тер-пи...

ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ, МОЙ ПИТЕР

«...Мой Петербург, мой колокол
пожарный...»

И. Бродский

Ты опять со мной, мой Питер
И опять мне слёзы вытер
Взмах крыла,
Ты утешь меня шарманкой,
А умру- обмой Фонтанкой
Добела.
Голубая самобранка,
Ты носи меня, Фонтанка,
Между бед,
Я под божею грозою
Напою твоей слезою
Мой куплет.

Так давай раздадим пополам
Землю- нам, небеса- куполам,
А вино -по столам, по столам.
В золотые узорные чаши,
Так давай воздадим по делам:
Нам- печаль и любовь- тоже нам,
А потом- чёрный креп зеркалам,
А богам- жизни краткие наши.

Ты опять со мной, мой Питер,
Мой Харон и мой Юпитер,

Свет в тени,
Я — твой страж, твоя собака,
Ты- мой порт, моя Итака
Искони.
Ты меня дождями гладишь,
Ты меня от смерти прячешь
Под рукой
И тобою я обвенчан
С самой ласковой из женщин-
Со строкой.

Так давай раздадим пополам
Землю- нам, небеса- куполам,
А вино -по столам, по столам.
В золотые узорные чаши,
Так давай воздадим по делам:
Нам- печаль и любовь- тоже нам,
А потом- чёрный креп зеркалам,
А богам- жизни краткие наши.

Ты опять со мной, мой Питер,
В синеве рекламных литер
Я бегу,
Одиссеем, блудным сыном
Припаду к твоим рябинам
На снегу.
Незнакомый человече,
Обними меня за плечи,
Дай огня!
Вроде, просто сигарета-
Искра божьего привета
Для меня.

Ты опять со мной, мой Питер,
Так зачем я слезы вытер,
Дуралей?!
Собери меня ты с духом,
Пусть земля мне будет пухом
Тополей.
Голубая самобранка,
Ты носи меня, Фонтанка,
Ты носи
В город, где шарманка стонет,
Где горячий купол тонет
В небеси.

Так давай раздадим пополам
Землю- нам, небеса- куполам,
А вино -по столам, по столам.
В золотые узорные чаши,
Так давай воздадим по делам:
Нам- печаль и любовь- тоже нам,
А потом- чёрный креп зеркалам,
А богам- жизни краткие наши.

ДЕВЯТАЯ ЖИЗНЬ

Через тысячу лет на планете, какой не найти
Я девятую жизнь проживать буду из девяти
Положу я гранита кусок в неземную траву,
Если город взойдёт- Петербургом его назову.
И он явится снова,
Серебряный гордый двойник,
Повторён слово в слово
Словами прочитанных книг,
Повторённый до дрожи,
До стука трамвайных колёс,
До мурашек на коже,
«До детских припухлых желёз».

И я сделаю всё, как надо,
Будет честной моя работа,
Не убьёт его канонада,
Не сойдёт с него позолота.
Я над ним разрисую своды
Синевы последней синее,
В нём поселятся Дон-Кихоты
И полюбят их Дульсинеи.

Здесь, на дальней планете, где два -это больше, чем три,
Где я сам себе –принц или сам себе- Экзюпери,
Я, девятую жизнь проживая, вгрызаюсь в житьё,
Предыдущие восемь прожив только ради неё.
Я в посмертные списки
Внесён по горячим следам
И мои обелиски
Стоят по земным городам.

На куличках галактик,
Вселенной на заднем дворе,
Я, неопытный практик,
Свой город ращу на заре.

Я его застелю стихами-
Поизысканней, поприятней,
А на улице Мандельштамьей
Будут лавки и голубятни.
По Таврическому по саду
Будет стриженный бегать пудель
И никто не умрёт в блокаду,
Потому что её не будет.

А земной звездолёт я на шпиль пущу и мосты
И с любым Дон-Кихотом я буду, конечно, на «ты»,
Дульсинеи варить будут мясо на целый подъезд
Для крестин и для свадеб, для новых жильцов и невест.
Будет не понарошку
Правдивый уклад городской,
Словно книга в обложку,
Обёрнут мой город в покой.
А когда от заботы
Однажды я тихо усну,
Пусть мои Дон-Кихоты
Положат меня на волну.

Я вдоль стен поплыву неброских
Под лучом неземных закатов
И помашет с балкона Бродский
И коснётся кепки Довлатов.
Я перечить ветрам не стану,
Пусть летят из двора-колодца!

Меня вынесет к океану
И десятая жизнь начнётся.

Земля шутов

БАЛЛАДА О ПЛЮСАХ И МИНУСАХ

Я вам дарю на удивление
Моей истории урок:
У короля хромало зрение,
Хотя у зренья нету ног.
Хотя у зренья нету ног.
Король поладить с ним не мог.
И как подписывать решение,
Когда не видишь ни строки?!
И чтоб исправить положение
Король велел купить очки,
Король велел купить очки
В аптеке около реки.

И тогда помчались быстро
Два ответственных министра,
Два пузатых бургомистра
И усатый генерал,
А за ними мчались быстро
Заместители министра,
Два придворных массажиста
И молоденький капрал.

И хоть не косинусы-синусы,
Но забывать вы не должны,
Что и на плюсы и на минусы
Очки всегда поделены,
Очки всегда поделены
Во избежание войны.

Прошла секунда ли, минута ли-
Гонцы, по просекам пыля,
Конечно, знаки перепутали,
Купив очки для короля,
Купив очки для короля
За два с полтиною рубля.

И обратно мчались быстро
Два ответственных министра,
Два пузатых бургомистра
И усатый генерал,
А за ними мчались быстро
Заместители министра,
Два придворных массажиста
И молоденький капрал.

На кухне закипали примусы
И был король от гнева бел
И поменять на плюсы минусы
Король немедля повелел,
Король немедля повелел,
В противном случае -расстрел!
Решенье найдено- брависсимо!
И грозен королевский бас,
Но то, что не от нас зависимо,
Зависит вовсе не от нас.
Увы, но вовсе не от нас
Зависят профиль и анфас.

Но уже бежали быстро
Два ответственных министра,
Два пузатых бургомистра
И усатый генерал,

А за ними мчались быстро
Заместители министра,
Два придворных массажиста
И молоденький капрал.

Но минус не менялся с плюсами,
Король вслепую вёл дела,
А тут пошла война с зулусами,
Которым не было числа,
Зулусам не было числа,
Какая мать их родила?!
Такая грустная тематика
У нас возникла под конец,
А виновата математика
И тот аптекарь-продавец,
Ух, тот аптекарь- продавец,
Обманщик, жулик и подлец!

От врагов бежали быстро
И король, и два министра,
Два пузатых бургомистра
И усатый генерал,
А за ними мчались быстро
Заместители министра,
Два придворных массажиста
И –быстрее всех- капрал.

И я даю совет на вынос вам:
И в будний день, и в выходной
Вы не меняйте плюсы с минусом
При управлении страной,
При управлении страной-
Здоровой или же больной!

БАЛЛАДА О СУМАСШЕДШЕМ КОРОЛЕ

Снимите плащ, снимите маску,
Я разведу огонь в золе
И расскажу вам, люди, сказку
О сумасшедшем короле.
Король – не подданный припадка,
Брал города и брал займы,
Но на каких-то пол- порядка
Был ненормальнее, чем мы.

А в королевской солнечной обители
Ласкает губы золотистый мёд,
А если вас нечаянно обидели,
О, если почему-либо обидели,
По недоразумению обидели-
Поешьте – и пройдёт!

Колдунья с худобою в стане
Рекла, ноздрей пуская дым:
«Король тогда нормальным станет,
Когда все дома будут с ним!»
Король взглянул- принцесса Тома
Ушла жуков ловить в поля,
А, значит, снова не все дома
У короля, у короля!

В Париже ли, в Шанхае, в Лиссабоне ли
Пребудет идиотом идиот,
Но если вас когда-нибудь не поняли,
Но если почему-либо не поняли,
По недоразумению не поняли,
Вы спойте — и пройдёт!

Чтоб из дворца никто не вышел,
Король ворота запирает,
Король рыдал в компот из вишен,
Принц вновь уехал за Урал!
Супруга- в штате Оклахома,
А внука ждут учителя,
И, значит, снова не все дома
У короля, у короля!

В душевном трансе уж не битый час ли вы?!
Я горе ваше знаю наперёд,
Но если вы нечаянно несчастливы,
Но если почему-либо несчастливы,
По недоразумению несчастливы,
Влюбитесь- и пройдёт!

Не жалко серебра и злата!
Король устроил карнавал,
Позвал двоюродного брата,
С которым долго враждовал.
Позвал племянника Джерома
И начал дружбу с ним с нуля
И вся семья собралась дома
На карнавале короля!
Звенела чищенная шпора,
Летал шопеновский пароль,

Король за пультом дирижёра-
Не сумасшедший ли король?!

Традиция от этого утра велась-
Любить друг друга годы напролёт,
А если эта сказка не понравилась,
Но если почему-то не понравилась,
Но если, как ни странно, не понравилась,
Вы плюньте –и пройдёт!

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ- НИЩЕБРОДЕ

Ночью умер король и пришли к нему пять
Разодетых вельмож, пять хлыщей.
Стали письма читать, стали сейфы вскрывать,
Составлять стали опись вещей.
Шкаф открыли, а там- только пара сапог
Да навеки уснувшая моль,
Вот и всё, что за годы правления смог
Накопить этот странный король.

Кабинет обыскали- и в спальню ногой!
Под подушкой нашли, наконец,
Перевитый протёршейся лентой тугой
Деревянный невзрачный ларец.
Фото двух дочерей, пузырьёк от чернил
Да соната мажор си-бемоль-
Вот и всё, что в ларце потаённом хранил
Этот явно безумный король.

Говорят, он издал небывалый указ,
Даровавший свободу стране,
Говорят, что он даже кого-то там спас
На какой-то забытой войне.

Но о том не гласит ни один документ
И не сыщешь в архивах газет,
Так что ставить посмертный ему монумент
Оснований достаточных нет.

А ещё говорят (ведь король был вдовцом):
Покупал, мол, на деньги казны
Он браслет в виде сердца и серьги с кольцом
Для уже обречённой жены.
Стратегически с ним было не по пути,
А тактически он был нулём,
Вот и всё, чем в историю сможет войти
Этот клоун, что был королём!

...Нынче каждый бродяга вам скажет ответ
На вопрос исторический тот,
Есть такая легенда: назад много лет
Был у власти король- нищеврод.
А скончался король- и пришли к нему пять
Самых лучших вельмож со двора.
Стали письма читать, стали сейфы вскрывать,
Составлять стали... et setera...

БАЛЛАДА О ТРЁХ ТРЕТЯХ

Жил король- у него был мерзавец- народ:

Бабы- стервы, хамло- мужики,

Поступал он всегда только наоборот-

Скалил зубы, чесал кулаки.

А безгрешный король, херувим во плоти,

Вместо лиц видел только нули

И шепнул сатана: « Той же платой плати,

На три трети народ раздели!

И одна треть должна помереть,

А вторая должна присмиреть,

А последняя треть, а последняя треть

Непременно должна подобреть!»

А король знай за штрафом накладывал штраф,

По ночам ему снился народ,

Тот народ был жестоко и нагло неправ,

Хоть и думал, что наоборот.

И король подписал небывалый указ

С тайным шифром Двенадцать зеро,

Озаглавленный: « Меры по выводу масс

Прямо из сволочизма в добро».

Мол, треть народа должна умереть,

А вторая- должна присмиреть,

А последняя треть, а последняя треть

Непременно должна подобреть!»

С этих пор стал народ умирать без конца,

Стали добрыми злые персты

И кругом разрывались чужие сердца
От чудовищной их доброты.
Был доволен король и, прищуривши глаз,
Взял бумагу с гербом и перо,
Написал он: « Итоги по выводу масс
Прямо из сволочизма в добро».

Мол, эта треть предпочла умереть,
Эта треть предпочла присмиреть,
А последняя треть, а последняя треть
Неожиданно стала добреть!»

Но остаток народа, собравшись в кулак,
Штурмом взял бастион доброты
И безгрешный король, как отъявленный враг,
Был растерзан и брошен в кусты.
Новый славный король начертал у ворот,
Что стране срочно нужен народ,
Но чтоб этот народ выдыхал кислород,
А не как-нибудь наоборот!

И треть народа должна постареть,
Чтоб скорее затем умереть,
А вторая треть и последняя треть...
Впрочем, стоит ли дальше смотреть?

ЗАЩИТА ФИЛИДОРА

Король был сед и близорук
И, дёргая щекою,
Пред казнью коротал досуг
За шахматной доскою.
От конвоиров и ворон,
От плахи и позора
Пытался защититься он
Защитой Филидора.

А лысый повар- старый друг,
Поэт парной свинины,
Уже крошил к поминкам лук
Посредством гильотины.
Гремели пушки вдалеке,
Всё было по закону
И канцлер в тёмном уголке
Примеривал корону.

Король пожертвовал ладью,
Ладья промолвила: « Адью!»

Но оказалось -плачь, не плачь-
Что утром в воскресенье
Казнён единственный палач
За злоупотребленья.
Он с эшафота крал настил
И для верёвок мыло,
А после сам себя казнил,
Чтоб неповадно было.

Тут канцлер, поведя плечом,
Сказал не без боязни:
«Пусть я побуду палачом,
Пока, на время казни!
Я не расстрою короля,
Я не вступлю с ним в сговор!»
«А канцлером побуду я!» —
Сказал тихонько повар.

Конь разбежался для прыжка,
Жаль, рано кончилась доска!

Стал поваром полишинель,
Стал пекарь прокурором,,
Принцесса вышла на панель
(Панель вздохнула хором),
Принцессой- господи прости! —
Стал стражник с перепояю
И только тот, кто взаперти,
Остался сам собою.

Жизнь разбивала зеркала,
Играя бенефисы,
А утром третьего числа
Пошли на город крысы.
За ратью- рать, за валом-вал,
Неотвратимо скоро,
Но только узник башни знал
Защиту Филидора.

Уже сто лет и пять минут
Он ждёт, когда за ним придут...

КОРОЛЕВСКИЙ КРУГОВОРОТ

(подражание Беранже)

Ты наливай, Мария,
Кружку мне дополна,
Хоть под землёй гори я-
Слаще не пил вина!
Ставь не туда заплату-
Сердце стучит левей,
Слушай мою балладу
Про короля червей!

Король подобен басне,
Но в ней морали- ноль,
Топор живёт для казни,
А для казны- король.
Скажу :-Спасибо, Отче,
Что короля нам дал!
А чёрту крикну громче,
Чтоб тот его побрал!

Там, где в четверг шёл дождик,
В пятницу замок встал,
Правил король- картёжник
Там сумасшедший бал,
Но у фортуны дикой
Шутки- что кренделя,
Он был заколот пикой
Вражьего короля.

Хлестала кровь из жилы,
Небесно- голуба,
А около могилы
Шушукалась толпа :
«Нет лучшего подарка
Для земляных червей-
Съесть на обед монарха
Преголубых кровей!»

Но червяка земного,
Съевшего короля,
Под ноги рыболова
Выбросила земля,
Вздёрнут крючком, как дыбой,
Брошен в глубинный мрак,
Он был проглочен рыбой,
Словно простой червяк.

Рассказ мой за « спасибо»
К финалу подошёл,
Попала эта рыба
На королевский стол,
Король прогнал министра,
Закрылся с ней вдвоём
И, съев её небыстро,
Стал дважды королём!

Так наливай, Мария,
Кружку мне дополна,
Хоть под землёй гори я,
Слаще не пил вина!
И заключу пари я

С дьяволом хоть самим,
Что нам с тобой, Мария,
Нужно побыть одним!

Так в некотором роде
Свершается целей
Круговорот в природе
Червей и королей,
Я пью, чтоб кудри вились
Дворцовым парикам,
Чтоб короли плодились
На радость червякам!

КОРОЛЬ В ССЫЛКЕ

Ночь и в небе –лунный ноль,
Хочешь сказку- ну, изволь!
В Петербурге жил король
Старенький,
Сорок лет тому назад
Был он сослан в Ленинград,
Сорок лет носил подряд
Валенки.

И на лестнице кошачьей без перил
Втихомолку от соседей он курил,
Он подписывал указы и дарил
Земли королевские,
И по набережной, белой от луны,
Он шагал, касаясь тросточкой волны
И смотрел, как снег, наевшись белены,
Хлещет воды невские.

Нет шута у короля,
Забрала его земля,
Шут не скажет: «тру-ля-ля!»
Дискантом,
И король, не смяв постель,
Рвётся в полночь сквозь метель,
До его родных земель
Близко там.

С королевского небритого лица
Слёзы, словно жемчуга с руки ловца
И глаза кричат, как будто два птенца,

Светят звёзды с крыш ему,
Он выходит из парадного во мглу,
Но не ждёт его карета на углу,
С кашлем падая на стул, он шлёт хулу
В облака всевышнему.

А, когда ушла луна,
Спела королю волна,
Что в стране его- война
Досмерти,
Он пальто надел и взмок,
Запер замок на замок,
Сделай, чтоб дойти он смог,
Господи!

Он вернулся, он дошёл, седой от слёз,
А в стране его не в шутку, а всерьёз,
Та же лошадь у крыльца и тот же пёс
На дороге ждал его,
Тут же валенки сменив на сапоги,
Мчится в бой король быстрее пустельги
И, оружие побросав, бегут враги
Прочь от войска дальнего.

Победитель и герой,
Спит измученный король,
Но его разбудит боль
Подлая,
Небеса в окне пусты
И руками темноты
Разрываются мосты
По двое.

Вот корона, где помят зубец один,
Вот просроченный вчера валокордин,
Вот на блюде бутерброд и апельсин
Да орехи грецкие
И по набережной, залитой волной,
Он гуляет и бедует с луной,
А невежа- ветер бьёт рукой шальной
Плечи королевские.

О КОРОЛЕВСКИХ КРЫЛЬЯХ

За королём вослед вставал я спозаранку,
За королём вослед имел приятный вид,
Ах, сколько песен мы с ним спели под шарманку!
Теперь шарманка не играет, а скрипит.
Мне не грозят ни гильотина, ни Бастилия,
Ни гильотина, ни Бастилья, ни расстрел...
...У короля однажды появились крылья,
Как с ними жить- король понятия не имел.

И сказала королева
Королю в припадке гнева,
Что вовсю наглеет челядь и ворует казначей,
И сказала королева
Королю в припадке гнева,
Что в стране нехватка мяса и нехватка палачей.

Король пугался сильно и глотал пилюли,
А заодно- косые взгляды и смешки,
А крылья резались и вверх его тянули
И рвали мантию тяжёлую в куски.
А королева называла это свинством,
Но в каждом свинстве есть кусочек ветчины,
Теперь король не щеголял гостеприимством
И не раздаривал награды и чины.

И сказала королева
Королю в припадке гнева,
Что речистые министры строят козни по углам,

И сказала королева
Королю в припадке гнева,
Что, мол, крылья мыотрежем иразделимпополам!

И вот однажды, по пустым пройдя чертогам
И отказавшись кушать на ночь толокно,
Король вздохнул, цветы увядшие потрогал
И улетел через раскрытое окно.
Его легко узнать по властному полёту
И я охранников прошу и егерей:
Не выходите ровно в полночь на охоту
И не стреляйте в белокрылых королей!

Посмотрела королева
И направо, и налево,
А потом рукой махнула и доела толокно,
Посмотрела королева
И направо, и налево
И поставила решётку на раскрытое окно.

БАЛЛАДА ОБ ОСЛИНЫХ УШАХ

Это было до нашей эры,
Не про нашу то было честь,
Обожгла поднебесные сферы
Невозможная, дикая весть.
Понеслось в лачуги пастушьи,
Поползло меж мраморных чаш:
— У Мидаса ослиные уши!
— У Мидаса ослиные уши!
— У царя- ослиные уши
И надёжен источник наш!

Не с той ноги встал в эту ночь
Царь великий Мидас,
Но и другая нога помочь
Не смогла в этот раз.
Ему бы давить врагов, как вшей,
А после- нянчить внучат,
Но как, если пара ослиных ушей
Из-под короны торчат?!

Царь таил секрет свой ослиный
И от друга, и от врага,
Но слуга, подававший маслины,
Был на редкость зоркий слуга.
Не базарной глупой кликуше,
Не багровому мяснику-
— У Мидаса ослиные уши!
— У Мидаса ослиные уши!

— У царя- ослиные уши! —
Он речному шепнул тростнику.

О, если б слухи были людьми
Из плоти, крови и жил!
Он сёк бы, и сёк бы, и сёк их плетью,
А после в костёр сложил!
Он стране- оплот и заслон,
Он- и меч и алтарь,
Но выгядеть царь не может ослом,
Потому что осёл- не царь!

Только правда громче ста глоток
И быстрее ста кораблей,
Смастерил златокудрый отрок
Флейту из тростниковых стеблей.
И летел вдоль моря и суши
Огранённый правдой напев:
«У Мидаса ослиные уши!
У Мидаса ослиные уши!
У царя- ослиные уши,
Веселитесь, ягнёнок и лев!»

И флейта была запрещена,
И вырублен был тростник,
Он думал, что он победил сполна
И сплетню схватил за язык.
Но много в мире ещё тростника,
А песен- поболее того,
Так и остались торчать сквозь века
Ослиные уши его!
Будь гортанным скуластым скифом
Или мавром в расшитом седле,

Но когда-нибудь станет мифом
То, чем жил ты на этой земле.
Пусть живёшь ты до нашей эры,
Но зато, новый эпос творя,
Ты ко времени принял меры,
Чтобы эра стала –твоя.

ГОЛЕМ

(Пражская легенда)

Говорят, когда-то в Праге
Жил один раввин,
Он царапал на бумаге
Не рецепты вин,
Он варил внутри сосуда
На живом огне
Пару строчек из талмуда
В золотом вине.

Солнце било прямо в спину
Из последних сил,
А раввин крутую глину
На столе месил.
Вот и ночи половина-
Чудо у стола,
Под руками у раввина
Глина ожила.

В глубине тягучей массы
Чей-то взгляд возник,
Встало глиняное мясо,
Ипуская крик.
У него круглы колени,
Голова- как шлем,
Так на свет пришёл из тени
Человек -голем.

Заблудиться ночью в Праге-

Просто нет проблем!
В дождевой полночной влаге
Пропадал Голем.
И не спавши, и не евши,
На ветру- бог мой!
Утром в обществе Големши
Он пришёл домой.

И раввин взглянул на сына,
Голову клоня,
И сказал: « Однако, глина
Поумней меня!»
Улыбнулся он во мраке,
Раз- и был таков!
Это было в древней Праге
Посреди веков.

ЛИСЬИ ЧАРЫ

Это было давно, это было не здесь:
Шла в те годы молва по Китаю,
Что причуда одна у правителя есть-
Он лису предпочёл горностаю.
Он скользил сквозь болота по тропам кривым,
Там, где горечь-трава колосится,
Он с охоты всегда возвращался живым,
Он всегда и ни разу- лисица.
Но однажды у смерти не сладилась речь
И лиса ускользнула в распадок,
Но оставил навек императорский меч
Белый шрам промеж рыжих лопаток.

Там, где спит олень,
Там, где чисты и прозрачны преданья,
Там в последний день
Ты будешь спать на груди мирозданья,
Там, где спит олень...

Лю-Шань-Цы родила императору дочь,
По империи трубы трубили
И в бамбуковой люльке в туманную дочь
Снились ей небылицы и были.
Император охоту свою продолжал,
Лисьи шкуры для дома — утеха,
Даже ножны, куда он втыкал свой кинжал,
Были шиты из лисьего меха.
Он у дома не ставил военных постов,
На границе был в них недостаток

И следила лисица за ним из кустов
С белым шрамом меж рыжих лопаток.

Там, где спит олень,
Там, где чисты и прозрачны преданья,
Там в последний день
Ты будешь спать на груди мироздания,
Там, где спит олень...

Ночью выла земля, ураган был тяжёл,
Ливень сыпался, словно из бочки,
А наутро правитель нигде не нашёл
Ни бамбуковой люльки, ни дочки.
Стража рыскала по лесу восемь ночей,
На девятую пала развязка:
Император взял острый из острых мечей
И на этом закончилась сказка.
Люди шепчут, что в чёрных бескрайних лесах
Кто-то видел в болоте распадок
И лисицу с бамбуковой люлькой в зубах
С белым шрамом меж рыжих лопаток.

Там, где спит олень,
Там, где чисты и прозрачны преданья,
Там в последний день
Ты будешь спать на груди мироздания,
Там, где спит олень...

МОНАШКА ХАСИЁ

Монашка Хасиё
Шла и к деревьям жалась,
Чтобы не обижалась
Дорога на нее,
А рядом с Хасиё
Речка смиряла шалость,
Чтобы не обижалась
Монашка на нее,
А звездная цифирь
Над головой горела,
В зарослях чистотела
Прятался монастырь.

Послушай хлопок одной ладони,
Послушай хлопок,
Склонись над глубоким ручьем в поклоне
И станешь глубок,
Лови за крыло полночный шорох
У черных ворот,
Ищи небеса в лесных озерах
И наоборот,
И наоборот...

Монашка Хасиё
Встретила самурая,
Ад отличить от рая
Он попросил ее,
Вынул он острие
Из глубины халата,
— Это ворота ада, —

Молвила Хасиё..
И золотой стилет
В ножны скользнул играя,
— Это ворота рая, —
Так прозвучал ответ.

Послушай хлопок одной ладони,
Послушай хлопок,
Склонись над глубоким ручьем в поклоне
И станешь глубок,
Лови за крыло полночный шорох
У черных ворот,
Ищи небеса в лесных озерах
И наоборот,
И наоборот...

И молвил самурай
В ад или в рай сначала?
Женщина отвечала:
Слушай и выбирай.
Если падет орел-
В рай тебе путь по свету.
Решка — дороги нету
Где бы ты не побрел!
И самурай обрел
Рай, а монашка эту
Спрятала вновь монету,
Где с двух сторон орел...

Послушай хлопок одной ладони,
Послушай хлопок,
Склонись над глубоким ручьем в поклоне
И станешь глубок,

Лови за крыло полночный шорох
У черных ворот,
Ищи небеса в лесных озерах
И наоборот,
И наоборот...

СОН ЧУАН-ДЖОУ

Чуан-Джоу во сне увидел мотылька
В шелковистой рубашке багряной,
Уронила его мироздания рука
Над застывшей медовой поляной.
Летит мотылёк то прямо, то вбок,
В цветок с головою ушёл он,
А, может быть, это спит мотылёк
И видит во сне Чуан-Джоу?

Чуан-Джоу проснулся. Его головы
Чьи-то нежно коснулись ладони,
Рядом нищий слепец меж высокой травы
Говорил что-то в низком поклоне.
Тогда горный мёд и солнечный хлеб
Слепцу подарил Чуан-Джоу,
А, может быть, Чуан-Джоу был слеп
И в нищем царя не нашёл он?

И к реке Чуан-Джоу спустился в тоске
И увидел своё отраженье,
И его отражение вниз по реке
Продолжало неспешно движенье.
И вынес поток на берег цветок,
Цветок, ветку ивы и жёлудь,
А, может быть, неподвижен поток,
А берег течёт с Чуан-Джоу?

И пошёл Чуан-Джоу тропою весны,
И увидел меня на дороге,
Словно дождь, в землю пал белый шёпот струны

И река обивала пороги.
Я песню пою три дня напролёт,
Отдавшись весны поцелую,
А, может быть, то Чуан-Джоу поёт,
А я вовсе не существую?

УБИТЬ ЕДИНОРОГА

В землю воткнулся клинок,
В травах запели сверчки,
Кошка легла возле ног
Холить свои коготки.
Замер пятнистый олень,
Нюхая тень от перил,
Старый учитель Ю-Мэнь
Ученикам говорил:
— Никто не знает – где живёт единорог,
Никто не слышал, как он дышит и смеётся,
Но если пропустить его на свой порог,
Он счастье принесёт и воду из колодца.

Янь-Инь,
Сердце закинь
Ты в золотую небесную синь,
До-ля,
Доля твоя,
Дождь из сердец упадёт на поля.

А музыкант молодой,
Флейту зажавший в горсти,
Людям поклялся звездой
Единорога найти.
И по дороге ночной
Тронулся лёгкой ногой,
Флейта- в ладони одной,
Сердце- в ладони другой.
Есть множество грехов, что дьяволу под стать:
Грех по грязи шагать, коль рядом есть дорога,

Грех- пить и грех- блудить, грех- скверно рифмовать,
Но самый страшный грех- убить единорога.

Янь-Инь,
Сердце закинь
Ты в золотую небесную синь,
До-ля,
Доля твоя,
Дождь из сердец упадёт на поля.

И он бродил сорок лет,
Ел от зерна шелуху,
Имя его, как завет,
Было у всех на слуху.
От седины свят и бел,
Взглядом узлы расплетал,
Но от разбойничьих стрел
Жить на земле перестал.
Когда его нашли, он шерстью был покрыт,
Звериные глаза беседовали с богом
И люди, что над ним стояли, пряча стыд,
Увидели, что он и был единорогом.

Янь-Инь,
Сердце закинь
Ты в золотую небесную синь,
До-ля,
Доля твоя,
Дождь из сердец упадёт на поля.

ШЁЛ БУДДА

(Метаморфозы)

Шёл Будда тысячу ночей
И свет в ладонях нёс,
А вслед за ним бежал ручей,
Как будто верный пёс.
Шёл Будда и смеялся вслух,
И щёлкал языком,
Перевести немного дух
Он сел перед цветком.

И стал Будда цветком
И стал пахнуть песком,
Ноги стали корнями, спина -стебельком.
И кричал он молчком
И стелился ничком
И цветные росинки хватал лепестком.

И тишина была в лесу,
Такая тишина,
Что слышал мир, как на весу
Качается луна,
Тянулся Будда на восток,
Ломая лепестки,
Когда увидел, что цветок
Пьёт воду из реки.

И стал Будда рекой,
Тёк и тёк день-деньской
И мешал свои воды с водою морской

И утратил покой
Он от жизни такой
Гладил губы оленям
Прозрачной рукой.

И тишина была в лесу,
Такая тишина,
Что слышал мир, как на весу
Качается луна,
И Будда размывал гранит,
Но увидал с утра,
Что на пути реки стоит
Двуглавая гора.

И стал Будда горой
Над землёю сырой
И вершину он спрятал под снежной чадрой,
А с вершиной второй,
Как с родною сестрой,
Он о чём-то шептался ночью порой.

И тишина была в лесу,
Такая тишина,
Что слышал мир, как на весу
Качается луна,
И плечи у горы мокры,
И грудь её бела,
Летела над рекой с горы
Мохнатая пчела.

И стал Будда пчелой,
Но пчелою незлой,
Яд из чёрного жала он вылил долой,

Над листвою гнилой,
Над горбатой скалой
Зависал и кружился звенящей иглой.

И Будда тысячу ночей
Пчелиный жребий нёс,
А там, внизу, бежал ручей,
Как будто верный пёс.
Решив почистить хоботок
Иль попросту с тоски
Он опустился на цветок,
Растущий у реки.

И стал Будда рекой,
И стал Будда горой,
И стал Будда пчелой,
И стал Будда цветком...

СКАЗ ПРО ОСЕТРОВУ ДОЧЬ

Как ходили в синеве
До поры
По Двине да по Неве
Осетры.
Зорька на воду лила
Киноварь,
В чёрной заводи спала
Рыба-царь.
Дочка дивная была
У царя
Цвета ярого стекла-
Янтаря.
У Невы да у Двины
На виду
Выходила из волны
Раз в году.

Ой ты, филин-брат лесной,
Что летаешь надо мной?
Подбери ты сказку эту
Да укрой в глуши лесной

Выходила, говорят,
На причал,
Распускала тканый плат
По плечам.
Танцевала, наклонясь
Над водой,
Заприметил её князь
Молодой.

А парча на ней кругом
Дорога
Да речные надо лбом
Жемчуга.
Без начала, без конца
Эта ночь,
Ослепила удальца
Рыбья дочь.

Ой ты, филин молодой-
Тень рябая над водой,
Сбереги ты сказку эту,
Разведи её с бедой.

Рыбьим душам тяжело
Без воды,
Как бы дело не дошло
До беды.
Песню спел уже восход-
Пономарь,
Дочку под воду зовёт
Рыба-царь.
Понеслась она навскид-
Видишь, князь? —
Покатилась, на гранит
Сорвалась...
Говорят, река несла
Года три
Капли ярого стекла-
Янтари.

Ой ты, филин-глаз алмаз-
Унеси ты этот сказ,

Подари его ты людям,
Может, будет в самый раз,
Может, будет в самый раз...

ПОКРЫВАЛО РАДЖИ

В синеокой Индии, в далёкой стороне,
Там, где небо цвета абрикоса,
Там, где сновидения танцуют при луне
На груди усталого матроса.
Правил там раджа, имел причуду он одну:
Только серебро его манило,
В сундуки свои хотел упрятать он луну,
Чтобы серебра побольше было.

И позвал к себе визиря раджа,
И надел гранат на кончик ножа,
И сказал: « Гранат –луна,
Этот нож- моя страна
И луна моею только быть должна!»

Самых сильных семь слонов старались сообща,
Вниз луну тянули- прочь усталость!
А луна крутилась в чёрном небе, как праща,
И за звёзды пальцами хваталась.
Но внезапно небо превратилось в тишину,
Замерла шумящая стремнина
В тот момент, когда раджа взял на руки луну,
Словно бы родившегося сына.

И позвал к себе визиря раджа
И сказал, от нетерпенья дрожа:
«Положи её ребром
Рядом с прочим серебром
На подушку меж кальяном и ковром!»

День и ночь глядел раджа на лунные бока,
Гладил, то смелея, то робея,
Пленницу одел он в драгоценные шелка,
Что дала колдунья из Бомбея.
А когда раджа уснул, уснули зеркала,
Задремал визирь в тени сандала
И тогда луна на тонких цыпочках ушла,
Прихватив с собою покрывало.

Спит и не зовёт визиря раджа,
На груди надменно руки сложа,
Самых сильных семь слонов
Смотрят семь счастливых снов,
Что им снится- рассказать не хватит слов.

И с тех пор луна — на небе ветер или гром-
Носит покрывало той колдуньи,
То натянет на глаза, став узеньким серпом,
То отбросит в жёлтом полнолунии.
Видел я всё это наяву или во сне-
Я никак не разрешу вопроса
В синеокой Индии, в далёкой стороне,
Там, где небо цвета абрикоса.

Снится сон один и тот же радже,
Будто бы и не раджа он уже,
Будто он теперь –луна
И кругла его спина
И ему читают звёзды письма.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

На эшафот я поднимусь, как на трибуну,
Глотнув из горлышка дешёвое винцо,
Палач, не бойся: я в лицо тебе не плюну,
Зачем плевать в такое милое лицо?!

Топор наточен, плаха сера и дощата,
У палача трясутся руки наперёд,
Я понимаю- дома плачут палачата
И палачиха без обновок пятый год.

Уже король взирает сверху благосклонно,
На пять минут покинув ранее кровать,
Уже подтянута армейская колонна,
На случай, если я надумаю бежать.

Палач так мал, что не палач он, а палачик,
Когда, когда же он топориком взмахнёт?
И голова моя запрыгает, как мячик,
И напоследок королеве подмигнёт.

Толпа затихла в ожидании угрюмом,
Топор взлетает, сверху падает и бьёт...
Ах, как я это замечательно придумал:
И палача, и короля, и эшафот!

Палач картонен, а король — из оргалита,
А эшафот- он вовсе из папье-маше,
Прожектора долой, комедия финита!
Я смею думать, что она вам по душе!

Я ухожу, а вслед за мною виновато
Бредёт палач и у него трясётся рот,
Он всё твердит, что дома плачут палачата
И палачиха без обновок пятый год.

ЛЮБИТЬ ДРАКОНА

Как завещал Евгений Шварц,
Я заведу себе дракона,
Пускай тайком, в обход закона,
Но у дракона будет шанс.
Когда меня лихие власти
Так заморозят, что не тронь,
Смогу согреть в драконьей пасти
Окоченевшую ладонь.

Хоть оседлали мы прогресс,
Но до драконов далеко нам!
Питаться будет он беконом,
За неимением принцесс.
И глаз у зверя будет зоркий
И шрам на шее от меча-
Ты был неправ, святой Георгий!
Ты это, верно, сгоряча!

Хотя дракон с рожденья нем,
Но будет мудрым- ноу комментс-
Мой геральдический питомец,
Мой огнедышащий тотем.
И вечерами на балконе,
Где веет вечностью с реки,
Молчать мы будем по-драконьи
И улыбаться по-людски.

И как-то из-за дальних гор,
Когда на мир падёт суббота,
Судьба забросит Ланцелота

На мой непостояльный двор.
Судьба с него снимала стружку,
Вела вслепую по ножу,
Я у соседа раскладушку
Для Ланцелота одолжу.

Он погостит в моей стране,
Потом задержится на вечность,
Найдя в драконе человечность,
Найдя приятеля во мне.
И пусть про нас интеллигенты
Напишут горы чепухи,
Так начинаются легенды
И завершаются стихи.

А ты, мой слушатель, всплакни
Между трагедией и фарсом,
Ты, может, станешь новым Шварцем
И обессмертишь наши дни.
А твой дракон, твой личный ящер,
Твои копируя черты,
Настолько будет настоящий,
Насколько настоящий ты.

ЗЕМЛЯ ШУТОВ

Шуты и клоуны, паяцы и фигляры!
Уходит старый шут
Пешком на страшный суд,
Умойте руки и пишите мемуары,
Пока ещё он тут
И крылья не растут-
Умойте руки и пишите мемуары!

Король не кушает -он так любил шута!
Хромой премьер слащаво шепчет про налоги,
Король не слушает- дрожат его уста,
Идёт он в сад и напевает по дороге:

«Я подарю вам зуб из пасти муравьеда
И заячье перо!
И улыбнусь хитро.
Я- натюрморт времён вчерашнего обеда,
Я делаю добро,
Хоть это и старо.
Я- натюрморт времён вчерашнего обеда!»

Его Величество, как трудно жить с листа!
Шуту в дорогу он даёт костюм свой штатский,
Его Величество! Как видно, неспроста
Он примеряет шутовской колпак дурацкий.

Уже дорога расстелилась для подошвы
И шут идёт, пыля,
В костюме короля,
Сейчас он за угол свернёт- ну что ж вы, что ж вы?!

Верни его, земля!
И мы начнём с нуля.
Сейчас он за угол свернёт- ну что ж вы, что ж вы?!

И снова в сумраке полуночных свечей
Его Величество закурит нелюдимо,
Его Величество не будет спать ночей
И будет плакать. Отчего? Хотя б от дыма!

Но сказка кончиться не может столь печально,
Звезда летит в поля,
Туманы распыля,
И где-то бродит по земле незримо, тайно
Шут в платье короля,
А с ним брожу и я
И потому я так правдив необычайно!

Ах, сколько пройдено подмостков и мостов!
Ах, сколько прожито от края и до края!
Там где-то за морем лежит земля шутов
И- говорят -она чуть-чуть побольше рая.

Исповеди, отповеди и посвящения

ВОЗРАСТ ХРИСТА

Когда до возраста Христа
Останется чуть-чуть,
Начну я с чистого листа
Единственный мой путь.

Мне нужно песню завершить
И сосчитать до ста,
Мне нужно только жизнь прожить
До возраста Христа.

Когда до возраста Христа
Недельный будет срок,
Тогда под тяжестью креста
Я выйду за порог.

И я пойду сквозь лунный свет
По кочкам облаков,
Но у меня предтечи нет
И нет учеников.

— Эй, путник, далеко ль идти
До Иерусалима?
— Приятель, сбился ты с пути,
Давно прошёл ты мимо!

Когда до возраста Христа
Останется два дня,
Раскроет бог мои уста
И упрекнёт меня:

— Путь не прошёл ты от и до,
Не видел ты финал!
А я скажу ему:- зато
Я песни сочинял!

И вот « распни!» кричит во тьму
Толпа на склоне дня,
А я не сразу и пойму,
Что это про меня,

Венец терновый маловат,
А нимб ещё велик,
Но так же ясен, как закат,
Мой камень сердолик.

— Дамаск ли это или Рим?
Душа моя палима!
— Нет, нет! Дошёл ты, пилигрим,
До Иерусалима!

Когда до возраста Христа
В минутах счёт пойдёт,
Строка, как птица из гнезда,
Отправится в полёт,

И я пойду за ней, храня
Любовь к своей беде
И не замечу то, что я
Шагаю по воде.

— А будет ли мне кров и стол
Или брести мне снова?
— Да нет, приятель, ты пришёл

И вот она- Голгофа.

ДОДО

Когда закончу- от и до-
Я путь свой невеликий,
То стану птицею Додо
На острове Маврикий.
Я променяю облик свой,
Котомку со стихами
На бесподобный клюв кривой
И пищу под ногами.
Я буду весить целый пуд,
А, может, больше пуда,
Я буду весел и не худ
И жизнь пойдёт не худо.
Я мог бы сдвинуть горизонт,
Сгореть в огне религий-
Но чёрта с два: я-птица дронт
На острове Маврикий.

В моём земном раю
Не страшен первый встречный,
Поскольку -не таю-
Мой рай- бесчеловечный...

Ночей и дней круговорот
Пойдёт кружить, галантный,
Пока на берег не сойдёт
Мой морячок голландский.
Крестьянских, пажитных кровей,
С голодною собакой,
Пропахший до льняных бровей
Солёною салакой.

И он, молчание храня
В базарном гулком гаме,
Продаст за гульдены меня
В далёком Амстердаме.
Я буду в клетке бить хвостом-
Услада ротозея-
И стану чучелом потом
Для местного музея.

В моём земном аду,
Который не придуман-
Там каждый (на беду)
Не знает что в аду он...

Толпа- настанет время то-
Нарядно разодета,
Придёт газетъ, как на Додо,
На чучело поэта.
Учёный будет корень зла
Искать в архивных фондах:
Какая польза в них была,
В поэтах или в дронтах?
Я тоже знать хочу ответ,
Живя у невской лужи,
Поскольку я и сам поэт
Внутри и чуть снаружи.
Поэты ходят, ловят стих-
Домашний или дикий-
И есть у каждого из них
Свой дронт и свой Маврикий.

Заслуги и грехи
Оставив за спиною,

Пойду писать стихи
И мой Додо со мною...

Дозвольте мне сказать в последний раз,
Дозвольте быть смешным и откровенным
И чистоте запечатленных фраз
Молиться со смиреньем неизменным

Я выбирал супругу из принцесс,
Но нет милее ночи- замарашки!
Мне на Земле не отыскать чудес,
За исключеньем неба и ромашки.

Я начал больше, нежели свершил
Держа для крика горло наготове
Мне на Земле не отыскать вершин,
За исключеньем Баха и любви

Укрой меня, верховный чародей,
Мою тропу чье освещает имя!
Мне на Земле не отыскать детей,
Которые бы не были твоими.

Замри, струна, замри, но не остынь,
Храни моё тепло до эпилога!
Мне на Земле не отыскать святынь,
За исключеньем Женщины и Бога.

ГИТАРНЫЙ ЗВЕРЁК

А в гитаре моей проживает зверёк,
Он крылатый и круглый, похож на луну,
Я склоняюсь- и чёртову дюжину строк
Он прошепчет мне в ухо и тронет струну.
И покуда строка памятна,
Я её запишу наскоро
И ударит строка намертво,
И погладит строка ласково.

Я простые слова
Найду,
Я в словах, как Нева
Во льду,
Я заверить хочу людей
В неотступной любви своей,
Пусть омыта грозой
Лоза
И умыта лозой
Слеза,
Я любовь положу вам в грудь
И печали чуть-чуть.

Пробираясь в ночи, дождь очки обронил,
Шарил взмокшей пригоршней, шуршал без конца,
Снова я при посредстве струны и чернил
Буду собственной кровью мыть ваши сердца.
Я над сердцем вскричу кочетом
И в когтях унесу кречетом,
Уколю хоть иглой кончиком,
Пусть оно постучит нечетом!

Я слова под стекло
Кладу,
Пусть вам будет тепло
Во льду,
Пусть же вам захотят помочь,
Если к сердцу подступит ночь,
Пусть вода скажет про
Огонь,
Пусть вам льётся добро
В ладонь,
Пусть не хватит того, о чём
Не узнать нипочём!

Словно тесто, в руках ваши души кручу,
То их в пятки заброшу, то под облака,
Но гитарный зверёк задувает свечу
И большими глазами глядит сквозь века.
Я его подниму, бестию,
Я ему поклонюсь, сонному,
А наутро пойду с песнею
По пути моему сольному.

Я простые слова
Найду,
Хоть моя голова
В бреду,
И пускай вас водой святой
Окропит завтра дождь простой,
Пусть вам будет началом
Край,
Пусть вам будет финалом
Рай,

А тропой будет вам река
И строкою- строка.

БОГ ВЫШЕЛ ПОКУРИТЬ

Бог вышел покурить- сказала нам сорока,
Бог вышел покурить- что делать нам теперь?
Я предлагаю: а) не умирать до срока,
Я предлагаю: б) открыть пошире дверь.
Входите, вор и князь, певец Гвадалквивира,
И корсиканский царь, и римский самодур,
Я приглашаю вас на сотворенье мира,
Пока на небесах Господний перекур.

Дождь равно воздаёт и мостовым и крышам,
Но слёзы- не вода, а гнев и боль вдвоём,
Бог плачет по ночам, но мы его не слышим
И только по росе о плаче узнаём.
Но, право, мир в слезах и сер и безотраден,
Я слёзы всех времён отправлю сатане,
Пускай уедет он лечиться в Баден-Баден
И будет по ночам там вскрикивать во сне.

Я девочке-любви с улыбкой тонкой внемлю,
Но девочка-печаль царапает мне грудь,
Мы только что пришли пожить на эту землю,
А нам уже пора обратно в дальний путь.
Опьёмся же, друзья, бессмертья терпким ядом,
Уже сердечный жар струною утолён
И генерал Зима с майором Снегопадом
Ведут на штурм земли ледовый батальон.

Запомните наш век тот, кто имеет память,
Как говорил мудрец: « Не верьте зеркалам!»
Нам нечего сказать и нечего добавить,

Поэтому молчим, рассевшись по углам.
На постоянный двор влетают без ответа
То бас хмельных мужчин, то визг залётных дур,
В ночи горит луна- Господня сигарета
И нам пора домой- закончен перекур.

Бог вышел покурить- сказала нам сорока,
Бог вышел покурить- что делать нам теперь?
Я предлагаю: а) не умирать до срока,
Я предлагаю: б) открыть пошире дверь.

РАЗГОВОР С БОГОМ

Не смущаясь случайным предлогом,
Я живу и молюсь красоте,
Я вчера познакомился с богом,
Бог сидел у меня на тахте.
Он в перстах разминал папиросу,
Трогал струны, как будто впервой,
Я пытался не сдаться вопросу:
Где же нимб над его головой?

Он сказал мне, что нимбы носить
Разрешается только гонимым,
Он сказал мне: «Не бойся любить
И не бойся казаться любимым!»

И пытался его разглядеть я,
За свечой зажигая свечу,
Жарким воском стекали столетья
У меня по худому плечу.
Он сказал, просветлён и неистов:
«Я живу на промозгом ветру
И- клянусь -я бы стал атеистом,
Если б знал, что назавтра умру!»

И качалось ночное окно
И струилась печаль родниково,
Он сказал: « Выбирайте вино,
Если выбора нет никакого!»

А потом подтянули колки мы,
Тихо-тихо запели сперва,

Как пришедшие в храм пилигримы,
Мы с трудом подбирали слова.
То ли плач неоконченной песни,
То ли стон законных дождей,
Я искал на руках его перстни,
Находя только след от гвоздей.

Мы согрелись на зависть луне
Крепким чаем и добрым аккордом,
Он сказал: « Вспоминай обо мне,
Обо мне, белокрылом и гордом!»

Не смущаясь случайным предлогом,
Я живу и молюсь красоте,
Я вчера познакомился с богом,
Он сидел на протёртой тахте.
Он в перстах разминал папиросу
«Беломоро- Балтийский канал»,
Я пытался не сдаться вопросу,
Но потом всё же губы разжал.

Но меня прозвучавший ответ
Не приблизил ни к аду, ни к раю,
Я спросил: « Но ты есть или нет?»
И он тихо промолвил: « Не знаю».

КАТМАНДУ

На странице в социальной сети,
В мегаполисе чужих новостей
Текст просыпан, как песок из горсти:
«Не ищите- я ушёл из сетей!»
Не вернулся он домой к девяти,
Ни назавтра, ни к ближайшей среде
И висит его страница в сети
Позабытым пиджаком на гвозде.

Может, в будущем он сыщется году
В странном городе с названьем Катманду,
Подрабатывать он будет велорикшей
За гроши, а то и просто- за еду,
Будет спать на деревянном топчане,
Расписные видеть пагоды во сне
И записывать рифмованные строки
На потрескавшейся глиняной стене.

А друзья по социальным силкам,
Часовые электронной молвы
Повздыхают по кафе-кабакам,
От айфонов не подняв головы.
Видно, нету лучше средства от ран-
Эти гаджеты, девайсы и проч.
Человечество уткнулось в экран,
Чтоб не видеть, как сгущается ночь.

Извини, но я сегодня не приду,
На душе -одно сплошное Катманду,
Там залиvisto смеётся жёлтый лама

У старушки у курносой на виду,
За горой ревут мохнатые быки,
Бродят парами дожди как старики,
Пахнут женщины корицею и сыром,
А в толпе своей не чувствуешь руки.

Утром сядет на загривок тоска,
Так что к вечеру не чувствуешь ног,
Человеку нужно дать огонька,
Чтобы не был так насквозь одинок,
Жить по правде- в наше время экстрим,
Так что первым уходи из гостей,
Человеку нелегко быть своим
В мегаполисе чужих новостей.

Мы живём и не в раю и не в аду,
Ненавидя и влюбляясь на ходу
И мотаемся в хандре и недосыпе
Мы на оптоволоконном поводе,
Но у каждого бывает раз в год:
Загорится будто лампочка во льду
И нежданная на душу ляжет радость...
Ну, ты понял? Одним словом-Катманду.

...Мы отыщемся в трёхтысячном году
В странном городе с названьем Катманду
И мы вместе посмеёмся с жёлтым ламой
У старушки у курносой на виду,
Там в толпе своей не чувствуешь руки,
За горой ревут мохнатые быки,
Пахнут женщины корицею и сыром,
А дожди идут вдвоём, как старики.

Когда мне жить останется неделю,
С небес падёт последняя звезда,
Я из окна в объятия к апрелю
Шагну, но не исчезну навсегда.
Мои друзья с зелёными очами
Меня помянут квасом на крови
В пустом кафе на улице Печали,
Что в двух шагах от площади Любви.
Я буду жить горчинкой в чашке кофе
И на ресницах спящих городов,
О, дайте мне в туманном Петергофе
Звенеть на струнах чёрных проводов!
Мои друзья с зелёными очами,
Быть или не быть- я разрешил вопрос,
Вы пейте кофе, дёргая плечами,
Скрывая лица дымом папирос.
Но нет- не прячьте лица, ради бога,
В ладони, шапки, шляпы и шарфы!
Не прячьте лица! Их и так немного
Среди толпы, среди пустой толпы,
И у окна, отдавши дань стакану,
Ты встрепенёшься, как забытый вождь,
А это я прошёл и снова канул,
Седой и кратковременный, как дождь.
Мои друзья с зелёными очами,
Кляни вас чёрт и бог благослови
В пустом кафе на улице Печали,
Что в двух шагах от площади Любви!
А кони ждут и машут головами
И бьют сильнее в цветную дверь кафе,

Где чёрный кофе с белыми словами,
Где шёпот слёз, повисших на строфе.
Когда зима по синим переулкам
Уйдёт, гремя морозным костылём,
Мои друзья, клянитесь Петербургом,
Звените струнами и хрусталём!
Когда я сердце на весну нацелю
И мудрецы полюбят дураков,
Тогда мне жить останется неделю,
Неделю до скончания веков.

МОЛИТВА ОБ УТЕШЕНИИ

В Праге или в Будапеште,
Где б ни лёг отныне путь,
Моцарт, вы меня утешьте,
Хоть немного, хоть чуть-чуть.
Пусть душа моя взлетит под облака,
Повинуясь направлению смычка,
Пусть меня утешит, Моцарт, ваша лёгкая рука!
А когда душа опустится с небес,
Умоляю, проявите интерес,
Пусть душа и впредь пребудет не с печальями, но без.

Грустен этот мир, но прежде,
Чем придёт моя тоска,
Врубель, вы меня утешьте,
Хоть немного, хоть слегка.
Чтобы сердце захлебнулось синевой,
Синевою неземною, даровой,
Вы меня утешьте- право, утешаться не впервой!
А когда не хватит сердцу синевы,
В той же бездне, где её просили вы,
 Попрошу ещё немного для себя и для Невы.

К небесам пишу прошение
Под аккордов голоса:
Дайте, дайте утешенье
Мне хотя б на полчаса.
Отражаюсь в небе, словно в зеркалах
И не знаю- кто там: Будда иль Аллах,
То ль Христос, то ль Иегова судит о моих делах,
Я до срока сберегу мою свечу,

Срок настанет- и я с нею полечу,
А пока- на этом свете- я утешиться хочу.

АКТЁРСКИЙ РЕКВИЕМ

На Руси умирают актёры,
Поминальный качается дым,
Хоть актёры и любят повторы,
Но нельзя быть два раза живым.
А душе, как трепещущей песне,
Сорок дней полыхать меж осин
И актёры идут в поднебесье,
Как за хлебом идут в магазин.

Я не знаю-клянусь! — сколько вам лет
Не хватило для слов и огня
И за сердце хватается Гамлет
И так ласково гладит коня.
Мне закончить дела вместе с ним бы,
Чтобы где-то вдали от земли
Мы при встрече подняли бы нимбы
И, раскланявшись, дальше пошли.

Но уже остывают подмости,
Кроет небо багровая хмарь
И тепла только в маленькой горстке
Нам осталось на целый январь.
И от нас остаётся под небом
Так немного в родной стороне:
Рюмка водки, накрытая хлебом
И портрет на дощатой стене.

Пусть на рёбрах кровавят заплаты,
Пусть ты не попрощался с весной,
Там есть тоже Таганки и МХАТы

И овация громче земной.
Машут вслед поседевшие дети,
Глядя, как ты уносишься вскачь
И великим ты назван в газете,
Ты- великий... Поплачь, брат, поплачь.

ПОПУГАЙ ПЬЕРО

А. Вертинскому

В жёлтом городе Харбине
Далеко,
Где настойка на рябине
И клико.
Где, как музыка из табора-
Навзрыд
Ваша чёлка из-под капора
Летит.
Месяц май плывёт в Харбине
Сквозь Китай,
Месяц май и на чужбине-
Месяц май!
И среди докучных мает
И невзгод
Он по-русски и вздыхает
И поёт

Жил в старом замке юный принц
И разводил он в замке птиц-
И канареек, и синиц, и попугаев
И только попугай один,
Уже доживший до седин,
Бурчал под нос и недолюбливал хозяев.
Он видел темноты оскал
И вспоминал Мадагаскар,
Где орхидеи так доверчивы и сини,
А принц любил его до слёз,
А принц давал ему овёс,

А принц учил его считалкам и латыни...

Ах, как билось в красной ране

Болеро!

А в харбинском ресторане

Пел Пьеро.

У него клонилаь долу

Голова

И до самого до полу

Рукава.

Он поёт- увы и ах-

О пустяках:

О бананах о ветрах,

О моряках.

Но ладони, словно пара

Журавлей,

Но пьянеешь без нектара-

Лей, не лей!

...А вечерами у стола

Принцесса принца так ждала

И ей казалось: у него любовь другая,

И как-то раз, когда в саду

Заснул печальный какаду,

Она тайком открыла клетку попугая.

И он проснулся в темноте,

Встопорщил перья на хвосте

И пробурчал себе под нос из Цицерона

Махнул крылами с высоты

И канул в чёрные кусты

И только вслед кивал цветок рододендрона...

Вечность двинула глазами

Взад-вперёд
И на Курском на вокзале
В чёрный год
Он, овеянный Китаем,
Шёл в плаще,
В чёрной шляпе, с попугаем
На плече.
Снова взять, зажить по-русски
Тяжело,
Прятать песни и закуски
Под крыло,
Сердце начало колоть
На пол -груди,
Но унять его- Господь
Не приведи!

...А попугай спешил вперёд,
Спешил неделю, месяц, год
Спешил полвека, а потом полвека следом,
На площадях среди зимы
Он пел баллады и псалмы,
За что его кормили изредка обедом.
Он погрустнел и похудел,
Одежды белые надел
И научился петь гортанно и вальяжно...
Мне, впрочем, кажется- о, да-
Я вижу слёзы, господа!
А если так-то остальное и не важно!

ПОСЛЕДНИЙ ЛИЦЕИСТ

*«...кому ж из нас под старость день
лица
торжествовать придётся одному?»*

А. Пушкин

Накрытый стол с искрящимся вином
И свечи на столе, как часовые
Считает осень листья даровые
За плотно занавешенным окном.
Его рука в морщинах и перстнях,
Позвать бы, что ли, горничную Глашу,
Что подала бы праздничную чашу
И тени распугала бы в углах.
Как будто строя тайную игру
Средь оттоманок и турецких трубок,
Он поднимает свой заздравный кубок,
Совсем один на дружеском пиру...

Терзает сердце одинокая труба,
Летит, поёт, зовёт и манит на свиданье...
Глаза откроешь - начинается судьба
А за судьбою начинается преданье...

Тебе, наш Дельвиг, первое» ура»!
Ты жил как спал, своей стесняясь плоти
И даже в тяжелой утренней зевоте
Ты прозревал присутствие добра.
За дружбу, Дельвиг, за твои очки!
Ты даже в них не разглядел измены,
Но мы о том- свидетелями стены-

Ни полуслова и ни пол- строки!
А вот и Пущин, Ванечка, Жано!
Давно ты в души нам проторил тропку,
Так сочетай сибирскую похлёбку
И золотое барское вино!

Терзает сердце одинокая труба,
Летит, поёт, зовёт и манит на свиданье...
Глаза откроешь- начинается судьба
А за судьбою начинается преданье...

Ну, здравствуй, Пушкин, здравствуй, озорник!
Снимаю шляпу, чёртов однокашник!
Пускай тяжёл и не был твой бумажник,
Но лёгок и воздушен был язык.
Входи же, Пушкин, что стоишь в дверях?!
Бери чубук, устройся у камина,
Поговорим, поэзии помимо,
О женщинах, о Гёте, о царях!
Всё ближе Лета плещется у ног,
Ещё немного- и я стану эхом,
Но ты засмейся абиссинским смехом,
Которым только ты смеяться мог!

Терзает сердце одинокая труба,
Летит, поёт, зовёт и манит на свиданье...
Глаза откроешь- начинается судьба
А за судьбою начинается преданье...

...Его глаза устали от дождя
И холодит гортань любое слово,
Он пьёт вино и наливает снова,
По кругу стол накрытый обходя.

Уже невмочь бокал держать в руке,
Манит покоем уголок диванный
И серебром сверкает Первозванный
На безупречно сшитом сюртуке.
Восходит звёзд на небо череда,
Тускнеет свет усталого камина...
...Лицейская святая годовщина,
Нетронутых бокалов два ряда...

Терзай же сердце, одинокая труба,
Лети и пой, зови, мани же на свиданье...
Глаза откроешь- начинается судьба
И незаметно превращается в преданье...

ПАМЯТИ НЕЗНАКОМОГО ШЕСТИДЕСЯТНИКА

Под иглою радиольной- хрип
Бродит вечность по пустой квартире,
На прощание три буквы- Р.И.П.
Это значит- брат, покойся в мире!
Согласись: отличный выпал шанс
Посчитать вопросы без ответа,
Пусть тебе вослед несётся джаз
Потанцуй там, если нет запрета.

Где любил ты- там сегодня лёд
Но и он достоин откровенья
И она тебя, наверно, ждёт
По другую сторону забвенья.
Помнишь: с ней сверял ты каждый шаг
Вызубрил следы её и плачи
И разостланных постелей флаг
Был эквивалентом полной сдачи.

Погоди- сейчас уймётся страх
И таможня улыбнётся мило,
Взял с собой ты пачку Lucky Strike
И две стопки доброго винила.
Вот и ты садиться в лодку рад
От вина буфетного икая,
Позвони, как доберёшься, брат,
Расскажи- погода там какая...

АРЧИМБОЛЬДО

Сказки рассказывать- это не больно,
Сказки- услада для ваших ушей,
Вот живописец идёт Арчимбольдо,
Добропорядочный муж из мужей.
А в ногах будто пламя горит,
Глазу не подчиняются дали,
У него реактивный артрит,
Как сейчас доктора бы сказали.
Впрочем, речь не об этом- простите меня
И внесите посильную правку,
Вот идёт живописец, мощною звеня,
В овощную зеленную лавку.

О, Мадонна! Взляни -как он рад
Сицилийский купить виноград
И добавить ещё мимоходом
Абрикосы, текущие мёдом.
Апулийские сливы, как сажа, черны
И нарезана дыня, как дольки луны
И посыпана зеленью тонко
Живописца льняная котомка.

Перед холстом, загрунтованным вдоль да
Поперёк ткани искусной рукой,
Старый художник стоит Арчимбольдо
В старой миланской своей мастерской.
«Краску эту мне взять или ту?» —
Громко вслух говорит он с палитрой
И подходит к сырому холсту
Он с палитрою, словно с молитвой.

Но смотрите, смотрите- что делает он?!
Вместо локонов- зелени копны,
Баклажан -вместо рта, вместо носа -лимон,
А глаза абрикосоподобны.

О, Мадонна! Взгляни поскорей,
Как растёт из ушей сельдерей!
Как прекрасны фактурные щёки,
Щёки-каперсы и артишоки!
Изогнулся стручками заместо бровей
Красный перец и чёрный ползёт муравей
По налитым колосьям пшеницы,
Что колышутся, словно ресницы.

Пусть не осталось в кармане ни сольдо,
Столько припасов теперь на обед,
И- что главнее-синьор Арчимбольдо-
К нужному сроку окончен портрет.
Ах, портрет! Шевелюры пшено,
Подбородка круглящийся персик,
В том есть сюрреализма зерно,
Современный сказал бы эксперт.
Я опять не о том- я прощенья прошу,
Но в причудливом вычурном лице
Неподвластный ни кисти, ни карандашу,
Тайный замысел спрятан великий.

О, Мадонна! Надень же очки
И, взглянув на плоды и стручки,
Рассуди: мы- вершина природы?
Или овощи мы, корнеплоды?
А герой мой -философ, провидец, мудрец?
Или просто мечтал он поесть наконец?!

Может быть, он чудака, одним словом?
Или ангелом он поцелован?

ЛУКАС КРАНАХ

Я бывал во многих странах,
Но не снится ни одна,
Покажи мне, Лукас Кранах,
Где она, твоя страна!
Дивна, как яйцо ехидны
И затейлива как сон,
Где глаза миндалевидны
У чертовок и мадонн.
Влит в святые бормотанья-
Крик торговца колбасой
И красивы одеянья
Леопардовой красой.
И скользят сквозь дни и мессы,
Сквозь расхристанную рвань
Рыжевласые принцессы,
Запелёнутые в ткань.

Здесь наивны в полной мере
Пред мясницким топором,
Словно жёны, пахнут звери
Мокрой шерстью и добром.
Я и сам того же теста
С этим сказочным зверьём,
Знать, и мне найдётся место
В bestiarii твоём.

В облаках, висящих густо,
Кто-то расчехлил трубу,
Мчит процессия курфюрста
Сквозь застывшую толпу.

Невдомёк им, безымянным,
Что покой в их городке
Писан маслом конопляным
На рассохшейся доске.

ВАН ГОГ. АВТОПОРТРЕТ С ВЕТРОМ

Жил под небом французским художник Ван Гог
И на небо он знал тридцать восемь дорог,
Он и плакал, как мог и влюблялся как мог,
Потому что не мог по-другому,
Он учился у ангелов пробе пера,
Он учился у завтра быть лучше вчера,
И шептали сиделки и профессора,
Что его не пускать бы из дому.

А подсолнухи в поле росли,
Пахло небом от чёрной земли
И горело багровое солнце,
Ускользнув из ладони японца.

Спал на узкой кровати художник Ван Гог
И стучались в окно тридцать восемь тревог,
Он и вешал замок, и ходил без сапог,
Словно кошка, ступая по травам,
Но влюблялись в него светлячки между трав
И сгорал от любви несгораемый шкаф,
Может, был о и прав, а художник – не прав,
Как прекрасно быть в чём-то неправым!

А подсолнухи в поле росли,
Пахло небом от чёрной земли
И горело полночное солнце,
Ускользнув из ладони японца.

Разговаривал с ветром художник Ван Гог,
Как со старым знакомым, присев на порог,
То, что скрыто меж строк- ветер знал назубок
И слова он подмешивал в краски,
А Ван Гог толстой кистью писал на холсте
Те слова... ну, а, может быть, вовсе не те,
Но светились холсты у него в темноте,
Словно лица крестьян после Пасхи.

А подсолнухи в поле росли,
Пахло небом от чёрной земли
И горело восточное солнце,
Ускользнув из ладони японца.

И услышал однажды художник Ван Гог,
Что зовёт его кто-то с небесных дорог,
Взял холсты он в мешок и пошёл на восток-
Там, где солнце качалось на волнах,
А сиделки искали вблизи и вдали,
Но сиделки не знали и знать не могли,
Что художник пропал, но растёт из земли
Новорожденный жёлтый подсолнух.

А подсолнухи в поле росли,
Пахло небом от чёрной земли
И горело извечное солнце,
Ускользнув из ладони японца.

ИСКУШЕНИЕ ХУДОЖНИКА

Марку Шагалу

Ты скажи мне, Расскажи, мой кузнечик!
Ты зелёное оставь баловство!
Много видел на Руси ты местечек,
Не видал ли среди них моего?

Я не в шутку- я серьёзно!
Называется Лиозно,
Там ручей воркует слёзно,
Как виолончельная струна
И на противне на жарком
Место есть гусиным шкваркам
Там, где были мне подарком
Воздух, и деревья, и луна.

Я на собственном холсте встану прямо
И пройду я сквозь него, как сквозь дым,
Ты поплачь в моё плечо, идиш мама!
Видишь- я опять пришёл молодым.

Ты всплесни руками громко,
Тяжела моя котомка,
Прядей рыжая соломка
По моим рассыпалась плечам,
Я лечу, боюсь упасть я
От нахлынувшего счастья
И небесное причастье
Людам раздаю по мелочам!

— Где вы шили ваш костюм? -Я? В Париже!
— А я знаю, где Париж?! Бог со мной!
— Километров тысяч пять и не ближе!
— Это ж надо, в той глуши есть портной!

Ты замри, замри, картинка:
Вон скрипач стоит у рынка,
На его носу горбинка,
На виске- засаленный картуз,
Пахнут пальцы рыбьим жиром
Пред субботним вечным пиром
И взлетаю я над миром,
Пробуя вселенную на вкус.

И в прохладную корчму, в гости к Доде
Я войду, оставив зной на дворе,
— Здравствуй, Додя! Ты- слышал- умер, вроде?
— Да, тогда, в сорок втором... в октябре...
Что со мной? Судите сами:
Я брожу под небесами
И с живыми мертвецами
Разговоры пьяные веду,
Но мой сон, увы, не вечен,
Я бедою изувечен
И глядит парижский вечер
На мою еврейскую беду.

Но... Ты скажи мне, Расскажи, мой кузнечик!
Ты зелёное оставь баловство!
Много видел по Руси ты местечек,
Не видал ли среди них моего?

СОТВОРЕНИЕ МЕНУЭТА

Дремлют звуки в клавесине,
На камине- две свечи,
Композитор Боккерини
Пишет музыку в ночи.
Холодна ли, горяча ли,
Ночь — надёжный визави
Разбавлять бокал печали
Чайной ложкою любви.
Чтобы туфельки графини
В танце гладили паркет,
Композитор Боккерини
Ночью пишет менуэт.

Струны спят на мандолине,
На глаза спадает прядь,
Композитор Боккерини
Очень-очень хочет спать,
Деньги, ссоры и раздоры- ни при чём!
Всё скрипичным открывается ключом,
Скоро третий день недели
Трон уступит четвергу,
Спит Флоренция в метели,
Спит Венеция в снегу,
Ах, маэстро, вы не ставьте ля-диез!
С ля-диезом пропадает интерес!

Утром ноты, как солдаты,
\Молча встанут на развод,
Капельмейстер бородатый
Лёгкой палочкой взмахнёт,

Дирижирует метелью
Он в лазури неземной,
Чтоб метель с виолончелью
Душу сделали больной,
А потом- скажи на милость! —
Станет лёгкою душа,
Чтобы легче нам грустилось
И любилось не спеша.

Дремлют звуки в клавесине,
На камине две свечи,
Композитор Боккерини
Пишет музыку в ночи,
Чтобы завтра нанизалось на смычки
Сочетанье благодати и тоски.
И на цыпочках сочельник
Подошёл к дверям уже,
Чтоб ещё виолончельней
Ему стало на душе,
Гаснут свечи и не скрипнет лёгкий стул,
Тише, дети! Тише, дети- он уснул!

Пусть немного позже срока,
Но позвольте, монсеньор,
Лёгкой музыкой барокко
Усладить ваш разговор!
Он играет без надсада,
Словно целый мир исчез,
Да, конечно же, не надо
Было ставить ля-диез!
Впрочем. Скрипки и свирели
В равной мере хороши
Для лечения мигрени

И спасения души.

БАЛЛАДА О ГНИЛОМ ИНТЕЛЛИГЕНТЕ

И. Бабелю

Вы- таки знаете- куда идёт народ?!
Вы -таки знаете! Народ идёт к «Фанкони»,
Там в липком адовом дыму
Муллат готовит бастурму,
А за окном гуляют женщины и кони.
А вон за столиком- гнилой интеллигент,
Который кушает печальную индейку,
Его душа, как ни клади,
Не умещается в груди
И оттопыривает сбоку кацавейку.

У вас совсем остыла дичь,
Исак Эммануилович,
Индейка, словно женщина, недолго держит страсть,
Но я скажу вам набело:
Какая б власть не правила,
У одессита правило: чихать на эту власть.
Давайте вместе скажем спич,
Исак Эммануилович,
Конечно, шутки- шутками, но мы живём всерьёз
И вы так много значите
Как раз, когда вы плачете
И море всё солёное как раз от ваших слёз.

Папаша Крик, я вам скажу за ваш гешефт:
В нём есть ума, но почему-то нету денег,

Колумб, имея в голове,
Открыл Америк сразу две.
И что нам делать с этой кучею Америк?!
Цудечкис, я вас понимаю, как отец
И словно маму, прокати бы вас на дрожках,
Но если вы мне до весны
Не отдадите что должны,
То вас родня увидит в белых босоножках.

У вас совсем остыла дичь,
Исак Эммануилович,
Любить- занятие вредное, но ты уже привык,
Да, кстати, вы не слышали?!
Вчера под Перемышелем
В объятьях томной панночки скончался Беня Крик.
Давайте вместе скажем спич,
Исак Эммануилович,
Судьба у нас тяжёлая, как мокрое бельё,
Играла под каштанами
Сердцами голоштанными,
А нынче язва с астмою- и всё из-за неё!

Шепните Троцкому, коль будете в Москве:
Мы скоро тронем революции бубенчик,
Тогда развернется земля
И поведёт на штурм Кремля
Своих биндюжников Зиновий Соловейчик.
Вы крылья прячете под серым пиджаком,
Не отпирайтесь! Я слышал- они вам любы,
А ночью вы, придя домой,
Кладёте их в стакан с водой,
Примерно как пенсионер- вставные зубы.

У вас давно остыла дичь,
Исак Эммануилович,
Сочится потом розовым лицо большевика,
Зачем, вдали от жителей,
Под простынёй лежите вы
На тёмном заднем дворике московского ЧК?
Давайте вместе скажем спич,
Исак Эммануилович,
Слова ложатся веером и пляж- как неживой
И по воде за ночью
Следы идут цепочкою,
Ваш- сорок два с полтиною и мой- сороковой.

И. БРОДСКОМУ

У собора торгует дождём в декабре воскрешённая осень
И цыганки уходят рожать и гадать на козырных тузах,
«В Рождество все- немного волхвы», даже ты, безбородый
Иосиф,

Право, до смерти хочется жить, отражаясь в господних
глазах.

Право, до смерти хочется жить, чтоб взасос -и уста,
и бутылку,

Кликать истину и хохотать, обнаружив её в коньяке,
Чтобы мстительно скалился пёс,
как симбирец, отправленный в ссылку,
Глядя на отраженье своё в распахнувшейся настезь реке.

А у нас так же плачут навзрыд, не за грош убивают, а за два
И сверчки не хотят знать шестков, угрожая вторым октябрём,
Мы посеяли слёзы. У нас вскоре будет великая жатва,
Приезжай! Мы без молота серп для ладони твоей подберём.
А ты знаешь: любовь-это месть- повседневно, тоске,
невезухам,

Впрочем, если ты мститель плохой-
глянь на город под снежной парчой,
Если нам суждено улететь- разве только серебряным пухом,
Ну, а если в аду нам гореть-то свечой, непременно свечой.

Что ещё рассказать тебе? Дождь снова в моде с момента
потопа,

Божьи пальцы на храмах белы, что колени молодых балерин
И язык в общепите не схож с языком баснописца Эзопа
И евреям земля- словно пух из распоротых жёлтых перин.

И дышать, и любить всё больней -словно перед финалом
Помпеи,
Из-за пазухи камень достать нелегко, как пролить молоко,
«В Рождество все -немного волхвы»,
в Судный день все- немного злодеи,
Право, до смерти хочется жить и до смерти ещё далеко.

МОЦАРТ

Ночью Зальцбург в минорном бреду,
Впрочем, городу это не внове,
Ах, как холодно в этом году!
Черепичные взмывшие брови
Чёрных ратуш никто не узрит,
Кроме в небе застрявшего диска
И монашки забыли про стыд:
Ватикан- далеко, милый- близко.
Хоть ты рай, хоть ты ад возглаголь-
Не проснётся никто в эту вьюгу
И луна умножает на ноль
Городскую немую округу.
Ах, как холодно! Руки согрей,
Бедный Вольфганг! Что взгляд твой так горек?!
Нет, рассвет не наступит -скорей
Протестанта полюбит католик.
Подними же скорей шпингалет
И луна головой Иоанна
Тихо вкатится в твой кабинет
И забьётся под угол дивана.
Мокрый Зальцбург в минорном бреду,
Католическим кашлем облаяв,
Осветившую небо звезду,
Вздрогнул крышами, муча хозяев
И взлетели соборы, дома,
Магазины, аптеки, пекарни,
Государственные закрома,
Лавки, почты, мосты, мыловарни.
И взлетели костёлы, дворцы,
Погреб- там, где бочка на бочке,

С сыновьями летели отцы,
С матерями- на выданье дочки.
И летели в ночных облаках
Правоверные сдобные жёны
И летели в ночных колпаках
Их супруги-гуляки, пижоны.
И министры, и челядь двора,
Мясники, бакалейщики, шлюхи
И старьёвщики, и доктора,
Плачи, каторжане, старухи.
Но никто не проснулся и глаз
Не открыл и не двинул очами
Только трубный архангелов глас
Плыл во тьме воплощеньем печали.
Ночью Зальцбург в минорном бреду
Между Сциллой плывёт и Харибдой,
Ты имей, бедный Вольфганг, в виду:
Ты не дремлешь один. Окон скрип да
Чей-то голос над чёрной грозой-
Ты один его чуешь и слышишь
И слезой, человечесьей слезой
Сразу набело реквием пишешь.

БЕТХОВЕН

Бетховен слышал кожей и нутром
Тишайший стук в глухом углу вселенной,
Он слышал, как поэт скрипит пером
И слышал шёпот истины смиренной.

Он был в хмельном величьи уличён,
Был и не ко двору и не к подворью,
Он был пропитан солнечным лучом
И музыкой -божественною хворью.

Он шёл, хотя крута была тропа,
Сжимая руки жилистые глухо...
...Ему навстречу двигалась толпа,
Вовеки не имеющая слуха.

ГАМЛЕТ

**«...А иначе зачем на земле этой
вечной живу?...»**

Б. Окуджава

Дрались волны в тот вечер отчаянно,
Море било свои зеркала
И печального принца-датчанина
Шлюпка на берег чёрный везла.
Он лицо своё сделает маскою
Под солёные выкрики птиц
И наполнится злобою вязкою
А иначе- какой же он принц?!

Честолюбец, невольник обычая,
Разогнав поэтический сплин,
Он шагнёт через кровь и приличия,
А иначе- какой же он сын?!
Он свинцовые сны и раздумия
Вместе с кожей сдирая порой,
Словно в пропасть, сорвётся в безумие,
А иначе- какой он герой?!

А потом, когда минут столетия
И растает забвения снег,
Возродится о принце трагедия
В скрипе лондонских старых телег.
Средь пивного трактирного воздуха
Драматург, растревоживший мир,
Выжмет душу на рукопись досуха,
А иначе- какой он Шекспир?!

А на сцене дощатой и утленькой
Будет кто-то другой с этих пор
В локуты себя рвать перед публикой,
А иначе- какой он актёр?!
Может быть, так случилось нечаянно,
Только стала в небесной тиши
Та история принца-датчанина
Оселком человечесьей души.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

Хочешь я, сынок, спою тебе о том,
Что любить тебе сначала, что потом?
Что при свете говорить, а что- во мгле,
Может, легче будет житься на земле.
Хочешь я, сынок, в твоём календаре
Раскидаю строки в лунном серебре
Или, хочешь, расскажу, что облака-
Это песни, непропетые пока?

Ночь прискачет в тишине
На серебряном коне,
А за нею там и тут
Сны на цыпочках придут
В каждый город, в каждый дом,
В одиночку и вдвоём
И от дома к дому
Ходят, кличут дрёму.

Это было, это будет и пройдёт,
Ты об этом не узнаешь наперёд,
Ровно в полночь ты увидишь, не дыша,
Как в ладони раскрывается душа.
Ты держи ладонь раскрытою пока
Для другой руки, для хлеба, для смычка,
А когда придёт пора зажечь свечу-
Я тебе о том на ушко прошепчу.

Ночь прискачет в тишине
На серебряном коне,
А за нею там и тут

Сны на цыпочках придут
В каждый город, в каждый дом,
В одиночку и вдвоём
И от дома к дому
Ходят, кличут дрёму.

Эту песню ты опустишь в землю сам,
Чтоб до неба из земли поднялся храм,
В этом храме ты spoёшь, назло тоске,
Литургию на гитарном языке.
Ты, сынок, ладони выше поднимай,
Чтобы с неба в них пролился тёплый май,
А потом его попробуй пронести
Сквозь толпу в нерасплескавшейся горсти.

Ночь прискачет в тишине
На серебряном коне,
А за нею там и тут
Сны на цыпочках придут
В каждый город, в каждый дом,
В одиночку и вдвоём
И от дома к дому
Ходят, кличут дрёму.

КОГДА НА ЗЕМЛЕ ЕЩЁ ЖИЛИ ПОЭТЫ

К. Арбенину

Когда на земле ещё жили поэты,
Я помню: их было узнать мудрено,
Поэты пожарские ели котлеты,
Поэты ходили в кино.

Везли их вместо Пегасов трамваи,
А муза курила в окне на заре,
Поэты ничем себя не выдавали
В быту и на смертном добре.

А когда их двухвёсельный транспорт
Увозил на последний постой,
То они заполняли пространство
Между музыкой и немотой.
В той стране без границ и названья
Обживались с комфортом и без
Дон-Кихоты бумагомаранья,
Ланцелоты изящных словес.

Когда на земле ещё жили поэты,
Я помню: они были здесь и нигде,
Не Пушкины, не Пастернаки, не Феты,
Но тоже с душою 3Дэ.

Звенели словами, как медью из кружек
И даже был факт над одною шестой:

Они с магнитольных слетали катушек
То нежностью, то хрипотой.

А когда им то словом, то жестом
Так хотелось обнять небосклон
И когда к ежемесячным жертвам
Участковый склонял Аполлон.
То поэтам тогда за старанья
Доставалась любовь поэтесс-
Дон-Кихотам бумагомаранья,
Ланцелотам изящных словес.

Когда на земле ещё жили поэты,
Я помню: то было буквально на днях,
В дверях затушили они сигареты,
Рукой помахали в дверях.

Начищены туфли, подстрижены чёлки,
Так было душевно и вдруг- ни души...
Наверное, так тасманийские волки
В лесной исчезали глуши.

Но когда тебя спросят потомки
О значении слова « хорей»
И когда по дорожке по тонкой
Майский луч заскользит из дверей.
Языки развязавши заранее,
Возвратятся эпохам вразрез
Дон-Кихоты бумагомаранья,
Ланцелоты изящных словес.

ЗВОНИ

Звони, мой друг, не пропадай из виду,
Ещё успеешь ты наверняка
Проклясть свою нелепую планиду,
Небесного отведать коньяка.

Пока ты здесь- в Москве или в Нью-Йорке,
Не спятил ты ещё и не обрюзг,
Не закрывай зазубренные створки,
Ночной урбанистический моллюск.

Давай, звони! и делай чей-то вечер,
Присутствие своё обозначай,
Ещё успеешь высыпаться в вечность,
Как будто сахар опустили в чай.

Давай, пиши, себя по сайтам пости,
Запомнишься кому-то парой фраз,
Неважно то, что будет с нами после,
Важнее-то, что здесь и что сейчас.

Звони, мой друг, хотя бы раз в полгода
И расскажи, как охмурил беду,
Но только помни, что твоя свобода-
Всегда свобода мамонта во льду.

Мы станем фотографией и фактом,
Обрывком смеха в снежной кутерьме,
Давай, звони! Звони по всем контактам
И убедись, что живы и в уме.

Давай, кричи с амвона и с балкона,
Мелькай в толпе, купай в стихах тетрадь,
А драхму, что готовил для Харона,
Ты на звонки последние потрать,

Откликнись хоть на хинди, хоть на русском,
К звезде лицо промокшее подняв,
А дальше- можешь снова быть моллюском
В глубинах, где не шарит батискаф.

Но даже если сыщешь Атлантиду
Ты в той нечеловеческой глуши-
Звони, мой друг, не пропадай из виду,
Из времени, пространства и души.

ЗЯМА

Я с тобой поговорить хотел бы прямо, Зяма,
Будут звёзды, будут песни что есть сил,
А Россия-это злая эпиграмма, Зяма,
Что на дьявола всевышний сочинил.
Я уверен- ты не будешь завтра тама, Зяма!
Здесь и дамы, и галёрки, и огни
И Одесса-мама да и просто мама, Зяма
И какая мама-боже сохрани!

Ты повежливей с бедой- она же дама, Зяма,
Хоть назойлива, вульгарна и худа,
Пусть не скрипнет для еврея дверь Сезама, Зяма,
Только с носом он останется всегда.
Если плакать- разве что от Мандельштама, Зяма,
Слёзы создали поэты- это факт,
Вот идёшь ты с богом вдоль универсама, Зяма,
Сердцем бархатным отстукивая такт.

Друг ты мой, любая мелочь-это драма, Зяма,
Бюллетень, потёртый плащ, ночной трамвай,
Ты живи до смерти, ты живи упрямо, Зяма
И любовь в комиссионку не сдавай!
Пой, гори, люби, не принимай ислама, Зяма,
Для тебя вода останется тверда,
Смерть, ты знаешь, не страшней гиппопотама, Зяма:
Много слышал, но не видел никогда...

ИСКУССТВО УХОДИТЬ

Если, Цезарь, когорты твои разбазарили пруть,
Если взмокшим плечом ты встречаешь объятия друга,
Если в зеркале видишь тирана- пора уходить,
Потому что нельзя отменить бесконечности круга.

Даже тень твоя будто бы держит кинжал в рукаве
И спина твоей женщины стала похожа на вдовью,
Оттого ты, мудрец, доверяешь отныне молве,
Оттого-то ты, воин, боишься запачкаться кровью.

Так умей же почуять момент,
Уходи, растворяйся, не мешкай,
Хоть готов для тебя постамент,
Привыкай не ферзём быть, а пешкой.
Так стирают рисунок с песка,
Так снимают ладонью досаду,
Уходи же, не медли, пока
Принимаешь уход как награду.

Если ты, баламут корсиканский, с опалой в родстве
И твои портретисты других подыскали моделей
И живёшь ты как будто бы снова в сожжённой Москве,
Телеса свои пряча в развалинах дамских постелей.
Ты, кто мог бы висеть на любой из можайских осин,
Затыкавший за пояс и ствол и любого стратега,
Виртуоз афоризма и мученик тесных лосин,
Уходи же- сейчас идеальный момент для побега!

Уходи же, исчезни, сотрись,
Подыщи себе место поплоче,

Так скользит кистеухая рысь
По февральской по синей пороше.
Стань подобьем безмолвной плиты
Средь пустыни египетской жёлтой,
Пусть глаза твои будут пусты,
Как тропа, по которой ушёл ты.

Если ты, сын сапожника, знавший отца со спины,
Говоривший о страхе в груди, что он- верный собрат твой,
Прораставший дичком на задворках великой страны
И зашивший страну без наркоза сапожною дратвой.
Если, витязь, ты шкуру свою ещё хочешь спасти,
Если с горечью твой виноград, сумасшедший садовник,
Помолись (если помнишь молитвы), чтоб дал бы уйти,
Ты не верил в него, но теперь он- первейший твой кровник.

Уходи же, рассудком гоним!
Не проспи, не прошляпай, не прощёлкай!
Пусть запомнишься чем-то одним:
То ли кителем, то ль треуголкой.
Оглянись у последних ворот,
Торопливым неловким движеньем
И -как знать- может, станет уход
Величайшим твоим достиженьем...

БАЛЛАДА КАБАНЬЕЙ СТАИ

Ты послушай, сынок, тишину!
Завтра мы начинаем войну,
Мы покажем врагам наперёд,
Кто из нас больше любит народ.
Мой сынок, ты не бойся свинца,
Мы щетиной одели сердца,
Мы вкусили святой белены,
Кабаны, кабаны, кабаны!

Но мы не брезгуем войной,
Но мы не брызгаем слюной,
Поставим в очередь последним Петра Первого,
Окончим жизни вдалеке
В текущем жиром шашлыке
Среди початой водки и ножа консервного,
Беги, беги же, мой сынок,
Вали, вали людишек с ног,
Пускай колючая заря падёт на плечи нам,
Воздев клыки, как две руки,
Прихватим небо за грудки,
Свинина кончилась-осталась человечина!

Помоги мне, кабаний господь,
Вражье брюхо клыками вспороть,
Чтобы не попиралось ступнёй
Наше право остаться свиньёй!
Что ещё можно ждать от людей,
Жрущих мясо взамен желудей?!

Философия наша проста-
Свинство действенней, чем красота!

Но мы не брезгуем войной,
Но мы не брызгаем слюной,
Пусть в родниках купает губы человечество,
Мы никому не разрешим
Позорить свинский наш режим
И лужа грязная- святое нам отечество!
Беги, беги же, мой сынок,
Вали, вали людишек с ног,
Пускай колючая заря падёт на плечи нам,
Воздев клыки, как две руки,
Прихватим небо за грудки,
Свинина кончилась-осталась человечина!

Солнце кровью исходит в снегу,
Если срежут- умру на бегу,
Станешь ты королевских кровей,
Выпив крови из раны моей.
Прочь с дороги и волк, и лиса!
Наша стая летит сквозь леса
Или это мерещится нам-
Кабанам, кабанам, кабанам?

Но мы не брезгуем войной,
Враги, пришедшие стеной.
«Мешаясь, катятся во прах» — и это здорово!
Нам жить наскучило тайком,
Мы выбираем вожаком
Принципиального, порядочного борова!
Беги, беги же, мой сынок,
Вали, вали людишек с ног,

Пускай колючая заря падёт на плечи нам,
Воздев клыки, как две руки,
Прихватим бога за грудки,
Свинина кончилась-осталась человечина!

Ты послушай, сынок, тишину!
Завтра мы начинаем войну,
Мы покажем врагам наперёд,
Кто из нас больше любит народ.
Мы не будем висеть на ноже,
Мы оставим судьбу в негляже,
Мы высокому небу равны,
Кабаны, кабаны, кабаны!
Или это мерещится нам-
Кабанам, кабанам, кабанам...

МАРШ ГУЛЛИВЕРОВ

Когда идут с работы Гулливеры
Сквозь фонарей ночное серебро,
Актёры, педагоги, инженеры
Шагами семимильными к метро,
Не задевая шляпами за крыши,
Не руша каблуками диабаз,
Они толпы не ниже и не выше,
Ничем не отличимые от нас.

Но ты в толпе узнаешь Гулливера
По солнечной душе его цветной,
А если что-то в Гулливере серо-
То вещество в коробке черепной.
Грохочут, словно сотня вагонеток,
Огромные сердца внутри у них,
Сердца, что никогда не знали клеток,
Да-да! За исключением грудных.

И только ипотечные квартиры
В дремотную погрузятся купель-
Двухспальные отчалят бригантины
На поиски неведомых земель.
И если ты услышишь сквозь портьеры
Рукоплесканья паруса в порту,
То знай, что в бой уходят Гулливеры
За женщину, за правду, за мечту!

Когда лазурный наш, несчастный шарик
Потопчут поколенья и века-
Один смурной непризнанный очкарик

Отыщет Гулливера ДНК.
И эта бесподобная минута
Укажет направление пути:
Несложно превратиться в лилипута,
Сложней до Гулливера дорости.

Когда идут с работы Гулливеры
Сквозь фонарей ночное серебро,
Актёры, педагоги, офицеры
Шагами семимильными к метро.
Их доведут разболтанные лифты
В республику супружниц и детей
И никакие Джонатаны Свифты
Их не приветят лучше и святей!

ПОДРУГА-ГИТАРА

Подруга-гитара, давай мы с тобой сочиним
Такую балладу, какой отродясь не слышали
О тех, кто смеётся, о тех, кто ругает режим,
О тех, кто рыдает и тех, что уже отрыдали.
О тех, безымянных и сонных, спешащих в метро,
О тех, кто о небе в подземном поёт переходе,
О тех, заливающих водкой больное нутро
И тех, кто целуется всласть на холодной погоде.

Подруга- гитара, про нас, неразумных, пропой!
Про нас, кого кличут вослед за собой эмигранты,
Про нас, непутёвых, но быть не желающих толпой,
Про нас, кто считает копейки и дарит брильянты.
Про нас, кто под звон колокольный спешит на обед
Зимою январскою в демисезонном убранстве,
Учёные люди подумают: «менталитет»,
А это горенье души в безвоздушном пространстве.

Подруга-гитара, пожалуйста, не подведи!
Дай музыку мне, чтоб слова пронесла над устами,
Того и гляди- скоро грянут на землю дожди
И души затихнут, упрятанные под зонтами.
А я так хочу спеть про тех, кто дождю будет рад,
Про тех, кто в ночи беспросветной мечтает о чуде,
Учёные скажут, что это, мол, электорат-
А это простые, земные, обычные люди.

ПРИЕЗЖАЙ, ГОСПОДЬ, В РОССИЮ

Приезжай, господь, в Россию, приезжай!
Стол накроют от Поморья за Можай,
Простынёю снег постелен,
Только ты не будь растерян,
Приезжай, господь, в Россию, приезжай!

И послушать приезжай и посмотреть,
Как поёт колоколов святая медь,
Ну, а если ждут больные-
Так хотя б на выходные
Приезжай и день рождения отметить.

Раскупают немцы с финнами халву,
Бьют индеек англичане к рождеству,
По берлинам и парижам
Ты поедешь за престижем,
К ним — во сне, ну. а в Россию- наяву.

Там заря стекает с неба янтарём,
Там февраль несёт печаль за январём,
Там пустоует свято место
И ничейная невеста-
Царь-берёза шелестит над алтарём.

И когда-нибудь, в неведомом году
Ты ладонью отведёшь от них беду,
А пока у колыбели
Дни идут, идут недели,

Спи, малыш мой, только ты имей в виду:

Много лет пройдёт и снова много лет,
Никогда ты не вернёшься в Назарет,
Приготовь, господь мой, руки
Для объятий и для муки,
Приготовь глаза, чтоб видеть много бед.

А потом к тебе потянутся волхвы
Из Ростова, Магадана и Москвы,
А пока над Вифлеемом
Пахнет хлебом, пахнет сеном
И висит звезда чуть выше головы.

Приезжай, господь, в Россию, приезжай!
Собери свой горько- сладкий урожай,
Простынёю снег постелен,
Только ты не будь растерян,
Баю-баю, баю-баю, баю-бай

УРОК ИСТОРИИ

Был обычный полководец
Рукавицын-генерал,
Не красавец, не уродец,
Слуг не бил, семье не врал.
Начинал от рядового-
Дослужился до высот,
Часто брал- а что такого?
Кто, скажите, не берёт?!
Потому ему с лихвою
По ранжиру и вобще:
И хоромы под Москвою,
И Георгий на плече.

Был обычный флотоводец
Кизеветтер- адмирал,
Хоть по крови- инородец,
Да он кровь не выбирал.
Хоть и был он немчурою,
Но на вид- каков герой!
А известно, что герою
Можно быть и немчурой.
Оттого ему и цацки,
И почёт. и похвалу,
И внимание по-царски
И севрюжина к столу.

Был обычный квазимодец
В той сторонке государь,
Но любил его народец:
«Хоть и страшненький, но царь!»

Хоть лентяй он был и нытик
И наследника не дал,
Но сказали: « Он- политик!»,
Вознесли на пьедестал.
И на этом пьедестале
Безупречен и суров,
Он теперь стоит из стали,
Двадцатипятиметров.

Рядом с ним на постаментах-
Генерал и адмирал,
В розах и аплодисментах,
Духовой гремит металл.
Их дела- неотменимы,
Имена- освящены,
Процветанья пилигримы,
Благодетели страны.

А как было в самом деле,
Не узнаешь, хоть моли!
Все архивы погорели,
А учёных извели.

САМОКРУТКА

Из другой я эпохи, из глины другой
И какими словами сумею
Рассказать про того, кто под Курской дугой
Под обстрелом вжимался в траншею?!

Я и эти слова говорю наугад,
Только вижу всерьёз, а не в шутку,
Как с музейного фото усталый солдат
Тянет мне сквозь года самокрутку.

Я, хотя не курю, но, конечно, сигарку возьму,
С лёгкой дрожью втяну запах гари и пороха в бронхи
И обратно отдам самокрутку солдату тому,
Потому как, слышал, с табаком на фронтах -« напряжёнки».

А потом до ободранных нервов, до самой кости
Задохнусь я, салага, от злого военного дыма,
Остановится сердце на миг, чтобы снова пойти
И попробовать преодолеть то, что неодолимо.

Где ты лёг отдохнуть, мой усталый солдат?
По Украйнам каким, по Рассеям?
Может быть, под Орлом ты распахан сто крат
Иль под Вязьмой пшеницей засеян?

Иль в Мясном ты Бору в землю талую врос,
Что беда для тебя, что награда?
Или вновь по тебе сотни тяжких колёс
Для военного мчатся парада?

А когда над тобой даже небо рвалось на куски
И когда вспыхнул воздух и лился свинцовыми щами,
И когда вам из штаба сказали, не пряча тоски:
«Подкрепления нет, выбирайтесь, как можете- сами!»

Да, вы сами- из тех, кто войну без закуски допил
И о ком не сыскать ни строки на печальном граните,
Вам страна за Победу не выдала даже могил
Но и, ставши землёй, всё равно в небеса вы глядите.

А когда, наконец, с чемоданом тепла
Грянет май в гимнастёрке зелёной
По стране, где земля столько душ приняла,
Что должна зваться одушевлённой.

И тогда упадёт на страну тишина,
Обнажится, как после отлива,
Голосит и кричит истеричка-война,
А победа всегда молчалива.

И, быть может, потом, на исходе последних времён,
Где не будет печаль с календарною связана датой,
Среди центров торговых полёгший взойдёт батальон,
А за ним и второй, за ним- третий, десятый, двадцатый.

Ты, усталый солдат, тоже будешь в том самом строю,
Той весёлой, живой, удалой необъятной толпою,
Среди тысяч других я, конечно, тебя узнаю,
Потому что пропах самокруткой твоей фронтовою.

Я МОЛЧУ И ТЫ МОЛЧИШЬ

Я молчу и ты молчишь, мой бедный бог,
У тебя, как видно, полон рот забот,
Раньше в день по пять страниц писать я мог,
А сейчас одна строка- и та нейдёт.
Говорят, ты на людей махнул рукой,
Говорят, что затупился твой кинжал,
Я-то знаю: ты на деле — не такой
И за райскую квартиру задолжал.

Ты молчишь и я молчу, твой верный раб,
Может быть, вернее нету на земле,
Знаю я, что для меня ты спустишь трап,
Только места больше нет на корабле.
Впрочем, мне и ни к чему аквамарин,
У меня на берегу пошли дела,
Ты мне женщину такую подарил,
А она мне двух детишек принесла.

Помолчим ещё чуток- зима пройдёт,
Даже думать не хочу — когда финал,
Может, ты об этом знаешь наперёд,
Сделай так, прошу, чтоб я о том не знал.
Чтоб не знал, не догадался нипочём,
Чтоб жилось мне не легко, не тяжело,
Не свечой чтоб согревался, а лучом,
Не мешок на спину ладил, а крыло.

Я молчу и ты молчишь, мой бедный бог,
Ты молчишь и я молчу, твой верный раб,
Помолчим ещё чуток- зима пройдёт,

Я молчу и ты молчишь...

Кот Малевич и другие истории

КОТ МАЛЕВИЧ

Чёрный кот по прозвищу Малевич
Жил, как людям век не удаётся,
Жил в подвале возле подворотни
Где-то в спальном гетто заводском,
В мир людских проклятий и молений
Выходил он с видом полководца
Из подвала, как из преисподней,
И глядел на солнце прямиком.

Он глядел... а, впрочем, это враки,
Не к лицу мне промышлять обманом:
Кот уже пять лет как был незрячий
И с кривою раной на боку,
Это было в привокзальной драке,
В трёхминутной схватке с доберманом,
Знать, в то время бог его кошачий
Отвернулся к жирному куску.

И теперь он лапой трогал осень
И сидел, как Будда меж столетий,
Под последним вязом в околотке
Во дворе асфальтовом пустом
А старушка из квартиры восемь
На рекламной старенькой газете
Выносила рыбные ошмётки,
Осеня трапезу крестом.

И урчал он тихо, по-котовьи
Хриплый блюз обшарпанных окраин,
На осенней звуковой дорожке
Навсегда застопорив часы
И, топорща угольные брови,
Думал кот, что в мире он –хозяин,
Что земля лежит на белой кошке
И имеет форму колбасы.

День пройдёт, за ним- другие сто дней,
Будет хлеб, а ночь добавит зрелищ,
Вот и звёзды- желтые солдаты
По небу шагают босиком
И к своей уходит преисподней
Вечный кот по прозвищу Малевич,
Только окон чёрные квадраты
Стынут в спальном гетто заводском.

АНГЕЛЫ В ОТПУСКЕ

Ангелы из отпуска на небо летят,
Рейс «Москва — Заоблачье», 8:50,
И хотя для штурмана нет плохих погод,
Не сажайте ангелов, люди, в самолет!
В самолете ангелам плохо, черт возьми,
Хоть во многом ангелы сходятся с людьми
Так же смотрят жалобно, так же пьют боржом,
Но живут, как водится, выше этажом.

По утрам
На небесах светится храм,
Белоглав, строен и прям,
А в пруду
Издалека видно беду
В неземном белом саду.

И читают ангелы где-то между строф,
Будто стало на небе меньше катастроф,
Только врет статистика, непременно врет,
Не сажайте ангелов, люди, в самолет!
И мелькают белые ноги стюардесс,
И летят, качаются в пропасти небес
Ангелы-хранители, передовики,
Ангелы-родители и холостяки.

По утрам
На небесах светится храм,
Белоглав, строен и прям,
А в пруду
Издалека видно беду

В неземном белом саду.

Но в тугих наушниках взвоят голоса —
Лайнеру останется только полчаса,
И с крылом пылающим, с порванным нутром
С облаков он свалится на аэродром.
Только будут ангелы целы, черт возьми!
Только здесь у ангелов разница с людьми:
Могут стать несчастными, могут заболеть,
Но не могут ангелы взять да умереть.
Ангелы из отпуска на небо летят
Рейс «Москва — Заоблачье», 8:50,
Если голос тоненький режет, как ножом—
Значит это на небе, выше этажом

По утрам
На небесах светится храм,
Белоглав, строен и прям,
А в пруду
Издалека видно беду
В неземном белом саду.

БАЛЛАДА О ЗАБЫТЫХ БОГАХ

Как-то раз на дороге из пыльных плит
Там, где сосны скрипят- великанши,
Повстречались два бога- один был забыт
Давно, а другой- ещё раньше.
Как будто огнём из вулканных жерл
Обида палила им глотки
И оба искали молитв и жертв,
Как псы-мясные ошмётки.

С них сошла позолота-
Посмотри!
Им дорога в болота,
На пустыри!
Будто в сотне давилен
Их выжали сок,
Так бывает бессилен
Бог.

Был один из них богом семи потов
И двужильного крепкого локтя,
В каждой пахоте был его древний зов-
Зов пеньки, топора и дёгтя.
И молились бабы ему стократ
Извечным крестьянским стоном
И мужики молились подряд
Батрачьим словцом солёным.

Был он богом ремёсел

И труда
В яром приступе вёсен
И в холода,
Был он солью и пищей
И мудростью рук,
Только сделался нищий
Вдруг.

Был другой на виду, как в степи костёр,
Неизбывной усладой для глаза,
То бывал он с яичным желтком растёрт
Между пальцами богомаза.
То горел он в окне цветком витража,
То мерцал на холсте фламандца,
То шпилем соборным рос, как душа.
Сквозь небо, рискуя сломаться.
И к нему шли напиться
Сквозь века
Мастера-живописцы
Издавека,
Был он умный и гордый,
Как дельфин,
Красоты рукотворной
Сын.

И теперь на дороге из пыльных плит
Там, где сосны гудят -великанши,
Сошлись два бога- один был забыт
Давно, а другой -ещё раньше.

Им бродяжничать где-то
Здесь и там,
Сигаретка рассвета

Напополам
И стучаться им в двери,
Быть в живых
И просить снова верить
В них.

БАЛЛАДА О СТАРОМ АКТЁРЕ

Когда снимают грим актёры,
Не веря старым зеркалам
И затихают коридоры
И день уходит по делам.
Не думая об этом факте,
Уставший, точно был в бою,
Актёр, убитый в пятом акте,
Войдёт в гримёрную свою.

Свет упадёт на тонкий профиль
(Сейчас бы сразу- на печать)
И пёс по кличке Мефистофель
Поднимется его встречать.
Их разговор необходимый,
Глазами, только в две строки:
Актёру - пёс: « Устал, родимый?»
Актёр ответит: « Пустяки!»

Он вспомнит, как сегодня в зале,
Там, где партер, четвёртый ряд,
Он чей-то взгляд поймал глазами,
Бессильно падая назад.
И захлестнуло залу горло
Неистовое волшебство,
А он лежал и было горько
Во рту от крови у него.

К нему не едет неотложка,
Он будет бормотать навзрыд,
Что дома кончилась картошка,
А магазин уже закрыт.
Что мало нитроглицерину,
Что до спектакля бы успеть,
Что нужно снова пасть на спину,
Что нужно снова умереть.

Он по пустынным переходам
Пойдёт на сцену, в тёмный зал,
Чтоб там сыграть перед народом
Всё то, что он недоиграл.
Он будет Гамлетом и Лиром
При зыбком свете двух свечей,
Шутом, безумцем и кумиром
В ночи черней любых ночей.

Но мир печален, друг Гораций,
Тебе пора на перекур!
Он будет долго ждать оваций,
Сердечный слушая аллюр.
Он вскинет руки многократно,
Но пуст партер и нем балкон
И он уйдёт тогда обратно
И он не выйдет на поклон.

На улице метель и тени
Под фонарём начнут скакать,
Он завтра упадёт на сцене
И не поднимется опять.

Они уйдут во тьму- туда, где
Автобусных не видно фар,
Актёр, убитый в пятом акте
И Мефистофель-сенбернар.

В ЗАБЫТОМ ПОРТУ

В забытом порту есть забытый причал,
С которого можно достать небеса,
Я там несказанных красок встречал,
Чьи губы просолены, как паруса.
С них ветер цветастые юбки срывал,
А слёзы хватал и швырял в темноту
И где-то скрипел одинокий штурвал,
Моля о свиданьи в забытом порту.

В забытом порту больше нет суеты,
Ни скрипа канатов, ни лязга цепей,
Никто не бросает на воду цветы-
Мы стали практичней, мы стали скупей.
Никто не везёт из Гаваны табак,
Слоновые бивни не шлёт Тимбукту
И только две своры бродячих собак
Грызутся за власть в позабытом порту.

Поэтому там не ночуют коты
И дети обходят его за версту,
Открой же глаза и признайся, что ты
Давно проживаешь в забытом порту.
По чести скажи- где былой твой кураж?!
По чести скажи- где твой хлеб и твой нож?!
Давно твой фрегат взяли на абордаж,
А ты и не понял -и дальше живёшь.

Когда чёрный город, упившийся в дым,
Разляжется, сонный, вдоль устья реки,
Тогда вереницей, один за другим,

К забытому порту бредут моряки.
Бредёт капитан на забытый причал
И боцман с дюралевой фиксой во рту,
Священник бредёт- тот, что перевенчал
Полтысячи пар в позабытом порту.

И юнга, который не юнга уже
И кок, у которого кончился срок
И сотни других, у которых в душе
Горит бесприютный морской огонёк.
И будут стоять до скончанья зари
И будут смолить папиросками вслед
И будет им петь та красотка Мари,
Что их ублажала за пару монет.

В забытом порту есть забытый причал,
С которого можно достать небеса...

ВЕНЕЦИАНСКИЙ СКРИПАЧ

Он шагал по воде, наступая на небо,
Был осенний четверг, а, быть может, среда,
Он шагал по воде, только богом он не был,
Просто дело в Венеции было тогда.
В том году начала она плакать в июне,
В октябре ощутила себя молодой,
А потом в ноябре утопилась в лагуне,
Тротуары и площади скрыв под водой.

Это место он знал, словно собственный почерк,
Хоть родился не здесь, а в далёкой стране,
Там, где город лежит, будто каменный прочерк,
На свинцовой мятущейся невской волне.
У него есть работа и сумма в контракте,
У него есть жена и детишки в дому.
У него есть друзья- просто так и в «Контакте»,
Так чего же ещё не хватает ему?

Может быть, это блажь? Только был он- и нету,
Первым утренним рейсом на 8.00
Улетел он и вот он идёт на Пьяцетту
В напрочь мокрых ботинках, футляр за спиной.
Штукатуркой, как будто змеиною кожей,
Полиняли палаццо во мраке теней
И металась заря над республикой дождей,
Над республикой снов и сырых простыней.

Пусть на небе бушует соцветье пожара,
Но в зелёной воде вековечный покой,
Крутобёдрую скрипку достав из футляра,

Он к ореховой деке прижмётся щекой.
И круги по воде- как цветы на асфальте,
И не всё ли равно, что стоит на кону?!
Одинокий скрипач заиграет Вивальди
Неизвестно зачем, непонятно кому.

Он домой прилетит на крыле непогоды,
Сквозь дорожные пробки пробьётся трамвай,
Всё в порядке, три раза звонили с работы,
Дети спят и заварен жасминовый чай.
И уже не понять- то ль почудилось это,
То ли было взаправду, но в жизни иной-
Это небо в воде, и заря, и Пьяцетта,
Этот утренний рейс, что на 8.00.

ГЕНЕРАЛ ВОЛКОДАВ

Генерал Волкодав ненавидел солянку,
А жена обожала солёный бульон,
Генерал из Анголы привёз обезьянку,
Обменяв на неё именной медальон.
Обезьянка хромала на заднюю лапу
И кривила губу- удивленье само-
Примеряя тайком генеральскую шляпу
Перед старым, карельской берёзы, трюмо.

Почтальонам не веря ни в грош, ни на йоту,
Ежедневно на почте искал он письмо,
То, где звали его на большую охоту,
Чтоб на волчьих висках дробью ставить клеймо.
Но последняя стая пропала в болоте,
Нет больше волков на планете Земля,
Остывает солянка на чёрном комодe
И плетёт обезьянка хвостом вензеля.

Господи, не рви эту нить,
Красную не рви эту нить,
Хочется выть, хочется выть
И не остановиться...

В ресторане « Садко» генеральский свой контур
По три раза в неделю держал он, зато
Как в Анголе он вешал различную контру,
Так теперь в гардеробе он вешал пальто.
А когда наступал час полночных кошмаров,
Спиногорбый, как будто сошедший с креста,
Генерал с пистолетом системы «Макаров»

Шёл стрелять по созвездьям с Тучкова моста.

Волкодав третий день чуял запах волчицы,
С подозреньем глядел на жену из угла
И боялась жена, и вязальные спицы
Под подушкой таила и ночь не спала.
...Он проснулся, на кухне скреблось и шуршало,
Задрожала какая-то мразь на виске,
Генерал, словно дверь, распахнул одеяло
И по следу пошёл с пистолетом в руке.

Господи, не рви эту нить,
Красную не рви эту нить,
Хочется пить, хочется пить
И не остановиться...

Волк был тут, в темноте и- подобие танка-
Генерал три свинцовых спустил тетивы
И упала в крови со стола обезьянка,
Генеральскую шляпу не сняв с головы.
Волк был тут- он со скоростью двести ударов
Колотился в груди, чтобы взять на испуг
И тогда пистолетом системы «Макаров»
Генерал прекратил этот дьявольский стук.

И качалась земля у него под ногами,
И висела звезда у него за плечом,
Он родился не зря, он покончил с врагами
И теперь можно жить, не тужить ни о чём.
И глядела луна, как в кухонном бараке
Возлежал у стены, подбородок задрал,
Головою в свету и ногами — во мраке
Гражданин Занебесья Иван Волкодав.

Господи, скрепи эту нить,
Красную скрепи эту нить,
Хочется жить, хочется жить
И не остановиться...

ДАРЫ

Шли под снегом три волхва,
Снег едва кружил сперва,
А потом как начал падать-
Побелели рукава.

Друг за другом шли гуськом,
Шли сначала прямым,
А потом по бездорожью,
По камням босиком.

И несли они дары:
Для Марии в дом- ковры,
А для плотника Иосифа-
Брёвна, доски, топоры.

Первый с именем Каспар
Нёс младенцу дивный дар:
Деревянного верблюда
Да из яхонта футляр.
За спиной в котомке он
Нёс объятий сладкий стон,
Сотни тысяч поцелуев
И признаний миллион.

Два смиренных ишака
В клубах пара спят пока,
А у плотника Иосифа
Слева грудь болит слегка.

Звать второго Бальтазар,
Он был немощен и стар,

Он принёс парчу и бархат,
Чем богат большой базар.
И принёс ещё старик
Две охапки мудрых книг,
Все отгадки на загадки
И ключи от всех интриг.

Догорит в стене свеча,
Тени в стороны меча,
Только плотнику Иосифу
Надо б лекаря-врача.

Ну, а третий-Мельхиор,
Он пришёл с Магрибских гор
И принёс младенцу сласти
И упавший метеор.
А ещё в шипах венок,
Цепи, гвозди, молоток,
Инквизиторскую дыбу
И Освенцима гудок.

Ляжет снег белей невест,
Бык в сенях солому съест,
Скоро плотнику Иосифу
Мастерить из брёвен крест.

Шли под снегом три волхва,
Снег едва кружил сперва,
А потом как начал падать-
Побелели рукава...

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ С ПАСТУХАМИ

Не видел он, уснувший на соломе,
Как в неуклюжем суетном поклоне
Склонились, будто гнули их грехи,
С косматыми бровями пастухи.

Ребёнок спал, а пастухи стояли,
На рубеже восторга и печали,
И звёзды спали, холодом горя,
В простуженной постели декабря.

Скрипели мирозданья швы и оси,
Но спал, не слыша этого, Иосиф,
И в стареньком залатанном плаще
Спала Мария на его плече.

Они втроём дремали на рогоже,
(Завет был ветхим и рогожа –тоже)
И не были похожи на святых,
А на обычных жителей земных.

И ослик спал под брюхом у верблюда,
А там, шагов за тысячу отсюда,
Спал Ирод, отвернувшийся к стене
И спал Иуда, чмокая во сне.

А с перевала брёл простой народец,
Стекал с горы, как будто дождь в колодец,
И, словно в балагане площадном,

Он жаждал чуда с хлебом и вином.

А пастухи- ещё не одноверы-
Потом тихонько выйдут из пещеры
На невесомых цыпочках втроём,
Впуская вечность в каменный проём.

Они своим поведают подпаскам,
Пока сюжет горяч и не затаскан,
А те раздарят свежую молву
Бродяге и заезжему волхву.

Звезда над головами у семейства
Творить своё пыталась чародейство,
Не в силах буквы изменить одной,
Тем паче- предрешённости земной.

ЕРШАЛАИМСКИЙ ВАЛЬС

Ершалаим уснул в песках, промокших от слёз,
Ему снится весна, нет конца у весны,
А в ладонях грозу господь над городом нёс
И её расплескал- стали стены красны.
Город спит. Что-то шепчет звезда ему,
Город спит и вздыхает во сне,
Это снится весна Ершалаиму
И пускай Ершалаим приснится весне.

Прокуратор Пилат уснул, но боль его рвёт,
Ему снится стена, её камни красны
И по этой стене он вверх, шатаясь, идёт
И не может дойти- нет конца у стены.
Спит Пилат м его, сном объятого,
Из-за туч освещает свеча,
Ты, господь, не буди прокуратора!
Так болит голова- хоть зови палача!

Стражник Марк Крысобой уснул, разжав кулаки,
Ему снится война, нет конца у войны,
А над степью чужой в ночи летят мотыльки,
Он их рубит мечом, их часы сочтены,
А гроза распахнулась над городом
И на крыши упала, бурча
И ползла вдаль на брюхе распоротом
И стонала и рвалась, как будто парча.

Бедный Левий Матвей уснул, накрывшись тряпьем
И он видит во сне крест на лысой горе
И он к этой горе бежит, стораает живьём,

Только тает гора в нестерпимой жаре.
И восходит на гору процессия
И опять добежать не успеть,
Бог простит- это божья профессия,
Но душа бьётся в теле и хлещет, как плеть.

Ершалаим уснул в песках, промокших от слёз,
Спит усталый Пилат, спит хмельной Крысобой,
А на Лысой горе уснул навеки Христос,
Камни белые спят, спит фонтан голубой.

Город спит. Что-то шепчет звезда ему,
Город спит и вздыхает во сне,
Это снится весна Ершалаиму
И пускай Ершалаим приснится весне.

ИМПЕРАТОР В РАЮ

Император с утра пил холодный коньяк,
Атеистово богу молился,
В сотый раз эскадрон поднимал белый флаг
Юго-западной Даугавпилса.
В сотый раз с мёртвых глаз уронив пятаки,
Эскадрон поднимался из Леты
И стоял император у красной реки
И денщик ему чистил штиблеты.

И грядущее-тьма и былое -рябо,
Стать бы зеркалом, пыльным от скуки,
Если жабу грудную скрывает жабо,
Нету права брать мир на поруки.
А народ ждёт ремня, чтоб его затянуть,
Ждёт земли, молока и покою,
Император один и ему не уснуть
Над пунцовой от боли рекою.

Он народу бросал сотни новых подков,
Вместо книг ставил зубы на полку,
Год назад взял Тамбов, пострелял всех волков
И нашёл в стоге сена иголку.
И, раздав номера в социальном строю
Под названьем «людские потери»,
Император уснул, а проснулся в раю,
Где резные с наличником двери.

Каждый день у двери он кричит «раз-два-три!»,
Но не выйдет из фокуса покус,
Только алый погост посредине зари

Да сквозь плиты пробившийся крокус,
«Лучше бедность казны, чем казнённый бедняк,
Перекуй меч в орало, оратор»!
Так шептал в липкой мгле, допивая коньяк,
Заключённый в раю император.

К ВОПРОСУ О ПАДШЕМ АНГЕЛЕ

Однажды тихо вдоль ограды
Он шёл, сутулясь, и на нём
Не останавливались взгляды
Под неприкаянным дождём.
Не лицедей он и не зритель,
Живя не вдоль, а поперёк,
Он просто ангел был хранитель,
Что человека не сберёт.

Он мне промолвил, что ему
Помочь бы надо
И побрели мы с ним во тьму
Ночного сада.
И на двоих делили куртку из синтетики
Согласно правилам житейской арифметики.

И чтобы разрешить проблему
Согласно строгим временам,
Он был приказом по Эдему
Отправлен в ссылку, то есть к нам.
Он, уходя, просил прощенья
За то, что богу стал не мил
И тот в порядке исключенья
Оставить крылья разрешил.

Он не курил (в раю ни-ни
Уже лет восемь),
А я ответил: « Извини,

Я год как бросил!»
И больше не было меж нами разночтения,
А только два в ночной тиши сердцебиения.

Уже над городом повсюду
Струился предрассветный дым
И он сказал: « А хочешь- буду
Теперь хранителем твоим?»

Я знаю- он теперь живёт
На крыше храма
И он меня который год
Хранит упрямо.
И я гляжу теперь наверх не для эстетики,
А для познания небесной арифметики.

КАК УМИРАЛ ГЕРШКОВИЧ ЛЁВА

Чтоб я так жил, как умирал Гершкович Лёва
За двое суток до отъезда в Тель-Авив!
И –честное слово-
В начале шестого
В руках его ещё качался гриф.
Он пил вино из голубой больничной чашки
И пел, что расцвела в Одессе алыча
И с выдохом тяжким
Он дёргал подтяжки
На животе хромого главврача.
Ай, Лёва- Лёвушка, медсёстры ждут, сыграй им!
Возьми-ка скрипку, докажи, что ты- еврей!
А в голубых твоих глазах горит Израиль
И светит лысина сквозь золото кудрей.

Ты сожалел, что был с Рокфеллером не близок
И всё боялся опоздать на самолёт
И сотни записок
От лучших артисток
Ты хвастался, что сейф твой бережёт.
Я- таки здесь, моё лицо тебе знакомо,
Всё хорошо и до укола пять минут,
Как говорил наш Бома:
«Не бойтесь погрома,
Покуда вас по личности не бьют!»
Когда ещё ты будешь спать в такой перине?
Закрой глаза- тут нет ни денег, ни небес,
А я пока тебе сыграю Паганини,

Да-да, я помню: в пятом такте ре-диз!

В твои года что гоп со смыком, что со вкусом,
Я, правда, слышал нехорошие слова,
Что семьдесят с гаком
Тебе, чтоб ты плакал,
На самом деле- вовсе сорок два!
А я слышал, что в Тель-Авиве, в полдень прея,
Ночами клацает зубами брат-еврей,
Согреться скорее
Возьми батарею,
Какой же без еврей батарей?!

Ай, Лёва, нервной стала нервная система,
Я не волнуюсь, но ладони холодны,
Не будьте слабыми- от Бога теорема,
А доказательство найдёшь у Сатаны.

Чтоб я так жил, как умирал Гершкович Лёва
За двое суток до отъезда в Тель-Авив!
И –честное слово-
В начале шестого
В руках его ещё качался гриф.
А в пол- восьмого в голос плакал старый рэбе
И причитала горбоносая луна
А Лёва, вынув жребий,
Летел в чёрном небе
И мы ему махали из окна.

Ай, Лёва- Лёвушка, останься хоть в помине
И не туши под простынёй горячий взор,
А я пока тебе сыграю Паганини,
Скребя диезами по нервам медсестёр

КАРМАН

В моём кармане живёт палач,
В моём кармане вершится суд,
Я слышу крики и женский плач,
Там молодую чертовку жгут.
Пока скольжу я от сна до сна,
Пока восходит луна в зенит-
В моём кармане идёт война
И я не знаю- кто победит.

В моём кармане- два сухаря
Один другого лежат старей,
Теперь там бойня почём зазря,
Война за крошки от сухарей.
Там делят шкуры и ордена,
Число казнённых внеся в графу,
Там смотрит главный вдаль из окна,
Пока пиджак мой висит в шкафу.

Я сунул руку в карман с тоски
(Так поступаю я по утрам),
Теперь в честь правой моей руки
Там бьют поклоны и строят храм.
На пользу церкви Святой Руки
Теперь там новый берут налог
И смотрит книжник, надев очки,
Сквозь телескоп свой в мой потолок.

И одному я сказал из них,
Что всё иначе, что мир непрост,
Теперь в кармане- две мировых

И Хиросима и Холокост.
Во тьме карманной не видно дна,
Сменить пиджак бы- и без обид!
В моём кармане идёт война
И я не знаю -кто победит.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВДОВЫ

«...Спите, дети, я пошёл.
Скатертью- тревога...»
А. Башлачёв

Я приду издалека зимней ночью,
Я приснюсь тебе совсем молодым,
Наклонюсь над неземной спящей доченькой,
Проведу по волосам золотым.
У зимы сегодня вкус хлебной мякоти,
Кем-то смоченной в парном молоке,
Мне бы только малый брод в трёх огнях найти,
Мне бы только не пропасть вдалеке.

Голубая на окно ляжет изморозь,
Домовой на стол поставит еду,
Ты устала от молитв, ты не выспалась,
Я послушаю тебя и уйду.
С новым горюшком тебя, с белым праздником!
Ты прости, что я грущу, как Пьеро,
А ты знаешь- там кнуты пахнут пряником
И по крышам- серебро, серебро.

Расскажи, куда ушли добры жители
С нашей горькой благодатной земли,
Может быть, их ненароком обидели,
Может, в поле их снега замели.
Как растает снег- пойдя в поле чистое,
Чтобы ветер твой подол парусил,

Встань на ту же на тропу, где они стоят,
Чтобы звёзды собирать по Руси.

Белобока принесла вести вздорные,
Дремлют сосны в голубом хрустале,
А ты знаешь- почему ночи чёрные?
Чтобы ангел был замечен во мгле.
Ну, пора, на посошок выпью градуса,
Нужно перья чистить- ох, много дел!
Погляди же на меня и порадуйся-
И у горя должен быть свой предел.

На прощанье наклонюсь над кроваткою,
Спи, дочурка! Жизнь- сплошной карнавал!
А ты знаешь- тяжело жить украдкою,
У людей я ничего не украл.
Не горюйте, не воюйте, не чахните!
До свиданья, мне далёко лететь!
Мне бы только малый брод в трёх смертях найти,
В трёх погибелях бы мне уцелеть...

ЛИЦЕДЕЙ

Пришёл на сцену лицедей,
Как в голову идея,
И ясно стало: он- злодей
И зал на тысячу людей
Очнулся, холодея.

Он у себя прослыл в миру
Примерным семьянином
И с сыновьями поутру
Гонял он мячик по двору,
Ходил по магазинам.

Но здесь без жестов и без слов
Овладевая залом,
Глядел он вдаль поверх голов
И, как на дудке крысолов,
На зрителях играл он.

Смурного страха пелена
Стекала по стропилам,
Сидела публика, бледна,
Стояла только тишина,
Когда заговорил он.

То, как он дёргал головой,
Как напрягалась шея,
Пугало больше, чем конвой
И у него был рот кривой
И руки брадобрея.

И если б он команду дал-
То без раскачки, сразу
Готов был театральный зал-
Единый тысячный вандал-
Последовать приказу.

Партер был нем, балкон дрожал,
Как дева на венчаньи,
Как мёртвый, занавес упал.
В молчании поднялся зал
И уходил в молчаньи.

И лицедею свой поклон-
(Такой, что хрустнет шея)
Отвешу я, молясь, чтоб он
Вовеки не свернул бы вон
С дороги лицедея.

Чтобы, измолотый в труху
Усталостью, он всё же
В своей гримёрке наверху
Содрал бы роль, как шелуху,
Отскрёб её от кожи.

И чтоб под вечер коньяка
Жена подала снова,
Хочу я знать наверняка,
Что нету в доме тайника,
Откуда вызовет рука
Свирельку крысолова.

МЕНДЕЛЬ

Говорят, старый Мендель из Гомеля,
Тот, что жил парикмахерской около,
Он вино умел делать из клевера,
С ним водилась нечистая сила,
Говорят, превращался он в голубя,
Говорят, превращался он в окуня,
Дочерей у него было семеро,
Что-то с ним ненормальное было!

Он пропах молоком и пачулями,
Спал на голем полу меж комодами,
А походка- нелепей нелепого,
На ботинки намотаны вёрсты,
А собаки, когда его чуяли,
Под ладонь ему тыкались мордами,
А руки у него вовсе не было
И в пустом рукаве жили звёзды.

Пусть гора не сходится с горой,
Мне она приходится сестрой,
А река- сestroю мне второй,
А дорога –третьей,
У меня такие три сестры!
Вылезайте, люди, из норы,
Гляньте, как горят мои костры
Между двух столетий!

Говорят, старый Мендель из Гомеля
Пиджака не снимал чесучового,
В нём на рынок ходил и на кладбище,

Где под клёном — резная могила,
Не был гоем и не был изгоем он,
Сердце клал в серебро, губы- в олово,
Дочерям- раз в году мармелад ещё,
Что-то в том ненормальное было!

Сделан был по рецепту обычному
Он из глины и праха без примеси
И суббота за пятницей без вести
У него пропадала в неделе,
Говорил с воробьями по-птичьему
И всегда, словно сахара в цимесе,
Было две чайных ложки любезности
В этом старом обветренном теле.

Пусть гора не сходится с горой,
Мне она приходится сестрой,
А река- сestroю мне второй,
А дорога –третьей,
У меня такие три сестры!
Вылезайте, люди, из норы,
Гляньте, как стоят мои миры
На плечах столетий!

Говорят, старый Мендель из Гомеля
Не боялся ни смерти, ни пристава,
Не ходил по местечку, по городу,
И молитве не вторил уныло,
Знали все до последнего кобеля:
Дочерей охранял он неистово,
Под пиджак прятал их и под бороду,
Что-то в нём ненормальное было!

Это видел однажды из окон я-
Старый Мендель из города Гомеля
Взял, пошёл с дочерьми вдоль околицы-
Там, где солнечных зайчиков пятна,
Говорят, превратился он в окуня,
Говорят, превратился он в голубя,
Семь его дочерей стали горлицы,
Только песня вернулась обратно.

Пусть гора не сходится с горой,
Мне она приходится сестрой,
А река- сestroю мне второй,
А дорога –третьей,
У меня такие три сестры!
Вылезайте, люди, из норы,
Гляньте, как горят мои костры
Между двух столетий!
Говорят, старый Мендель из Гомеля...
Да чего только люди не болтают!

МОТЫЛЬКОВОЕ ТАНГО

В бессмертии не вижу я резона,
Но в предыдущий жизненный мой срок
Был мотыльком я в штате Аризона,
Попавшимся Набокову в сачок.
Моя фортуна- уличная девка-
Со мною не была накоротке
И жизнь моя закончилась, трёхдневка,
На энтомологическом штыке.

Будь это просто мелкий янки,
Он был бы зол и бестолков,
Когда меня в стеклянной банке
Нёс на голгофу мотыльков.
А так руками дворянина
Я был изысканно распят,
Был слева бражник- прозерпина,
А справа- тутов шелкопряд.

Когда писатель умер по старинке,
Хлебнув от жизни славы и дерьма,
Я, мотылёк, был на блошином рынке
Наследниками продан задарма.
Был куплен я парижским антикваром,
Всегда державшим взгляд поверх небес
И потому его, совсем нестарым,
Отправил в рай вишнёвый « Мерседес».

В своём стеклянном саркофаге
Я видел, словно сквозь очки,
Реестры, описи, бумаги,

Коробки, полки, чердаки.
«Без божества, без вдохновенья»
Во тьму кладовки сослан я,
Положен под сукно забвенья
И в долгий ящик бытия.

Но вышел срок- был снят я с пыльных полок
Хозяйкой новой с прозвищем Чин-Чин,
Она была китайский стоматолог
И острый зуб имела на мужчин.
На мраморе тушила сигарету,
Любовников хотела целиком
И отправляла их навстречу свету
При помощи коктейля с мышьяком.
От неизбежного ареста
Её внезапный спас удар,
Меня с насиженного места
Снял полицейский комиссар.
Не знал природного закона
Его сынишка лет шести,
Меня он выбросил с балкона,
Сказавши: «Бабочка, лети!»

Кто их поймёт, загадочных двуногих?
Лететь бы рад, но не даёт земля,
«Я пережил и многое и многих
И многому изведаль цену я»,
Рыдай же, танго, в хрипе саксофона,
До вечности растягивая миг,
В бессмертии не вижу я резона,
Хотя резон и в жизни невелик.

МУРАВЬИНАЯ ПАСХА

В муравейнике тихом, вечернем
Накрывали столы мураши
Где-то рядышком с пересечением
Долготы с широтою души.
Расставляли цветочные фляги
Для зерна и медвяной росы
И в десятом поту работяги
К поднебесью тянули усы.

А весна в поднебесье в тот день получила огласку-
Набухало зерно, из молекулы ткался птенец
И встречали тогда муравьи муравьиною пасху
Во всю ширь необъятных своих муравьиных сердец.
И разбойник последний, наказанный жизнью короткой
И жестокий солдат, челюстями крошивший врагов-
Шли, облитые солнцем, неверной, счастливой походкой
И, бескрылые, ждали прихода крылатых богов.

Средь весенней той драматургии
Непростой жил один муравей,
Он старался, он был, как другие-
Муравьиных рабочих кровей.
Он бывал и весёлым и хворым,
Он смолил, молотил и тачал,
Он таскал на горбу чёрный хворост
И, бескрылый, летал по ночам.

Сосны полнились кровью- янтарною, рыжею, вязкой,
Заворочалось небо и выгнулось мокрой спиной
И друг другу клялись муравьи муравьиною пасхой,

Муравьиною пасхой да правдой колючей, лесной.
Их сбивало с земли ветром северным-гипербореем,
Но они возвращались в лесную свою полосу,
«Ничего, — говорили они- что летать не умеем,
Будет праздник, — они говорили, — и в нашем лесу!»

А когда краткий век муравьиный
Был да вышел- на раз и на два,
Муравей тот явился с повинной
Под сосну, где цветёт мурава.
Не помянут ни всуе, ни лихом,
Там нашёл он свою благодать
И никто в муравейнике тихом
Не узнал, что умел он летать.

Ненадолго быть листьям в соку- осень вгонит их в краску
И холодной сметаной зальёт мирозданье зима,
А потом принесёт из-за гор муравьиною пасху,
Что всегда мурашей с муравьиного сводит ума.
И разбойник последний, наказанный жизнью короткой
И жестокий солдат, челюстями крошивший врагов,
Выйдут солнцу навстречу неверной счастливой походкой
И, бескрылые, ждате будут снова крылатых богов.

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ЧРЕВОВЕЩАНИЯ

Чревовещатель Марк Борисович Гальперин
В существовании своём был не уверен,
А что мешало- сразу и не разберёшь:
Мешали сны, мешали женщины и даже
Мешало, вроде, отражение в трельяже,
С которым не был он согласен ни на грош.

Родился он в углу медвежьем, в марте талом,
Чревовещателем быть с детства не мечтал он,
Мечта подобная диагнозу сродни,
Но жизнь подкинула другие геморрои
И пролетели мимо лётчики-герои,
И космонавты пробасили: « Извини!»

И только Фредди- кукла говорящая,
Пошитая из дедовских кальсон,
Была одна такая настоящая,
Как на бесплодной грядке- патиссон.

Был зимний день, плевалось небо снегопадом,
Висели шапки ледяные по оградам,
В бинтах январских стыли темечки церквей,
А Марк Борисыч в этот день в дурном настрое
Приехал в город на прощальные гастроли
В концертном зале у вокзала, чуть левей.

Стоял на сцене одинокий человечек,
Как будто точка в окончании словечек

И разговаривал с тряпичным двойником,
Их диалог антибиотика был горше,
Но зал вздымался, словно груди билетерши,
И хохотал-то по рядам, то целиком.

И только Фредди- чтоб его по матери! —
Бессмыслица, пустышка, реквизит,
Смотрел в глаза отчаянно-внимательно,
Вот-вот, казалось, взглядом просквозит.

И падал снег- он был бессмысленным и свежим,
Сочилось радио своим томбе-ля-нежем,
Усталый город мрачно вышел на поклон,
Когда нет веры ни объятьям, ни прощаньям,
Кому ты нужен со своим чревовещаньем,
С дурацкой куклою из дедовских кальсон?!

Потом при помощи стамески и отвёртки
Далёко за полночь сломали дверь гримёрки,
В ней, кроме куклы, не сыскалось ни души,
К тому моменту был и взвешен, и измерен
Чревовещатель Марк Борисович Гальперин
И признан годным для заоблачной тиши.

По ржавым стыкам через одного гремя,
Эпоха прёт в неведомую даль,
А жить всегда случается не вовремя-
Такая вот нехитрая мораль.

ОДИССЕЙ

«...Одиссей возвратился,
пространством и временем
полный.»

О. Мандельштам

И пришёл Одиссей, как приходят собаки,
Головою шальной прислонился к Итаке
И солёные сжал кулаки,
Одиссей воротился седым, но счастливым,
Побежал как мальчишка, к садам и оливам,
Босиком вдоль заросшей реки.
И застыли его огрубелые ноги
На горячем асфальте шоссейной дороги
В разлинованной серой пыли,
Словно знаки чужой незнакомой хворобы,
Сквозь Итаку его проросли небоскрёбы
И на солнце дрожали вдали.

Лучше сгинул бы он на Троянской войне,
Задохнулся бы там, в деревянном коне,
Может быть, этот мир- понарошку, вчерне?
А за ним есть другой, как в лазоревом сне?

И ускорил он шаг, убегая от скверны,
Но его за рубаху цепляли таверны,
Призывая присесть у стола,
Он оброс бородой, как положено греку,
Но его на обочину, словно калеку,
Безбородая площадь гнала.
Снова встала с перстами пурпурными Эос,

А ему не жилось, не дышалось, не пелось,
Не слагалось под сердцем стихов,
В тротуарном бетоне лежат козьи тропы
И давно уже нету его Пенелопы,
Равно как и её женихов.

Оставалось живым только море одно,
На песок выползало на брюхе оно,
От печалей людских было морю смешно,
Густо сыпались брызги- морское пшено.
И стоял Одиссей, постигая причину:
Может, брал он от жизни блага не по чину?
Или норы у Зевса крутой?
В переулке, где ветром качало фуфайки,
Комнатушку он снял у весёлой хозяйки,
Расплатившись монетой золотой.
И любое в руках его спорилось дело,
А хозяйка тайком на героя смотрела,
Словно с ним ощущала родство,
А когда ему снились циклопы и драки,
Пела ночью хозяйка ему об Итаке,
О зелёной Итаке его.

То ль минута пройдёт, то ли вечность пройдёт,
Будет новый Гомер, будет новый поход
И разверзнется парус над зеленью вод
И обратно домой Одиссей поплывёт...

ПОВЕЛИТЕЛЬ ТРАМВАЕВ

Послушай монотонный звон бессонных площадей-
То не набат и не чумной глашатай,
Ползут по голой мостовой трамваи без людей,
Пока, прильнув к супруге, спит вожатый.
Визжа проржавленным нутром, спешат в последний бой,
Скрипя радикулитными дверями,
Идут шеренгой, словно бы слоны на водопой
И делятся печалью с фонарями.

Помолись, помолись
За глупцов и негодяев,
Поклонись, поклонись
Повелителю трамваев,
Раз-вагон, два- вагон
У трамвайной переправы,
Лязг и стон, лязг и стон
Из конца в конец державы.

И тычут морды в темноту железные кроты,
Войною пахнет ночь- хоть сапоги мерь!
Смотри, из дома — ни ногой, а то из темноты
К тебе придёт гремящая погибель.
Ползут калеки по Руси, шальной готовя спурт,
Вселенная- единственный их зритель,
А по Руси течёт река по имени Абсурд
И держит речь трамвайный предводитель.

Помолись, помолись
За глупцов и негодяев,
Поклонись, поклонись

Повелителю трамваев,
На вагонах подряд
Полустёртая реклама:
Мыло « Понтий Пилат»,
Шоколад « Спасибо, мама!»

И держит предводитель речь, кивая с высоты
И тысячи проржавленных вагонов
Сопя одышливой душой, скуля от немоты,
Ему бросают тысячи поклонов,
И спят вожатые, ловя губами рты супруг,
Добро и зло пуская к изголовью,
А там кричит железный сход и множит лязг и стук
И наливает фары лютой кровью.

Помолись, помолись
За глупцов и негодяев,
Поклонись, поклонись
Повелителю трамваев,
За окном ввечеру,
Освещаемый луною,
Он стоит на ветру
Над уснувшей страной.

Послушай монотонный звон бессонных площадей,
В них шелестят минуты ли, слова ли?
Но говорят- когда душа уходит из людей,
Она переселяется в трамваи.
А поутру они опять наденут свой хомут,
Как надевает маршал старый китель,
Но берегись: настанет ночь –и вновь они пойдут
Туда, куда им скажет предводитель.

Помолись, помолись
За глупцов и негодяев,
Поклонись, поклонись
Повелителю трамваев,
Раз-вагон, два- вагон
У трамвайной переправы,
Лязг и стон, лязг и стон
Из конца в конец державы.,
Лязг и звон...

РУКИ СКРИПАЧА

Жил на свете выдающийся
Скрипач,
Только был он очень бьющийся-
Хоть плачь!
При плохой, хорошей власти
Рассыпался он на части,
Словно в клочья порубил его палач.
Рассыпался он от пара
На плите,
Рассыпался от удара
В темноте
И сынишка- скрипачонок
Парой маленьких ручонок
Клеил голову и плечи на тахте.

И говорил отец, глаза открыв с трудом:
«Не унывай и не пугай себя тем светом,
Мы здесь не свидимся- так свидимся на том,
Хотя туда пускают только по билетам.
Мы по билетам не пройдем -мы будем зайцами,
Мы не боимся контролёров и волков,
Литой смычок сжимая ранеными пальцами,
Мы в рай вползем в сопровожденье облаков!»

Не умел скрипач на свете
Ничего,
Пустяка, пожалуй, кроме
Одного.
Он водил по струнам в зале
И сограждане рыдали,

Сами недоумеваю- отчего?!
Вроде, нету никакого волшебства,
Но на сцене пробивается трава
И под люстру в сторонке
Вьют гнездо сизоворонки
И на плечи мягко падает листва.

И говорил отец, молясь перед крестом:
«Не унывай и не пугай себя тем светом,
Мы здесь не свидимся- так свидимся на том,
Хотя туда пускают только по билетам.
Мы по билетам не пройдем -мы будем зайцами,
Мы не боимся контролёров и волков,
Литой смычок сжимая ранеными пальцами,
Мы в рай вползем в сопровожденье облаков!»

Ночью цвета пуха козьего,
Хоть плачь,
Не пришёл с концерта позднего
Скрипач.
Был разбит он у дороги
И в траве лежали ноги
И катился головы кровавый мяч.
Собирали его в жидкой
Мураве,
Пришивали плечи ниткой
К голове.
Но нигде- хоть вой от муки-
Им не попадались руки,
Их должно быть, как известно, ровно две.

И прошептал скрипач безрукий впалым ртом:
«Не унывай и не пугай себя тем светом,

Мы здесь не свидимся- так свидимся на том,
Хотя туда пускают только по билетам.
Мы по билетам не пройдем -мы будем зайцами,
Мы не боимся контролёров и волков,
Литой смычок сжимая ранеными пальцами,
Мы в рай вползем в сопровожденье облаков!»

А потом пришли военные
Деньки
И сынишка- скрипачонок
Вёл полки,
Он вернулся с гордым видом,
Но безруким инвалидом
И нашёл в траве у дома две руки.
И где были две культияпки вместо рук,
Две приклеенных руки вспорхнули вдруг
И в персты сама собою,
Поднесённая судьбою,
Пала скрипка и потёрлась о сюртук.

И он услышал голос в небе золотом:
«Не унывай и не пугай себя тем светом,
Мы здесь не свидимся- так свидимся на том,
Хотя туда пускают только по билетам.
Мы по билетам не пройдем -мы будем зайцами,
Мы не боимся контролёров и волков,
Литой смычок сжимая ранеными пальцами,
Мы в рай вползем в сопровожденье облаков!»

САПОЖНИК И АНГЕЛ

Льётся с неба сумерек чёрное вино
И земля пьяна, но не сильно...
В доме у сапожника светится окно
Где-то возле города Вильно.
Чёрный и нахохленный, без одной ноги
(В первой мировой были обе),
Молится неистово: « Боже, помоги!
Помоги в беде и хворобе!
И комочек маленький чтоб не знал пурги,
Как сейчас у мамы в утробе!»

И где-то за полночь в окошко стукнет ангел,
Попросит хлеба, нервно дёргая щекой,
Пускай на небе он не в самом высшем ранге,
Но для еврея будет счастьем и такой.
Чернобород и -в масть хозяину -нескладен
И даже чуточку, мне кажется, сутул,
Он лапсердак свой со следами жирных пятен
На гвоздь повесит и откинется на стул.

И они обнимутся, слов не говоря
И они расплачутся вместе,
Запечётся в облаке сдобная заря,
Словно бы изюминка в тесте.
И в сияньи бежевом да вокруг стола
Поплывут они в горькой пляске,
Комната наполнится взмахами крыла,
Словно в давней маминой сказке.
И нога как будто бы снова приросла,
Снова можно жить без опаски!

И грянут скрипки в небесах за горизонтом
И заиграет лес в мильон зелёных рук,
А разговоры, причитания и стон там
В один сольются бесконечно долгий звук.
Он полетит и поплывёт и понесётся
И понесутся край колодца и луна,
Потом свеча, стена и снова край колодца,
Опять луна, опять свеча, опять стена...

И сапожник с ангелом улететь не прочь,
Но сопит за ширмою Двойра,
В доме пахнет праздником- ах, какая ночь!
Может быть, опять будет двойня.
И кровавых резаных по сердцу морщин
Станет хоть немного, но меньше,
Может быть, нагрянет вновь счастье без причин,
Счастье без сучков и без трещин.
Может быть, прибавится на земле мужчин,
Чтобы не убавилось женщин...

И ангел тихо закивает головою,
Положит руку он сапожнику на грудь
И над умытою застывшею травой
Он белым штопором вонзится в Млечный путь.
Падёт рассвет и разобьётся об дорогу,
Рассыпет в травы сотни тысяч красных бус
И слава богу, слава богу, слава богу,
Что дышит грудь и что у жизни прежний вкус!

...Льётся с неба сумерек чёрное вино
И земля пьяна, но несильно,
Ничего, что жители городок давно

Вильнюсом зовут, а не Вильно.
А иные жители реют в облаках,
Мало кто дожил до Берлина
И сапожник молится с книгою в руках
С ливнем за окном воедино.
И висят, качаются пряди на щеках,
Словно два повешенных сына...

...Но грянут скрипки в небесах за горизонтом
И заиграет лес в мильон зелёных рук,
А разговоры, причитания и стон там
В один сольются бесконечно долгий звук.
Он полетит и поплывёт и понесётся
И понесутся край колодца и луна,
Потом свеча, стена и снова край колодца,
Опять луна, опять свеча, опять стена...

СЕМЁН АНТОНЫЧ И ТРАМВАЙ

Семён Антоныч догонял трамвай,
Трамвай уныло полз куда-то в полночь,
Но медленно бежал Семён Антоныч,
В его-то годы бегать- ай-ай-ай!
А у трамвая был внутри раздрай,
Должно быть, он искал трамвайный рай,
Но медленно бежал Семён Антоныч,
Семён Антоныч догонял трамвай.

Он сам себя стегал: « Скорей, скорей!»
И слов не находил других бодрящих,
Но полз и полз вперёд железный ящик,
Не собираясь открывать дверей.
И хоть его словами обогрей
Трамвайно-человечьих словарей,
Но будет вдаль ползти железный ящик
Не собираясь открывать дверей.

Семён Антоныч взмок. Ему на миг
Почудилось, что он не за вагоном-
За самым главным жизненным резонансом
Бежит по рельсам, прикусив язык.
А город был бездушен и безлик,
А город к телевизорам приник,
Ему плевать, что кто-то за вагоном
Бежит по рельсам, прикусив язык.

В трамвае, ковыляющем во мгле,
Быть может, ожидала в нетерпении
На кожаном продавленном сидении
Та, что искал он долго на земле.
Судьба всем раздала по крем-брюле,
Он опоздал, остался на нуле,
А, может быть, судьба его- в трамвае,
Трамвае, ковыляющем во мгле.

Действительно- а чем не шутит чёрт?!
Ему так долго не хватало фарта,
Но сердце после третьего инфаркта
Не захотело штурмовать рекорд.
Пейзаж готов, остался натюрморт:
Баранья шапка, лёд, железный борт
И сердце, после третьего инфаркта
Побить не пожелавшее рекорд.

Как будто металлическим прутом
Проткнуло бок и вырвалось наружу,
Семён Антоныч рухнул прямо в лужу
На площади за Троицким мостом.
Что было прежде, будет что потом?
Лежать, укрывшись неба лоскутом,
Лежать в обычной петербургской луже
На площади за Троицким мостом.

Он видел сам себя на мостовой
Нелепого, с подвёрнутой ногою,
Широкой электрической дугою
Трамвай сверкнул и замер, сам не свой.
Трамвай стальной подумал головой
О новенькой подружке типовой,

Широкой электрической дугою
Трамвай сверкнул и замер, сам не свой.

Над городом рассеивалась мгла,
Светало, разгоралось воскресенье,
На кожаном продавленном сиденье
Опять кого-то женщина ждала.
Того, кто сядет рядом у стола,
Кто станет жить с добра, а не со зла,
Светало, разгоралось воскресенье,
Над городом рассеивалась мгла.

СЛУЧАЙ В ТРАКТИРЕ

Здесь у порога дрались птицы,
Сюда, в ночные кутежи
Несли заезжие убийцы
От крови липкие ножи.

Здесь вор, ослабившись беззубо,
Нырнул в котомку простака,
На скрипке, вырезанной грубо,
Играла грубая рука.

Здесь голод утоляли в стужу
Похлёбкою из требухи,
Здесь выворачивали душу
И на пол сыпали грехи.

И здесь, пропахший безнадёгой,
Прокишим пивом и мочой,
На лавке он лежал убогой
Под оплывающей свечой.

Натёр бока он стольким клячам,
Сколько на небе облаков
И стал философом бродячим,
Стоптав две сотни башмаков.

Он был знаком с девичьим телом,
Он мёртвый выучил язык,
Бывал в бою он оголтелом,
А смысла жизни не постиг.

Теперь же, как в лампаде масло,
Кончалась в нём душа сама,
Его, прожившего напрасно,
Сжигала изнутри чума.

Ещё он жил. Ещё под кожей
Как маятник, ходил кадык,
Ещё во рту по воле божьей
Сухой ворочался язык,

Ещё свою кривую тропку
Смерть не проторила к нему,
Несла горячую похлёбку
Хозяйка в брани и дыму.

.
Металось время в тесном круге,
Блестели лужи на столах
И разомлевшие пьянчуги
Стелили рублища в углах.

И рыжие раскинув космы,
Дремала девка над вином,
И плыл трактир сквозь чёрный космос
На лютном холоде земном.

...Как золотник среди отбросов,
Лежал он в отблесках огня
И кто-то кликнул: «Эй, философ!
Взгляни-ка, братец, на меня!»

И он взглянул. В трактирном бреде
Тряслась, качалась и плыла,

Горбатилась в неверном свете
Спина дощатого стола.

Сидел там путник, очи долу,
Табачным дымом окружён,
Скрывал безумства и крамолу
Его потёртый капюшон.

Натёр бока он стольким клячам,
Сколько на небе облаков
И стал художником бродячим,
Стоптав две сотни башмаков.

Он сам себе назначил цену,
Он верил в сны и мудрость книг,
Он был влюблён. Он знал измену,
А смысла жизни не постиг.

Теперь он встал, забыв про брагу,
Плащом по мусору пыля
И отходящего бродягу
Стал рисовать куском угля.

И словно бы перед потопом,
Шум обернулся тишиной,
Ворьё и сброд, притихнув скопом,
Столпились за его спиной.

И как на сотворенье мира,
Глядели, обмирая вмиг,
Как на пустой стене трактира
Бродяги возникал двойник.

Порывом страсти и накала
Портрет светился в тишине,
Как будто жизнь перетекала
В рисунок чёрный на стене.

Бродяге оставалась малость,
Густела кровь его среди жил,
Но он глазами, показалось,
Художника благодарил.

И не было иного смысла
Снаружи или взаперти,
И звёзд ложилось коромысло
На плечи Млечного пути.

ВЫСОКАЯ ВОДА

На кой ты дьявол нам сдалась, такая осень?!
По мне- так лучше ледостав и холода,
Как суицидник из окна, свалилась оземь,
Запачкав брызгами рябины города.

А тут ещё приехал друг с Первопрестольной,
Мой не разлей вода, фотограф и алкаш,
Причины он не отыскал благопристойной
И просто внёс ко мне и тело и багаж.

Были фразы у него кратки,
Был надрывен у него смех,
Он приехал окунуть в краски
Чёрно-белую свою смерть.

Зачем влюбляться в мир, придуманный для драки?!
Ну разве только в ту девчонку на мосту!
Мы с ним по Питеру брели как две собаки,
Ноздрями чуя наводнение за версту.

Дул ветер западный, раскачивая шпили,
Пугая чёрных заржавевших петухов,
Уже три дня с ума синоптики сходили
А город ждал воды для снятия грехов.

Я не стану наносить ретушь,
Просто-напросто могу спеть,
Но на чай не позову- нет уж-
Чёрно-белую твою смерть.

Ты жил в объятых доморощенных Офелий,
Копаясь в судьбах, будто в ящиках стола,
Делил удачу на количество постелей
И не дождался той, которая ждала.

Музеи снимками твоими крыли стены,
Газеты бредили твоими интервью
И, словно в очередь, себе кромсали вены
Твои Офелии за преданность свою.

А у нас теперь от волн- дамба,
Город, мол, спокойно спит впредь-
Но настырная она дама,
Чёрно-белая твоя смерть.

Ещё я спал, когда ушёл ты в ранней дымке,
Я слышал звук твоих шагов по мостовой
И наводнение на твоём последнем снимке
Тебя, должно быть, захлестнуло с головой.

Тебя до вечера искали водолазы,
Упомянув все матушку твою,
Газеты выдали скупые две-три фразы
И возвратились к повседневному вранью.

...С той девчонкой на мосту в паре
Ты глядишь сквозь тополей медь,
Слушай, это ведь и есть, парень,
Чёрно-белая твоя смерть!
До чего же хороша, парень,
Чёрно-белая твоя смерть!

На кой ты дьявол нам сдалась, такая осень?!

По мне так лучше- ледостав и холода...

СУДНАЯ НОЧЬ

Он въехал в тот город на чёрном осле
Как грешник- спиною вперёд,
А город лежал в никотиновой мгле
И даже не запер ворот.
А город был весел и навеселе
И шлюх напоказ выставлял
И пара химер на соборной скуле
Глазела на тот карнавал.

Он видел тот город и щедрым и злым,
Во прахе и в шуме знамён,
Он пил вместе с ним и грешил вместе с ним
Со средневековых времён.
Он знал наизусть его до естества,
Как люди и знать не могли-
До каждой фрамуги, до каждого рва,
До крысы в трактирной щели.

Не мешайся с толпой, не ходи в города,
Не носи бороды и бравады,
Пусть следы твои канут в песок навсегда,
Как слова этой старой баллады.

Он чувствовал горечь ободренных крыш,
Зрачками выцеживал он
Безвкусицу платьев, бесстыдство афиш,
Бездарность фальшивых колонн.
Где соединяли зрачки площадей
Железные дужки мостов,
Он ехал в толпе мельтешащих людей

И был их простить не готов.

А город проспал, прокутил этот миг,
Как бражник у края стола,
Архангел на шпиле глядел, как мясник,
Во тьму городского котла.
В неистовом танго кружил карнавал,
Фланировал праздный народ,
Но девочка пела и хор подпевал
О тех, кто назад не придёт.

Не мешайся с толпой, не ходи в города,
Не носи бороды и бравады,
Пусть следы твои канут в песок навсегда,
Как слова этой старой баллады.

Пора! Капюшон опустивши на лоб,
Он пяткою тронул осла
И тысячью тысяч невидимых троп
На город погибель пошла.
Но это не Троя, а ты- не Гомер,
Ничто не достойно стиха!
И хрипло хихикала пара химер,
Подальше таясь от греха.

Он выехал утром из южных ворот,
А город горел и горел,
Он ехал, как грешник. спиною вперёд,
Как праведник, в небо смотрел.
Поднимется ветер- не станет следов,
Ни звука в ночи не найти,
Гляди же- как много ещё городов
Лежит у него на пути!

Не мешайся с толпой, не ходи в города,
Не носи бороды и бравады,
Пусть следы твои канут в песок навсегда,
Как слова этой старой баллады.

ТРУДНО БЫТЬ ФАНТОМАСОМ

Сочился город зноем и джазом,
А он шёл мимо в жёлтой пыли,
Но как же трудно быть Фантомасом!
Быть самым главным злодеем земли!
Его тянуло к банкам и кассам,
Как будто в детстве- в цирк шапито,
Но как же трудно быть Фантомасом,
Когда тебя не ищет никто!

Он проживает незаметно в однокомнатных снах,
Где раз в неделю - телефонный звонок,
Он не отшельник, не аскет, не шаолинский монах,
Гораздо проще- он одинок.
Его вторая половина обросла кожей
И упорхнула в мир гламура и грёз,
Он сам себе готовит кофе, безупречный герой,
Он свято верит, что это - всерьёз.

Он аномальней любых аномалий,
Он анонимней себя самого,
Но надпись есть: « цианистый калий»
На валидоле в кармане его.
Он пьёт кефир, он брезгует мясом,
Он посылает мысли в эфир,
Но как же трудно быть Фантомасом,
Когда вместо джина- кефир!

Его глаза остры, как бритвы, как наточенный клюв,

А то, что линзы- это так, чепуха!
Он ждёт письма от комиссара по фамилии Жюв,
А получает счёт ЖКХ.
Он входит в тёмную квартиру, словно с палубы в трюм
И смотрит новости в обнимку с котом,
Он облачается в пижаму, как в вечерний костюм,
Неуловимый гениальный фантом.

Косит луна желтеющим глазом,
А в шапиту- давно ни души,
Но как же трудно быть Фантомасом
В неумолимой русской глуши!
Сочится город зноем и джазом,
Банкир в поту, как простолюдин,
Невыносимо быть Фантомасом,
Когда об этом знаешь один...
Об этом знаешь один...
Знаешь один...
Один.

ЧЁРНЫЙ КЛОУН

Чёрный клоун, чёрный мим в колпаке пушистом
Поливал бензином цирк, чтоб его поджечь,
Клоун не сошёл с ума- клоун был фашистом,
У которого гора не упала с плеч.
Не упала с плеч гора-это не причина,
Что не выпало рубля в сотне лотерей,
А причина в том, что был клоун- не мужчина,
Доктор, что не смог помочь -как назло, еврей.

Спи, Майданек! Спи, Майданек!
Только в небеси
Мальчик Янкель, мальчик Янек,
Девочка Люси,
Спи, Майданек! Спи, Майданек
И дождись пока,
Вынет клоун кнут и пряник
Из-под колпака.

Заложив пальто в ломбард, скрипку- в антресоли,
Колпаку подставив лоб, словно бы клейму,
Клоун обувью плохой натирал мозоли
И стремился отомстить, но не знал -кому.
Зал надменно хохотал и учил морали,
Клоун падал на помост, словно ржавый меч,
Вот он вышел на ковёр между номерами
И облил бензином цирк, чтоб его поджечь.

Спи, Майданек! Спи, Майданек!
— Господи спаси-
Мальчик Янкель, мальчик Янек,

Девочка Люси,
Спи, Майданек! Спи, Майданек
И дождись пока,
Вынет клоун кнут и пряник
Из-под колпака.

Тёк бензиновый родник меж сухих опилок,
Искривлённый белый рот дёргался, дрожал,
Клоун мучился- колпак тёр ему затылок,
Клоун в этом обвинял сытых горожан,
Хохотал огромный зал, умирал со смеху,
Умирал передний ряд, задний умирал,
Клоун чиркнул о каблук и открыл потеху
И протёршийся колпак с кожей отодрал.

Спи, Майданек! Спи, Майданек!
Боль свою неси,
Мальчик Янкель, мальчик Янек,
Девочка Люси,
Спи, Майданек! Спи, Майданек
И дождись пока,
Вынет клоун кнут и пряник
Из-под колпака.

Чёрный клоун, чёрный мим в колпаке пушистом
Поливал бензином цирк, чтоб его поджечь,
Клоун не сошёл с ума- клоун был фашистом,
У которого гора не упала с плеч.
И всем людям я кричу, и кричу я всем лю...
...Головешки на траве, чёрное окно...
Смейтесь, люди, до конца, до упада- в землю,
Смейтесь, люди- через миг будет не смешно.

Спи, Майданек! Спи, Майданек!
Смолкли в небеси
Мальчик Янкель, мальчик Янек,
Девочка Люси,
Спи, Майданек! Спи, Майданек!
Детская рука
Вынет из кармана пряник
Вместо кулака.

ЧЁРТОВА СОНАТА

Сподобил Бог иметь талант, но не отсыпал славы,
Благословил слепить семью, но правда такова:
Пылится скрипка на стене, нет на детей управы,
Камзол не чинен и долги за воду и дрова.
Он целый год не звал гостей, неся обиду братьям,
Не пачкал нотами тетрадь во имя всех святых
И, хоть ловил привычно глаз округлости под платьем,
Но геометрия любви- наука молодых.

А публика нехотя дарит хлопки,
Как будто монетку кидает на паперть
И слёзы дежурные прячет в платки
На память, на память, на память.

В ту ночь бессонница пришла в постель к нему без спроса
И жёлтым саваном луна завесила пейзаж,
А тень от взбалмошной свечи легла на стену косо
И в кресле у стола возник престранный персонаж.
Хотелось тронуть за плечо, но не хватало веры,
Он был то статен, то сутул, то весел, то угрюм,
Вполне приличный господин и только запах серы
Наружу рвался сквозь его изысканный парфюм.

Бежит по рядам: там- тарьям -там- тарьям-
Ах, боже мой, с нами нечистая сила!
И шепчут супруги на ушко мужьям:
«Как мило! Как мило! Как мило!»

Он подкрутил печальный ус и молвил виновато:
«Не нужно мне твоей души в бездушный этот век!»

Намедни мной сотворена скрипичная соната,
Какую в жизни не творил обычный имярек.
Когда ты в зал её плеснёшь с лихим осатаненьем-
Тебя счастливая толпа в бессмертье понесёт,
Но есть условие одно: пред каждым исполнением
Ты будешь называть того, кто автор этих нот...».

А публика больше не делает вид-
Вперёд подалась и внимает сюжету
И слышно, как чья-то рука теребит
Манжету, манжету, манжету.

«...Ты спросишь: для чего оно мне, властелину мрака,
Когда на каждого из вас имею я права?!
Я популярен среди властей и черни, но однако
Ты не поверишь -весь в долгах за воду и дрова.
Итак, давай же постучим костяшками на счётах,
Давай ударим по рукам, порадуем народ,
К тому же, дьявол, говорят, в словах, деталях, нотах,
А наши жизни состоят из слов, деталей, нот!»

Погашены люстры и сцена пуста,
Но публика кресла покинет не скоро
И требуют руки, сердца и уста
Повтора, повтора, повтора...

ИСПОВЕДЬ БРОДЯЧЕГО КОТА

Я дрался с целой тысячью собак,
Я когти рвал об их кривые спины,
Клянусь, я мог узнать любой кабак
На свалке по объедкам лососины.
Желудок мой, как оперный финал,
Глотал куски и тупо жаждал биса,
Луна, валясь за городской вокзал,
Плыла, как заспиртованная крыса.

Бог мой, кто я есть?
Для чего я здесь?
На земле держусь, но, мой бог,
Если крови в ней
Больше, чем корней,
Значит, больно ей от сапог!
Я скольжу вдоль стен,
Чёрен, словно тлен,
Но девиз несу на челе:
Поджимая хвост,
Встань же в полный рост
И ступай по голой земле!

Мой главный враг с кровавым языком,
Безродный пёс, что сатане угоден,
Он в прошлой жизни был штурмовиком,
А нынче- князь трущоб и подворотен.
В моей молитве разве меньше слов?
От боли разве я кричу иначе?

Зачем же, пёс, из-за ночных углов
Готовишь ты клыки свои собачьи?!
Я стены, как облупленные, знал,
Я сотню крыш прополз на мокром брюхе,
Но враг мой чувством когтя обладал
И злобой умирающей старухи.
Я уносился сутками в бега,
В подвале низко кланялся обедку,
Но вот однажды увидел врага-
Он живодёром был посажен в клетку!

Бог мой, кто я есть?
Для чего я здесь?
На земле держусь, но, мой бог,
Если крови в ней
Больше, чем корней,
Значит, больно ей от сапог!
Я скольжу вдоль стен,
Чёрен, словно тлен,
Но девиз несу на челе:
Поджимая хвост,
Встань же в полный рост
И ступай по голой земле!

Не может быть! Неужто я дожил?!
Но я не сам- моей заслуги малость!
И тут же сердце прыгнуло из жил
И в нём глухая закружилась ярость,
Лишён врага? Я друга был лишён!
Я сапоги лизал бы за коврижку,
Но без врага я жалок и смешон
И я вцепился лапами в задвижку.
На час я превратился в сатану,

Я грыз металл, вбивая зубы в дёсны,
Казалось мне- я мог загрызть луну,
Когда б она не пряталась за сосны.
Открыта клетка- враг опять со мной,
Он отомстить мне должен за спасенье
И я лечу под голубой луной
Готовь, господь, в раю мне новоселье!

Бог мой, кто я есть?
Для чего я здесь?
На земле держусь, но, мой бог,
Если крови в ней
Больше, чем корней,
Значит, больно ей от сапог!
Я скольжу вдоль стен,
Чёрен, словно тлен,
Но девиз несу на челе:
Поджимая хвост,
Встань же в полный рост
И ступай по голой земле!

Репетиция любви

АФРОДИТА

Афродита рождалась в муках
Где-то там за порогом весны,
Афродита рождалась в звуках,
Звуках тёмно-зелёной волны.
И пришла она в мир нагая,
Пуританских не зная идей,
Просто эра была другая,
Не стеснялись богини людей.
Мир совсем ещё не был познан
И любовь проживала на дне,
Но любви никогда не поздно
Из глубин вознестись к вышине.

Туда, где сон, туда, где явь,
Туда, откуда только вниз,
Туда на крыльях или вплавь,
Домчись, дорвись и дотянись.
В одежде, сотканной из брызг,
Взмой с Посейдонова плеча,
Лови нетерпеливый бриз,
Живя, кричи! Живи, крича!

И пока Афродита пела,
На песке отдаваясь ветрам,
У любви появилось дело-
Нужно было свой выстроить храм.
Утвердила любовь законы
От подводных камней до луны,
Затвердили их купидоны,
Наполняя свои колчаны.

Чтоб стихи сочинялись сами,
Словно боги совсем не при чём,
Чтобы губы свести с губами
И сердца повести за лучом.

Туда, где явь, туда, где сон,
В такую даль, в такую близь,
Направь ладью свою, Ясон,
Домчись, дорвись и дотянись!
В одежде, сотканной из брызг,
Взмой с Посейдонова плеча,
Лови нетерпеливый бриз,
Живя, кричи! Живи, крича!

И в Афинах и на Итаке
Песни пела любовь с облаков
И свои растворила знаки
В алфавитах земных языков.
Альфу звука, омегу слога
Превратила она в эликсир,
А сама не сыскала бога,
Чтоб к ногам её звёзды носил.
Холостых на Олимпе нету,
Но печаль не задует свечу-
Так и бродит любовь по свету,
Ищет бога себе по плечу.

Настанет день, настанет миг-
И снова вспенится прибой,
И Афродита выйдет в мир
Опять из пены голубой.
В одежде, сотканной из брызг,
Взмой с Посейдонова плеча,

Лови нетерпеливый бриз,
Живя, кричи! Живи, крича!

Б. ПАСТЕРНАКУ

В любви таится недосказанность,
Святая недоговорённость,
Когда не право, а обязанность
Свою показывать влюблённость.
Когда ещё не знаешь - верно ли
Ты подобрал слова и знаки,
Когда, как воскресенье вербами,
Душа затеплится во мраке.
Так улица кончает площадью,
Ручей становится заливом
И сердце двигается ощупью,
Как пилигримы над обрывом.
А там признанием исторгнутым
Любовь прогромыхает резко
Как будто пологом отдёргнутым
Или грозой у перелеска,
Она придёт словами взрослыми
Или внезапными стихами
И будут скомканные простыни
Её страниц черновиками.

ПОСЛЕ ПАСТЕРНАКА

Она явилась ровно в пять,
Как будто посланная свыше.
Он рисовал мосты и крыши,
Он не хотел её встречать.
Как будто бы домой пришла
И туфли скинула в прихожей,
Она сказала: « Мой хороший!»,
Она шепнула: « Мой хороший!»,
Присев тихонько у стола.

И молча плакала свеча,
И молча плакала свеча,
И молча плакала свеча,
Но это, видно, сгоряча.

А на холсте его сыром
Шла женщина путём знакомым,
Шла женщина мостом Тучковым.
Мостом пустым, пустым двором.
По этим сумрачным дворам
Пришла кошачьим шагом чутким,
В честь их неистового чувства,
В честь их разнузданного чувства
Они решили строить храм.

Беззвучно плакала свеча,
Беззвучно плакала свеча,
Беззвучно плакала свеча,
Но это, видно, сгоряча.

А город за его холстом
Разлётся кошкою приبلудной,
Была их встреча безрассудной
И неподсудною при том.
Он был ответ. Она- вопрос.
Решимость- он. Она- смятенье.
Горячих рук переплетенье,
Горячих тел переплетенье,
Двух гордых душ апофеоз.

Как долго плакала свеча,
Как долго плакала свеча,
Как долго плакала свеча,
Но это, видно, сгоряча.

Ключа в замке холодный стук-
Он расставания предтеча,
Была оправдана их встреча
Необходимостью разлук.
Она пришла как на костёр,
Она ушла как от пожара,
Свеча на столике дрожала,
Свеча на столике дрожала,
Как недостроенный костёл.

И молча плакала свеча,
Беззвучно плакала свеча,
Как долго плакала свеча!

Но это, видно, сгоряча...

Вы, видимо, живёте наудачу
И наобум святых ведёте речь
Вы дарите себя мне, словно сдачу,
Не позволяя оной пренебречь.
Вы- неженка, колдунья, задавака
И я шепчу, под руку вас ведя:
«Вы от морганатического брака
Весны и полнолуного дождя!»

Любовью проливною у театра
Меня вы осыпаете сполна,
Вы девочка моя, вы- Клеопатра,
Ворожея чердачного окна.
Но знаю я, что, как необходимость,
Сольются вместе в завязи простой
Неправая моя неповторимость
С неповторимой вашей правотой.

ГОСПИТАЛЬНАЯ МОЛИТВА

Размах крыльев у ангела маленький,
На объятия хватит едва,
Ты приснись мне, пожалуйста, маменька,
Поплети мне слова-кружева,
Выгнул спину Андреевский госпиталь,
Словно кот на незваную рать,
Ангел мой нынче спросит у господы-
Собираться мне иль обождать,

Сердце стало в груди легче камушка,
Стала кровь, как вода, голуба,
Медсестра белокурая Аннушка,
Ты дотронься губами до лба.
Ты узнай меня, ангел, по голосу,
Облетая уснувшую Русь,
Но мой голос- сродни гладиолусу,
Я сорвать его очень боюсь.

И когда головою взъерошенной
Я в ладони девичьи паду
И когда ты мне скажешь: « Хороший мой!»
И подашь мне в стакане звезду.
И, напоенный звёздной влагою,
Я усну, бесприютен и свят,
Бог разнится с дворовой собакою
Только тем, что душой не космат.

Заметает следы вьюга белая,
Отражается в небе лицо
И звезда наливается спелая,
Через миг упадёт на крыльцо.
Где-то за полночь в девичьей спальне
Ты мои повторяешь слова:
Размах крыльев у ангела маленький,
На объятия хватит едва...

ЖЕНЩИНА В АПРЕЛЕ

Ты шагала вдоль проснувшейся реки
В тонкой юбочке с разрезом посередке
И смотрели, и глазели мужики
На твои в тугую сеточку колготки.
И гадали: что за срочные дела
Гонят женщину в распутицу и стылость?
Ну, а ты не торопилась- просто шла,
Просто шла и только с виду торопилась.

На чёрных клавишах ступеней,
На белых клавишах колонн
Апрельский дождь- холодный гений-
Играет, что твой Эллингтон.
То плавной дланью в глади парка,
То рваной дробью над рекой,
А мы не больше, чем помарка
В той партитуре городской...

Ты шагала, распахнувшись для тепла,
Злую улицу беря в единовёрки,
Ты летела, будто счастлива была,
Будто судьбы выбирала для примерки.
Будто ждал тебя и кофе, и ночлег
И желания, друг друга потаённой,
Будто ждал тебя хороший человек
Где-то в спальном неприкаянном районе.

Зима готова на уступки,
Скрипят суставами мосты,
Четвёртый день штурмуют юбки

Отметку новой высоты.
И эта чёртова синкопа,
Коленных чашечек обвал,
Как будто выстрел из окопа,
Который ты завоевал.

Этот город много раз тебя спасал
Пьяным кружевом полночных разговоров
И в тебя влюблялся город, как пацан,
От смущенья в красных пятнах светофоров.
Платья шились,, пела швейная игла,
Шестерёнками Вселенная стучала,
Где-то женщина вдоль набережной шла
И счастливою хотела стать сначала.
Перелицовывая судьбы,
Перетасовывая сны,
Живём не знатоками сути,
Но очевидцами весны.
В цветах асфальтовых проплешин,
На счастье город обречён,
Ещё по- мартовски небрежен,
Но по — апрельски утончён.
На чёрных клавишах ступеней,
На белых клавишах колонн
Апрельский дождь- холодный гений-
Как Дюк играет Эллингтон.
То плавной дланью в глади парка,
То рваной дробью над рекой,
А мы не больше, чем помарка
В той партитуре городской...

ИНКВИЗИТОР И КОЛДУНЬЯ

Без актрис, без кулис и без реквизитов
Про колдунью Аннет поведу рассказ,
Как влюбился в неё старый инквизитор,
Как писал ей стихи в полуночный час:
«Аннет, чертовская душа!
Ты словно дыба, хороша!
Ты — как для виселицы годная осина,
Ты мой на шее ремешок,
Мои верёвка и мешок,
Ты- для костра моя сухая древесина!»

Выли еретики, выли еретички,
Выли, глядя на них, сотни еретят,
А в тюрьме городской анти-католичке
Инквизитор в любви объясняться рад:
«Ах ты, терновый мой венец!
Ты мой расплавленный свинец,
Твоя распахнутая грудь бела, как плаха!
Ты мой испанский сапожок,
Мой третьей степени ожог,
Моя забрызганная кровию рубаха!»

Поселилась жара в городе Мадриде
И Мадрид на плечо высунул язык,
Горожане в тот день были на корриде
И в тюрьме городской не слышали крик:
«Аннет, мольбу мою услышь
И преврати меня хоть в мышь,

Погладь меня по голове, от горя лысой!»
Колдунья сжалась над ним,
Столбом ударил едкий дым
И обернулся инквизитор чёрной крысой.

А когда пала ночь и подули бризы
И в Севильском порту встали корабли,
Со стены городской спрыгнули две крысы
И на задних ногах под руку ушли.

А утром, тиская металл,
Рвал, надрывался и метал
От гнева главный инквизитор Торквемада,
А суть рассказа моего
В том, что любовь и колдовство...
А впрочем, лучше пояснения не надо!

Когда ночь свой распахнёт плед
И задремлет среди звёзд бог,
Пусть горит в окне твоём свет,
Чтобы я к тебе придти мог.
Содержание твоих снов
Пусть расскажет за тебя взгляд
И не нужно никаких слов,
Если падает сирень в сад.

На лице моём застыл грим,
Грим печали и пустых фраз,
Опьяни же ты меня в дым
Голубикою твоих глаз.
Не для нас одних горит май,
Не для нас одних сирень в пляс,
Но уже поспел к столу чай,
Это точно для двоих нас.

В самом лучшем на земле сне,
Под шуршание лесных крон
Я приснюсь тебе, а ты- мне.
Чтоб не спрашивать- о чём сон.
Если даст нам зодиак знак,
Струны вдруг заговорят в ряд,
Мы тогда с тобой поймём- как
Жить нам дальше на земле в лад.

Бог проснётся на заре, в пять-
Оттого, что отлежал бок,
Бог — он может вовсе не спать,

Но пусть лучше он поспит, бог.
Пусть же ночь свой распахнёт плед,
Пусть в деревьях зашумит сок,
Пусть горит в окне твоём свет,
Чтобы я к тебе придти мог.

КОРОЛЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ

Королева не любила короля,
(Он был Виктор, а она была Людмила),
Свет не замер и не рухнула земля,
Хоть она его и напрочь не любила.
Вы, мол, скажете: «Король не ведал форта»!
Вы, мол, скажете: «Король жалел рубля!»
Вы неправы- просто так упала карта:
Королева не любила короля.

Не любила короля, не любила короля,
А любила трюфеля.

И король- он королеву не любил
И не пела серенад резная лютня
И на небе не убавилось светил,
Хоть её и не любил он абсолютно.
Может, были её помыслы убоги
Или маленьким был вырез в декольте?
Вы неправы: просто так решили боги,
А с богами спорить- мы, увы, не те.

И к тому же, декольте, и к тому же, декольте
И не нужно в темноте.

Им твердили: «Погодите до поры!
А любовь- она, конечно, штука злая,
Штука злая, словно пёс без конуры,
Потому и не обходится без лая!»
А король по вечерам ходил к гадалке
И ему цинично скалился валет,

Жил король в обыкновенной коммуналке
И себе котлеты жарил на обед.

Две котлеты на обед, две котлеты на обед,
Трюфелей к ним вовсе нет!

И однажды в белоснежном парике
Он уехал, не оставив телефона,
Говорят, его видали вдалеке,
Где-то там, в районе Старого Афона.
А она молилась преподобной деве
И по комнате металась во хмелю,
А вы думаете, просто королеве?
А вы думаете, просто королю?

Ой, непросто королю, ой, непросто королю
Написать ей: « Я люблю!»

ЛАУРА

Повстречай меня, Лаура,
Как обычно, возле дуба на окраине села
И не будь, Лаура, хмура-
Как обычно, в нашу встречу будь, Лаура, весела!
Принимай меня такого-
С поцелуями любовниц и со шрамами от ран,
Твоего хочу жаркого,
Я уже четыре года не был вдоволь сыт и пьян!

А когда заря ночная,
Отпылав в господней топке, упадёт в твои глаза,
Погадай ты мне, родная,
Погадай ты мне, Лаура, на бубнового туза.
Что там- орден иль верёвка?
Битвы, пропасти, дуэли иль пустая канитель?
Пальцы девичьи ловко
Жизнь мою на стол положат, точно в тёплую постель.

Ноздри конские раздуты
И в глазах у королевы тлеют искорки беды,
Ровно через две минуты
Победитель кровь чужую вытрет с рыжей бороды.
Туз бубновый лёг налево,
Дама пик легла направо и король –поверх строки
И положит королева
Поцелуй на лоб героя, взяв руками за виски.

Рыцарь спит с улыбкой мирной,
Рядом с ним лежит Лаура, не сказавшая ему,
Что победою турнирной

В сердце юной королевы он разгонит мрак и тьму.
А потом- тюрьма и плаха
И прощальная улыбка с эшафота на балкон,
Рыцарь спит, не зная страха,
Он пока что победитель, он ещё не побеждён.

Проводи его, Лаура,
Как обычно провожала до окраины села,
И не будь, Лаура, хмура-
Как обычно, расставаясь, будь, Лаура, весела!
А потом три ночи кряду
Плачь в растерзанной постели и зови его, зови!
И сложи о нём балладу
И пусти её по свету вслед умчавшейся любви!

ОРКЕСТРОВАЯ ЛЮБОВЬ

Он в оркестре играл на гобое,
Вдохновенно играл и легко,
Он рисунками портил обои,
Он любил то кино, где ковбои
И флейтистку Полину Гулько.

А флейтистка об этом не знала,
Под кровать пыль сметала с ковра
И несчастной себя полагала,
Бесконечно любила Шагала,
А ещё тромбониста Петра.

Тромбонист был высок и спортивен,
В зале штангу держал на весу,
Был Шагал тромбонисту противен,
Ему Сигал по нраву был Стивен,
А ещё – кларнетистка Алсу.

А у той были чёрные тени
И тату через оба плеча,
Были джинсы с дырой на колене
И она обожала пельмени,
А вдобавок- Илью-скрипача.
А скрипач был влюблённым в арфистку,
Та неровно дышала к трубе,
А труба... ну, и дальше по списку,
Сколько их, инструментов по списку-
Столько их, загогулин в судьбе.

Отчего же любовной цензурой
Не дано друга видеть в упор?
Не согреться средь осени хмурой
Никакою волшебной микстурой,
Может, им не везёт с партитурой?
Или нужен другой дирижёр!

Писала женщина стихи,
Неспешна и тиха
И кутала свои грехи
В словесные меха.
Писала женщина стихи
Безудержно и в них
Не меньше было чепухи,
Чем в тысяче мужских.
А, может, эта чепуха,
Упавшая с руки,
И составляет суть стиха
И промысел строки?
Писала женщина стихи,
Слегка наморщив лоб,
Вдыхая кожей, как духи,
Восторженный озноб.
Как будто посылала вдаль
Невидимый сигнал
И синтаксический хрусталь
Звенел и ликовал.
Писала женщина стихи
И сигаретный дым
Лепил седые лопухи
Под потолком кривым.
Она писала, как жила-
Совсем без запятых...
Висела расставанья мгла
На кудрях завитых...

РЕПЕТИЦИЯ ЛЮБВИ

Режиссёр-любитель Баха и боржома-
С разведённой актрисой-травести
С обоюдного согласия большого
Как-то раз решили ночку провести.
На Зверинской- однокомнатная клетка,
Где колонка на газу и тусклый свет,
Где хозяйничают звуки и нередко
Слышно, как за стенкой думает сосед.

А в разводах соляных- у стены ботиночки,
Ветер кинется в окно- чуть не наповал,
А так хочется прожить -чтоб, как на картиночке,
Но картинок твой художник не нарисовал.

Как солдаты, из видавших виды кружек
Пили кофе, не сводя друг с друга глаз,
Режиссёр, знаток свиданий и подружек,
Волновался, словно дело в первый раз.
Он пришёл к ней, будто школьник за пятёркой,
А теперь не знал- каков же приговор?
А она была послушною актёркой
И ждала, что ей прикажет режиссёр.

А потом пришла к столу фея Макарония,
Было на стенных часах дело к десяти,
А любовь, как и медаль-штука двусторонняя:
Хочешь- так, а хочешь -эдак ты её крути!

Под шуршание винтажного винила
Закружились у стола на раз-два-три

И она взяла и вдруг заговорила,
Словно в ней нажали кнопку изнутри.
Про жильё, про мужиков, про глаукому,
Замелькали бывший муж и сын-балбес
И случилось по сценарию людскому,
А совсем не по сценарию небес.

Дождик питерский прошёл ленинградской поступью,
В книжных полках обнялся с Чеховым Куприн,
А она, дождю вослед, рассыпалась россыпью,
Он курил и, молча слушал, слушал и курил.

А потом, совсем не ведая испуга,
Хохотали, свесив ноги за окно,
Тёрлись души их плечами друг о друга,
Словно было так сто лет заведено.
Да, их опера, пожалуй, трёхгрошова,
А, быть может, в самом деле, по пути
Режиссёру-почитателю боржома
С разведенною актрисой-травести.

То ль столица на душе, то ль ещё провинция,
Так живёшь- и сам собой пишется сюжет
И ты думаешь: сейчас будет репетиция,
А глядишь- уже премьера, в зале гаснет свет...

ТАНГО 1916 ГОДА

Он:

Мы в шелесте потешной мишуры,
Сегодня гвоздь меню- бургундский трюфель.
...Ты соткана из утренней хандры-
От складки рта до востроносых туфель.
Твои глаза вобрали горечь звёзд,
Впитали цвет солёного пространства,
В стихах твоих спокоен я и прост,
В стихах моих ты счастлива и страстна.

Не хочешь мне признаться ты,
Но он тебе идёт-
Наш девятьсот шестнадцатый
Невыносимый год!

Она:

— К чему ты клонишь, выскочка-скворец?
Пусти меня моей дорогой стылой,
Но скачет сердце, словно жеребец
С кровоточащей отворённой жилой.
Тебя ищу я в сумраке сыром,
Бреду одна тропюю незнакомой,
В стихах твоих я -спичка над костром,
В стихах моих ты- искра над соломой.

Похож на святотатца ты,
Но- что ни говори-
Нам девятьсот шестнадцатый

Готовит алтари...

Он:

— Оттуда, где впадает в ночь река,
Где женщины доступней и безбожней,
Привёз я деревянного царька
И чёрный гребень кости носорожьей.
Давай сбежим от сплина и простуд,
В грядущем нашем вижу я утраты:
Меня по ста постелям разберут,
Тебя, коль разберут-то на цитаты.

Грозный смертным выстрелом
Нам с четырёх сторон,
В обойме века выставлен
Шестнадцатый патрон.

Она:

— О нет, не стану оставлять следа
Я на камнях чужих- и слава богу!
Лесная птица ведает, когда
Я выйду на последнюю дорогу.
Не нам идти четою по земле,
Крута тропа, крута и одинока,
А ты до срока пропадёшь во мгле
И обречёшь искать тебя без срока.

Давай же этим вечером
Напьемся на беду!
Судьба назначит встречу нам
В семнадцатом году...

ТАНГО МЕТАМОРФОЗУС

Kate

Я хочу быть мурашкой меж ваших лопаток
(Там, где женщины запах особенно сладок)
На концерте стареющего гитариста
В переполненном филармоническом сне,
Я приду мелкой дрожью по ваши колени,
Так идёт волчья стая на запах олений,
Так ходили под возгласы: «Аста ла виста!»
Партизаны на казнь по испанской весне.

И постскриптум гитарного стона
В лихоманке любовной борьбы-
Золотой вопросительный знак саксофона
С восклицательным знаком трубы.

Я хочу быть закладкою в книге фантаста
На странице, что вы раскрываете часто,
Там, где строчки -как будто из детской тетрадки
Начинаются так: « Будет ласковый дождь...
Будет ласковый дождь, будет запах весенний,
Будет вечный скворец в чередке воскресений
И ничто не изменится в этом порядке
Если ты, род людской, навсегда пропадёшь...»
А когда вы моими стихами
В разговоре стреляете- бах! —
В этот миг я стучу на любовном тамтаме
И танцую на ваших губах!

Я хотел бы стать шорохом вашего платья

Иль самым этим платьем так жаждал бы стать я,
Чтобы электризуясь от ваших предплечий,
Отгонять бы альфонсов от вас и гуляк,
Я хочу быть стекляшкой у вас в косметичке,
Чтоб в меня вы смотрелись с утра по привычке,
Чтобы мы, забывая язык человеческий,
Превращались в единый восторженный знак.

Но я помню и цифры и даты,
Но я помню -что было, что нет,
Но я помню о том, что мы с вами женаты
Восемнадцать безудержных лет

ФЕВРАЛЬСКИЙ РОМАНС

Как серебряную шаль
Вьюга бросила подальше,
Подобрал её февраль,
Подобрал- отнёс февральше.
Та, как будто под парчой,
Небеса обезоружив,
Стыла белою свечой
Меж нерукотворных кружев.

Князь неспокоен, князю не спится, князь не даёт балов,
Пальцы не будут танцевать по партитурам
И по дороге, зимней дороге, там, где рассвет суров,
Князь на охоту скачет на коне кауром
Бить куропаток или перепелов.

С этой охоты князь не вернётся- так он решил с утра,
За руку нынче в небо отведёт он душу,
Вера благая, кровь голубая- просто уйти пора,
Просто пора из моря сделать шаг на сушу,
Но почему она не пришла вчера?!

А февральша в шали той,
Что без края и начала,
Словно веткой налитой,
Тихо головой качала.
И взметнувши два крыла
Над заснеженной землёю,
Весть благую понесла,
Словно книгу к аналою.

Где-то в снегах застряла кибитка на берегу реки,
Ветер, метель, не видно ни черта, графиня!
Только слезинка — мокрая нитка на полотне щеки,
Только в замёрзших пальцах пополам гордыня,
Только перо не слушается руки.
Скачет с письмом усталый возница- князя простыл и след,
Чуть рассвело- уехал в чащу с егерями...
Тут романист поставил бы точку, я же промолвлю « нет»!
Я попрошу метель подняться над полями
И дописать оборванный мой куплет.

И февральская пурга,
Князя просквозив до нитки,
Привела его в снега
К накренившейся кибитке,
Как серебряную шаль
Вьюга бросила подальше,
Подобрал её февраль,
Подобрал- отнёс февральше.

ЦИФРЫ

Ты видел тридцать тысяч снов:
Цветных и чёрно-белых,
И со словами, и без слов,
Обрывками и целых.

Полтыщи раз был во хмелю,
Горел два раза в танке
И трижды фразу « я люблю»
Сказал одной гражданке.

Спел двести песен за столом,
Влип в пятьдесят историй,
Четырежды ходил в роддом,
Раз двадцать- в крематорий.

Ты сотню раз был журавлём,
А сотню раз- синицей,
Ты мог быть вечером нулём,
А ночью-единицей.

А сколько ты минут- бог весть! —
За жизнь потратил все!
Осталось то, чего не счесть:
Шаги и поцелуи.
То арифметика судьбы-
Не цветик- семицветик!
И об неё разбили лбы
Герои арифметик.

Себя тянул ты, как балласт,

Из топкого болота,
Ты честно подводил баланс
И верил в счетовода.

А счетовод тайком ушёл,
Как будто не бывало...
Вот карандаш. Садись за стол
И посчитай сначала,

И повычёркивай сполна
Пустых расчётов строчки!
В сухом остатке: ты, жена,
Два сына и две дочки.

ХОЛОСТЯЦКИЙ ПЕРРОН

Перрон был серым, как глаза усталого солдата,
Катились яблоки с ветвей по рельсам в тишину,
Скрипел зубами небосвод под скальпелем заката,
Я встретить обещал тебя и я не обману.

Уже спешат холостяки курить внутри вокзала
И бутерброды нарасхват в буфете за углом,
Над головой зажглась луна и что-то мне сказала,
Но заглушил её слова полуночный псалом.

Тогда все сняли котелки, убрали сигареты,
Потом закончился псалом и диктор, смяв листки,
Сказал, что поезд через час- и снова за газеты,
За кофе и за болтовню взялись холостяки.
И мальчик с дудочкой стоял и только пара гривен,
А, может, пара чьих-то слёз лежали на земле
И был пастушеский мотив горяч и неизбывен,
Как будто плач по сыновьям, исчезнувшим во мгле.

Запахло ветром и слезой, травой и железом,
Скрипел протезом инвалид и ел вчерашний хлеб,
А горизонт был в этот миг чернеющим порезом,
Как будто бог провёл ногтём черту земных судеб.
Как лёгкий шарф, что обронён кокетливою примой,
Лежал мохнатый чёрный кот и грезил о треске...
Печаль сгущалась и была настолько ощутимой,
Что я поймал её ладонь на собственной щеке.

Но вот из белой темноты, из чёрного тумана
По-женски крикнул паровоз, измазанный в угле,
Моя дрожащая рука прошла мимо кармана

И в этот миг я стал толпой в единственном числе.
Уже спешат холостяки у жён лобзать ладони,
Уста и плечи и виски, и жилки на висках,
А вот и ты- и ты опять в тринадцатом вагоне,
Мы зарифмованы с тобой в земных черновиках.

Душа моя, судьба моя! Ни статью, ни в походе
Не постарела ты ничуть и бог опять с тобой...
Ах, да- погода здесь в раю под стать твоей чахотке,
С которой билась ты весь год и проиграла бой.

Сарказусы

10 КОВБОВ

ТЕХАССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Десять ковбоев в штате Айдахо
Мчались с криком: « Айда!»
Один из них в дерево въехал с размаха-
Их стало девять тогда.
Девять ковбоев в штате Невада
Брели по камням в негляже,
Один наступил на гремучего гада
И вот их восемь уже.

Восемь ковбоев в штате Айова
Искали от солнца сень,
Один вдруг сказал: « Мне что-то... не очень!»
И стало ковбоев семь.
Семёрку ковбоев в штате Монтана
Шериф преследовал -жесть!
Взрывчатку один уронил из кармана
И стало ковбоев шесть.

Шесть славных ковбоев в Миссури зависли,
В лесу завалились спать,
Один, как Ди Каприо, встретился с гризли
И стало ковбоев пять.
Пятёрка ковбоев в штате Нью-Джерси
Плескалась в реке на мели,
Один погладил бобра против шерсти-
На берег четыре пришли.

Четыре ковбоя в штате Кентукки

Стреляли- один из них
Заряженный кольт неудачно взял в руки
И трое осталось их.
Трое ковбоев в штате Дакота
В лес пошли по дрова,
Но одного одолела икота
И стало ковбоев два.

Двое ковбоев, штат Иллинойс,
Курили уже битый час,
Но выстрел индейский сразил одного из
И стало ковбоев- раз.
Последний решил, что с разбоем в завязке,
Отдал свою шляпу в музей
И золото моет теперь на Аляске,
А с ним- девять новых друзей.

БАЛЛАДА О ТИХОМ ЧАСЕ

Уснул Гомер на мягком ложе,
Не скинув обувь и венки,
Его слова уснули тоже-
Те, что в строке и между строк.
Свои закончив променады,
Пригубив терпкое вино,
Уснули нимфы и менады
Ну и дриады заодно.

Уснул Шекспир. Ночная нега
Его баюкала сама,
Уснули Лопе и де Вега,
Дюма-отец и сын-Дюма.
Валетом или полукругом
Забылись в темени ночной
Оскар Уайльд в обнимку с другом
И Дант к Вергилию спиной.

И ждали серые волчки
Когда распределят бочки.
Баю-баю-бай...

Спит Пушкин со своим арапом,
Любимец дам и высших сфер,
Спит Мопассан с интимным храпом,
Вскипая желчью, спит Вольтер.
Опережая суть событий,
Во сне обедает Бальзак,
Объевшись мидий, спит Овидий
И спит Сервантес натошак.

Спит младший Гримм со старшим Гриммом,
На братском прикорнув плече,
Лежит Жорж Санд под псевдонимом
И Маяковский-в кумаче.
Барков спит, шельма, без цензуры,
Краснея в час по десять раз...
Для мировой литературы
Настал всеобщий тихий час.

Планета дремою полна
И даже Фрейд в гостях у сна.
Баю-баю-бай...

Но кто там с лампой в пол-накала
Крадётся, словно хитрый тать?
Поправит Блоку одеяло,
Поднимет Байрона тетрадь.
Кто ты, бродящий меж кроватей?
Кто ты такой, презревший сон?
Ты ни в одну из хрестоматий
Никем от века не внесён.

Очкарик неприметный, кто ты?
Скромняга, рвущийся к боям?
Быть может, ты- грядущий Гёте,
Быть может, будущий Хайям.

Ты будешь долго-год за годом-
Среди вселенской шелухи
Дыша всеобщим кислородом,
Учиться выдыхать стихи.

Ты отчеканишь слух и вкус твой
И где-то в будущем-не тут-
Произведением искусства
Твои страдания назовут.
И за твоё литое слово
Тебе в той спальне мировой
Кровать отдельная готова
Поближе к свету головой.

Писатель, не ложись на край!
Ты помни: там, внизу- не рай!
Баю-баю-бай...

БОЯРСКАЯ АНТИПЕТРОВСКАЯ

— Далась царю весёлому
В болоте каланча,
Ударила же в голову
Державная моча!
Хоть близко глянь, хоть за морем-
Нигде такого нет:
Мостить болото мрамором,
В грязи чеканя след!
— Ещё достанет грязи нам!
Причуда у Петра:
Он немчуру да фрязина
Нам кличет в мастера,
Наш хлеб жуют, проклятые,
Да им, видать, с руки
Срамные ладить статуи
Средь клюквы и мошки!

Что трясёмся, братья бояре?!
Ждёт гусей своих Третий Рим,
Отродясь царей не боялись,
Почему ж, словно зайцы, дрожим?!
Пусть царю топор-собутыльник,
Пусть рукав измажем в дерьме,
Только каждый царёв подзатыльник
Неприменно запишем в уме!

А царь велит фортецию
В грязюке строить нам

Он хочет тут Венецию,
Он хочет Амстердам!
Что меряться с Европою?!
Другие там дела!
Она не вышла ...рифмою
Для нашего седла!
Царь белкою проворною
Шныряет здесь и там,
Пропах пенькой и ворванью
Тугой его кафтан.
Народец мрёт, как зяблики,
А он- в свою дуду:
Играется в кораблики
У шведа на виду!

Что трясёмся, братья-бояре?!
Ждёт гусей своих Третий Рим,
Отродясь царей не боялись,
Что ж теперь, словно зайцы, дрожим?
Без ума не сделаешь студень
И не отольёшь пятака,
Мы кивнём, а делать не будем
Хватит с нас ему и кивка!

Ты не спадай, кума, с лица,
Мы чуем наперёд:
И в нашей каше маслице
Когда-нибудь всплывёт!
Своя у нас история,
Товарищ- не свинья!
И наша траектория
Кривая да своя!
Пускай царя распутица

До гиблых гонит мест!
А может, он простудится?
А, может, что-то съест?
Нет-нет, ему здоровьица!
Малины ему в чай!
Но надо ж подготовиться
На всякий на случАй!

Что трясёмся, братья-бояре?!
Ждёт гусей своих Третий Рим,
Отродясь царей не боялись,
Что ж теперь, словно зайцы, дрожим?!
А научные эти новинки-
Непотребная то ерунда!
Лучше мы проживём по старинке,
Потому что так жили всегда!

ВСЁ, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ О ГОГОЛЕ, НО БОЯЛИСЬ СПРОСИТЬ

«Сидит Пушкин у себя и думает: ну, хорошо, я-гений. Но ведь и Гоголь-тоже гений, и Достоевский-царствие ему небесное-тоже, и Толстой. Когда же это кончится?!«Тут всё и кончилось.»

Приписывается Хармсу

Жил Гоголь на улице Гоголя
(В девичестве-Малой Морской),
Любил по утрам корчить щёголя,
Любил тишину и покой.
Разбужен соседскою кошкою,
Ничей не отец и не муж,
С утра ворошил кочерёжкой
Какой-то там том « Мёртвых душ».

Безумие липкими брызгами
Ему рисовало венец,
Тонул он в халате замызганном
И нежинский ел огурец.
Потом силуэтом негнущимся
Выскальзывал тихо во двор
И носом своим выдающимся
Стучал об Казанский собор.

Его дарованью проворному
Сам Пушкин хвалу говорил,
А Пушкин пил кофе по-чёрному
И по- эфиопски курил.
Но Пушкин -ему всё дозволено,
Кудряво живётся ему!
А здесь хоть какая крамолина-
Тебя в кандалы и в тюрьму!

Балы не любил и собрания,
Хоть был от природы речист,
Он ждал тех собраний заранее,
Как будто царя- декабрист.
Чем спорить с юнцами безусыми,
Пойти, растопить, что ли, печь?!
Так чешутся руки без устали
Великое что-нибудь сжечь!

К чему так над прозой насильничать?!
Судеб кабы стал господин,
То я Николая Васильича
Совсем не пускал бы в камин,
Пускай бы конечности мёрзлые,
Пришлось ему долго лечить,
Но души-пускай даже мёртвые-
Потомки смогли получить.

Мы веруем в чёрта ли, в бога ли
И в каждого зверя подряд,
В России рождаются Гоголи,
Камины в России горят.
А дом от макушки до цоколя
Стоял, осенённый тоской,

Летящей над улицей Гоголя,
В девичестве-Малой Морской.

ГИППОПОТАМ

Чем больше человека узнаю-
Тем больше я люблю гиппопотама,
Он морду толстокожую свою
Не постит на просторах Инстаграма.
Нет подлости в большой его кости,
Нет жадности в могучем организме,
Не хочет он в политику идти,
А он бы мог -при такой харизме!
И, отвергая когти и рога,
Махина, ужасающая сшибкой,
Он втопчет в глину всякого врага,
Сверкая травоядною улыбкой.
Ещё он за детей стоит горой
И общую имеет непохожесть...
О, мокрый бегемот! Ты- мой герой!
Да здравствуют размер и толстокожесть!
Не учит жить, не ходит он в строю,
Не гонится за должностью упрямо...
...Чем больше человека узнаю-
Тем больше я люблю гиппопотама.

КАК МУЖИК СВОБОДУ ПРОДАВАЛ

Как на ярмарке в субботу
Изо всех сермяжных сил
Продавал мужик свободу
Да недорого просил:
Налетайте, мол, миряне-люди добрые!
Продаю не пироги, не булки сдобные,
Мне заморской этой гадости не надобно,
От неё мне проку, как чертям- от ладана!
Эх-ма, лето- не зима!
Счастья полная сума!

Много собралось народу,
Каждый-сам себе не глуп-
На просвет смотрел свободу,
Щупал, пробовал на зуб.
И шептались мужики, негромко цокая:
Это верно, что цена тут невысокая,
Да уж больно-то вещица заковыриста,
Не иначе, предназначена для выроста!
Эх-ма, шея без ярма,
Ставить некуда клейма!

Не было такого сроду,
Но какой-то мужичок
Сторговал-таки свободу
Да за медный пяточок.
Положил её, убогую, за пазуху
И повёз не к сеновалу, не на пасеку,

Не к заутрени, не к пушечному выстрелу,
А взамен половика у двери выстелил.
Эх-ма, воля- не тюрьма,
Геленджик -не Колыма!

Говорят, по небосводу
Ходит ангельский народ,
Вопрошает про свободу,
Ищет-рыщет, не найдёт!
Знать, свобода превратилась в мятну вафельку,
Укатилась колесом тележным в Африку,
Потому-то от Сибири до Московии
Не видали на Руси такой диковины!
Эх-ма, дорога тесьма,
Да лохмотья-задарма!

КНЯЖНА

Плыл я в утлом челноке
Вниз по матушке-реке,
Охал, ахал, воду пил допьяна,
Только вижу: вдалеке-
Тонет девица в реке,
Пригляделся- оказалось: княжна.
Я сказал: « Не будь ослом!»,
Подцепил её веслом
И в челнок её к себе перенёс
И сказал: « Давай-ка, мать,
Мирно сосуществовать
Под гудение российских стрекоз!»

Но княжна была мрачна,
Как Берлинская стена,
Ни спасибо, ни привет, ни гу-гу!
Только дёрнула ногой,
Соблазнительно нагой,
Заложивши за другую ногУ.
Я спросил: « Скажи, княжна:
Долго ль плавала одна?
Миль сто семьдесят, небось, позади!
Сколько раз назло венцам
Постреляли по дворцам
Два орудия твоих на груди?»

И княжна сказала мне,
Что вкушала каберне
На коврах у богдыхана в плену,
Нынче ж все, кому не лень,

Даже по два раза в день
В набежавшую кидают волну!
Стенька Разин-атаман,
Друг рабочих и крестьян,
Целовал её на полном скаку,
Знает всё о том сполна
Пятый том Карамзина,
Сто четвёртая страница вверху!

И сказал я ей: «Княжна!
Я один и ты- одна,
Так зачем рубаху рвать до пупа?!
Я- прозаик и поэт,
Во всё белое одет
И в постели у меня- ни клопа!
Так что, грубо говоря,
Надо бросить якоря
Чёрту лысому на синюю плешь,
Слева- грязь и справа-грязь,
Я посередине- князь
И поехать я смогу за рубеж!»

И ответила княжна:
«Я капризна, как зурна,
Я омаров, я хайямов люблю,
Не хухры я, не мухры,
Я хочу иметь ковры,
Недоверие питаю к рублю!»
И вскричал я:» Всё твоё
От мехов до мумиё,
От ковров до брошек, но за рубли!
Ты просить меня не смей
Никакие ю-эс-эй,

Раны русские мои не соли!»

Но княжна скривила рот,
Ткнула ножкой мне в живот
И мизинчиком дала по губе,
Говорит: « Мы сесть должны
В острогрудые челны
И тогда окрепнем духом в борьбе!»
Я сказал: « Не будь ослом!»
Подцепил её веслом
И сказал: « Душа у вас поперёк!»
И забросил я княжну
В набежавшую волну,
Может, кто-нибудь другой подберёт.

Был я, может, и не прав,
У меня нелёгкий нрав,
Но поэту право вето дано,
В нашей доблестной стране
В каждой речке- по княжне,
А в Урале- и Чапай заодно!
И поплыл я в холодке
Вниз по матушке-реке,
Охал, ахал, воду пил допьяна,
А в том месте на реке
На серебряном буйке
Нынче надпись: « Осторожно, княжна!»

МОЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Я был рождён в крошечной мгле
Первичного бульона,
Но не сварился в том котле —
Один из миллиона.
Моя лепилась плоть и суть
В чистилище генома,
Я был никем, но начал путь
До сапиенса хомо.
На первородном том ветру,
В глубинах допотопных
Учился я метать икру
И жрать себе подобных.
Я жил, отбору вопреки,
Фиксируя этапы,
Мои ломались плавники,
Преобразуясь в лапы.

Я не вдаюсь в подробности,
Но знаю много тех,
Кто стадию амёбности
Считает за успех.

Из глубины я полз на мель,
Захлёбываясь стоном,
Дыша сквозь жаберную щель
Разреженным озоном.
На суше сделав первый вдох,
Я понял, чист и вымыт:
На свете нет плохих эпох —
Есть неудачный климат.

За каждой веткою меня
Ждала слепая участь,
Но я крепчал день ото дня,
Приобретал живучесть.
Не вырабатывал я слизь,
Как делали иные,
Но чёрным ядом налились
Шипы мои спинные.

Ещё скажу для ясности:
Тем Дарвин помоги,
Кто в случае опасности
Отбрасывал мозги.

Я ввысь тянулся, зол и крут,
Природе глаз мозоля,
Меня позднее назовут
Исчадьем мезозоя.
Но я жевал одни цветы,
Не брал в пример пиранью,
И шёл дорогой доброты —
Короче, к вымиранью.
А холод кровь тянул из жил,
Выкашивал с травой,
Моих собратьев он душил
Цепочкой пищевой,
Я понял: чтоб решить вопрос,
Нельзя пороть горячку,
И мудро впал в анабиоз,
А по-простому — в спячку.

Лежу в окопе тающем,
С природою на» вы»,

Хочу млекопитающим
Быть с ног до головы.

Таил я в бесконечном сне
Надежды и обиды,
Покуда плавилась в огне
И виды, и подвиды.
Я тьму веков провёл во льду,
В небытии мертвящем,
Потом оттаял на беду
И стал прямоходящим.
Засел в душе моей шельмец,
От подлости икая,
А кто сказал, что я – венец?
Чем лучше червяка я?!
Природа-мать, не верь молве,
Тебе я- как зараза,
Я не венец твоей главе,
Скорей, ночная ваза!

К чему ломать комедию?
Пускай мой жалкий вид
Внесут в энциклопедию
С пометкой «паразит».

Считаюсь я грозой зверей,
Страшней любых напастей,
Но леопард меня быстрее,
Сова меня глазастей.
Змея проворней раз во сто,
Лиса стройнее станом,
И просто полное ничто
Я рядом с тараканом.

Меня ни вдоль, ни поперёк
Теперь не передвинешь,
Но, может, жалкий мой итог —
Ступенька, а не финиш?
А, может, в том и суть, и прок,
И лепта, и призванье,
Чтоб лечь одной из тысяч строк
В архив существованья...

Растить в себе Конфуция,
Навозным быть червём —
Любая эволюция
В сознании твоём!

НОЙ И ЕГО ЖЕНА

Что за чудо-супружница Ноя!
Сексуальна, горда, молода...
А у Ноя была паранойя-
Всюду чудилась Ною вода.
Водоёмы, протоки, болота
Липкий ужас внушали ему,
Хорошо ещё-водопровода
Бог не создал у Ноя в дому!

Раз в полночном кошмаре горячем
Ной узрел, бороною трясая,
Что планета к чертям поросячьим
В океан погрузилась вся.
И проснулся он, страшный снаружи
И отправился строить ладью,
Ной забил на досуг, но что хуже-
Ной забил на супругу свою.

А она говорила про негу,
Кружевное носила бельё,
А ему это всё-по ковчегу,
Он и думать забыл про неё!
И она, тая замысел злобный,
Пригласила любовника в дом,
Хоть он был мужичок допотопный,
Но весьма прогрессивный в другом.

И когда грозовые удары
Гнали воду заливов и рек,
Ной один оказался без пары

И его не пустили в ковчег.
Бил себя он в плешивое темя,
Пропадая в пучине беды...
Вот что, братцы, случается с теми,
Кто до смерти боится воды!

О КРОТАХ И ЧЕРВЯХ

В государстве кротов избирали вождя,
Не простого, а вперёдсмотрящего,
Но к единому выводу не приходя,
Не могли подыскать подходящего.
Этот- в доску родной, но доски не мудрей,
Этот- мудрый, но водке поддавшийся,
Этот –умный и трезвый, родной., но еврей.
Этот –нет, но пять лет как скончавшийся.

И рекла пожилая кротиха,
Червяком заедая салат:
«У вождя не жена, а вождиха,
А вождиха рожает вождят.
У большого крота и кротёнка
Одинаково розовый рот,
У большого вождя и вождёнка
Одинаково битый народ!»

Сам себя выдвигал старый крот-аксакал,
Но комедию портил трагедией:
Не сыскать здоровей, кабы он не страдал
Медицинскою энциклопедией.
Этот- слишком рябой, этот –слишком тупой,
Этот –слеп, но мозги подходящие...
Впрочем, если наш вперёдсмотрящий-слепой,
То на кой крот нам вперёдсмотрящие?!

И рекла пожилая кротиха,
Элегантно влезая в халат:
«У вождя не жена, а вождиха

И вождыха рождает вождят.
У большого крота и кротёнка
По четыре ноги и хвосту,
У большого вождя и вождёнка
По четыре слуги и хлысту!»

Хватит нервно дышать- надо что-то решать!
Вождь –вождём, но уже время ужина!
И решила избрать компетентная знать
Червяка- дождевого до ужаса.
Пусть он смотрит вперёд- се великая честь,
Пусть он будет вождём, властью выделан,
Ну, а главное то, что его можно съесть,
Чтоб никто не узнал- что же видел он!

И, безбожно коверкая факты,
Червячиха сказала червю:
«Знай, родной, что теперь не червяк ты!
Я от радости рёвом ревью!
Ты веди себя, милый, красиво,
Ты веди за собою народ,
А когда доведёшь до обрыва-
Отойди, пропуская вперёд!»

Через год...

В государстве червей выбирали вождя,
Не простого, а вперёдсмотрящего,
Но к единому мнению не приходя,
Не могли подыскать подходящего...

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВ

Когда Адама бог прогнал, а вместе с ним и Еву,
Адам в ответ ему шепнул на ушко: «Будь здоров!»
Они ушли, а бог решил всю предаться гневу
И он подумал пять минут и создал... комаров.
Был сатана ошеломлён, но только поднял брови,
В аду - подумал сатана- у гнева жарче пыл!
Но на него присел комар и выпил рюмку крови
И дьявол мнение своё мгновенно изменил.

В уютном кресле, на пожаре ли,
Я вам желаю, господа,
Чтоб в жизни вас не только жалили,
Но и жалели иногда!

А бог решил, что он сыскал для гнева вечный повод,
Мол, человечество его ругает за глаза,
Он щёлкнул пальцами слегка и в мир явились овод,
Тарантул, слепень, скорпион, гадюка и гюрза.
У сатаны была мигрень от божьего коварства,
Как ловко притворялся бог, что он- добра оплот!
Как лицемерно пил в аду сердечное лекарство!
Сам сатана никак не мог достичь таких высот.

Господь сорвался с тормозов и рухнули преграды,
Ползла гремучая змея кусать голеностоп,
Клещи, фаланги, пауки, короче- просто гады,
Которых с глупыми людьми сравнит потом Эзоп.
Послал курьера сатана с письмом в небесный город,

Давай, мол, встретимся на днях и разопьём стакан!
Но в тот же вечер сатане заполз тайком за ворот
Тарантул? — нет! Навозник? — нет! Господний таракан!

Вершиной божьего труда явился клоп домашний,
Господь сказал ему :-Ползи и размножайся тож!
Сказал- и гнев его иссяк, как будто дождь вчерашний
И снова райски он красив и ангельски хорош.
Когда укушен каждый был на Ноевом ковчеге
И Голиаф не от пращи, а от укуса пал,
Тогда в раздумьях сатана присел на чёрном берегу
И он подумал пять минут... и бабочек создал.

О чём ты, королевская фемина,
Задумалась тем пасмурным деньком,
Когда в тебя входила гильотина
Меж третьим и четвёртым позвонком?

Сочувствую тебе, Антуанетта!
Согласен, что приятней быть живой,
Но вот вопрос, что требует ответа:
Что стало с королевской головой?

Молва твердит про некую девицу
Из низкого крестьянского числа,
Что, завернув в холщовую тряпицу,
Главу твою в подоле унесла.

Хотя пути и неисповедимы,
Зачем пейзажке страшный сувенир?
Показывать соседям за сантимы?
Иль ведьминский готовить эликсир?

Нет, был палач в перчатках из атласа,
Главу твою рука его взяла
И бросила. Так шмат бросают мяса
В клокочущее варево котла.

А помнишь- тебя наголо под утро
Побрил Жюльен-придворный брадобрей?
Вселенская не сделалась полундра,
Не хлынули на землю сто морей.

А после, оступившись на помосте,
Ты ногу отдала палачу,
«Пардон, месье!» - сказала ты. «Ах, бросьте!
Ложитесь, я ошейник привинчу!»

В тот миг была полна ты озаренья,
Как будто искупалась в молоке,
Но точкою в конце стихотворенья
Стояла мушка слева на виске.

Но, собственно, истории витки
Всегда непредсказуемо двулики
И лучше быть в Париже без башки,
Чем с головою где-то в Чертомлыке.

Прощай, Антуанетта! Мы с тобою
Увидимся теперь у входа в рай
И ты кивнешь мне тихо головою...
Хотя... нет-нет... не нужно! Не кивай!

ПАЛАЧ И ЕГО ДОЧКА

Вы с палачом, друзья, не очень-то!
Хотя сегодня он не злой,
У палача родилась доченька,
Палач сегодня выходной.
Вас не должна терзать депрессия,
Ей-богу, он специалист!
Палач- хорошая профессия,
Гораздо лучше, чем дантист.

В его работе много нервного,
Тут не поспоришь- хоть кричи!
Но со времён Франциска Первого
В роду все были палачи.
Он мог пойти в огонь ли, в воду ли,
Чтоб сохранить свой статус-кво,
Но он застенчив был до одури
И это мучило его.

Из всех людей для палача-
Хитон с господнего плеча.

Да у кого душа без вывиха?!
К тому же, времени в обрез:
Он должен будет скоро выехать
На всепалаческий конгресс.
Его известность в духе времени
Распространялась, будто вскачь,
Жаль, нету Нобелевской премии
По номинации « палач»!

Ребёнок из пелёнок тянется,
Хватает за руки, пострел!
А у отца душа туманится-
Он очень мальчика хотел,
Кому ж теперь- никак не девочке
Дарить топор и пять мешков!
Кому показывать на схемочке
Строенье шейных позвонков?!

Палач загружен- боже мой!
Работу хоть бери домой!

Пройдёт шестнадцать лет, а там уже
Дела другие постучат,
Дочь палачёва будет замужем
И принесёт ему внучат.
А зять, карьерную амбицию
Всегда имея за плечом,
Подхватит славную традицию
И станет новым палачом.

Чтобы его успехи виселись,
Он заведёт себе режим,
С утра пробежка между виселиц,
От плахи сто один отжим.
Уже в наследство уготована
Ему коллекция мешков,
Уже любовно нарисовано
Строенье шейных позвонков.

Поскольку жизнь без палачей
Подобна двери без ключей.

ПАМЯТНИК

Я памятник воздвиг себе из теста,
Которое готовила жена,
За наименьшем площадного места
Я монумент поставил у окна.
На этаже шестом, спиной к уборной
Сквозь окна он взирает на бомжей,
Но выше он главою непокорной
Пяти нижестоящих этажей.

Пейзаж родной статуями обилён:
Торчат, как мухоморы средь двора
Стоячие властители извилин,
Сидячие кудесники пера.
Виновен кто в беде, а кто- в победе?
Давно уже сбит правильный прицел,
Здесь по утрам скорбят о людоеде,
А вечером- о тех, кого он съел.

Я предлагаю вежливо -не матом-
Сменить отныне памятный формат:
Пускай карманным будет реформатор,
Карманным- вождь, карманным- дипломат.
Чем хороши карманные кумиры?
Они совсем не вызывают страх!
Пускай они заполнят квартиры,
Поселятся на полках и шкафах!

Я не люблю монументальных шашней,
Я сам себе и бубен и шаман,
Мой памятник -он маленький, домашний,

Он тоже помещается в карман.
Не будет подо мною демонстраций
И не назначит встречу резидент
И прятаться не будет папарацци
За мой великодушный постамент.

И буду сам себе любезен тем я,
Что я собрал- пускай не без грехов-
Во времена вранья и мелкотемья
Две-три пригоршни стоящих стихов.
Пускай у ног моих не глушат вермут,
Но я прощу- хотя и буду зол-
Когда меня случайно ниспровергнут
Внучата с подоконника на пол.

ПЕРЕУЛОК ЛЮДОЕДОВ

Был сумрак в переулке фиолетов,
Безлюдно было, как в лесу зимой
И только пара старых людоедов
С работы людоедской шла домой.
Они шагали по сырой брусчатке
И были с вегетарианских пор
Соседями по лестничной площадке,
Но не об этом был их разговор.

А разговор бурлил возвышенными чувствами,
А разговор летел, цитатами звеня,
Что не бывают люди жёсткими и чёрствыми,
Бывает просто неудачная стряпня.
Что в наши дни, когда над миром встали сумерки,
Когда в мозгах несимметричность и дурман,
Недостаёт в мужчинах перца и изюминки
И только женщины по- прежнему- шарман.

Хоть пашет он, как ломовая лошадь,
У людоеда имидж — не ахти!
А людоед- он тоже хочет кушать
Не только с девяти и до шести.
А, может, служба для него- обуза
И стресс такой, что хватит на троих,
Но нет у людоедов профсоюза,
И льгот у людоедов- никаких.

Кипел закат в микроволновке мироздания,
Их ждали жёны, спиногрызы и футбол,
— А ты слышал- талоны будут на питание?

— Да это просто, извиняюсь, произвол!
Мы без того уже на грани аварийности,
Без витаминов и белков среди весны!
...Да, людоедам не хватает калорийности
И это плохо, очень плохо для страны.

Но если скажут, ели будет нужно-
Один другого съест на раз — два-три
И поутру они пойдут на службу:
Один- пешочком, а другой- внутри.
Пускай подхватят эти эстафеты
Те, кто не верит в жалость ни на грош,
Для вас открыты университеты,
Шагай-ка в людоеды, молодёжь!

Лицом об стол нас бьёт действительность суровая,
Весь мир-театр, как поговаривал Шекспир,
Скорее, мир- большая шумная столовая,
Где ты одновременно- повар и гарнир.

ПУШКИНСКАЯ ЦЫГАНОЧКА

Что засядет ещё в черепашки нам?
Жду со страхом и чую нутром,
Что потомки клонируют Пушкина
Там, в столетии двадцать втором.
Дерзновенен прогресс- и поэтому
Чья-то в белой перчатке рука
Извлечёт хромосому поэтову
Из простреленного сюртука.

Будет страшная ажиотация,
Как родится он, весел и горд,
И прямая об этом трансляция
По просмотрам поставит рекорд.
Наперёд по кефиру и пряничку
В рационы внесут по уму
И по кастингу выберут нянечку,
Чтобы сказывать сказки ему.

Не по дням- по часам будет взрощен он
В бликах камер, хлопушках кино,
Любоваться багряными рощами
Будет скучно ему и смешно.
А на просьбу блеснуть эпиграммою
Средний палец покажет вблизи
И под ручку с профессором-дамою
Он уйдёт на рентген и УЗИ.

Как назойливые насекомые,
Будут рифмы крутиться зазря,
Будут сниться друзья незнакомые
Девятнадцатого октября.
С повсеместной своею известностью
Неизвестен останется он,
Беспросветной томясь неуместностью
Средь молодых незнакомых племён.

Как-то раз в переулочке узеньком
Туристических тропок вдали
Он столкнётся с каким-то французиком,
Что супругу зовёт Натали.
Будто кто-то ударит под дых его
И пойдёт генетический сбой
Среди снега январского рыхлого
Между старой и новой судьбой.

Фонари цвета свежего олова
На дорогах зажгутся к пяти,
Он попросит шофёра весёлого
К речке Чёрной его отвезти.
И, прищурившись, будто для выстрела,
Постоит в белоснежной крупе
И, рукой защищаясь неистово,
Растворится навеки в толпе...

Я уверен: пробирки такой ещё
Не найдут до скончания дней,
Чтобы вырастить в ней Шостаковича
Или Пушкина вырастить в ней.

Но в согласьи с небесною сметою,
Гений редок у нас на земле,
Потому что ошибся планетою,
Пролетая в заоблачной мгле.

САРКАСТИХИ

Сатана шепнул Адаму
Утром, около семи:
«Мол, Адам, используй даму
Для создания семьи!»
Хоть и выгнан был когда-то
Сатана с небес взашей,
Но с тех пор у нас, ребята,
Пахнет серой из ушей.

***

На диалекте глада и холеры
Ведёт природа с нами разговор,
На каждый вид, зазнавшийся без меры,
Найдётся свой естественный отбор.

***

Чья пара опоздала на ковчег-
Возврат билетов в кассе через чек!

***

Съеден был неандерталец,
В море утонул скиталец,
А поэт пропал как заяц-
Дело тут не в способе,
У природы средний палец
Есть для каждой особи.

***

Мне мысли стучат временами,
Что жили мы не задарма-

Из дров, что наломаны нами,
Потомки построят дома.

***

Пожалуй, из конца в конец
Отчизне пролегать не стоило:
Пусть лучше малый, но дворец,
Чем необъятное, но стойло.

***

Люблю я прыгать в ширину,
На старте подводить итоги
И даже ноги протяну
Не вдоль, а поперёк дороги

***

Эстрадный мой собрат, не стой, не стой
Ты на пути моём незнаменитом,
Пусть я в стихах болею простотой,
Но ты в стихах болеешь простатитом.

***

Не жду, что задерёт судьба подол,
Что давние долги любовь заплатит,
Дай бог, чтобы нашёлся валидол,
Когда в трамвае сердце мне прихватит.

***

Собачка ночью писала на кустики,
А город спать не мог из-за акустики.

***

Лиловый негр ей подавал манто,
Ошибся он- манто было не то!
И дама из приятно-элегантной
Вдруг стала злобной и нетолерантной.

***

Фома не верил ни во что,
Он скептик был заправский,
Когда его забыли-то
Родился Станиславский.
Какая тонкая материя-
Закон сохранности неверия!

НА СМЕРТЬ АНТИСЕМИТА

Нет, весь он не умрёт, но в адовом сортире,
Зубами скрежеща, преодолая стыд,
Он будет мыть горшки,
Доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один семит.

ЭКСКУРСИЯ ПО ОДЕССЕ

— Господа туристы, подходите к Моне!
Моня, чтоб вы знали, это я!
Мама — в Могилёве, папа- в Вашингтоне,
На Привозе- прочая семья.
Вы хотите море?! Будет вам и море!
Если взять проблемы существо-
Море-это счастье, море-это горе,
Если вы утонете в него!

Господ туристы, что вы там стоите,
Белые, как в море корабли?!
Чтоб вы были в курсе нынешних событий,
Мы уже минуту как пошли!
Вы хотите море?! Будем вам и море!
Море заменяет докторов,
Тут не скажешь лучше Раппопорта Бори,
Жаль, он умер, чтоб он был здоров!

Чтоб мне целый месяц чистить зубы Дюку,
Я скажу с трагическим лицом:
Где москвич успеет сунуть ногу в брюку,
Одессит успеет стать отцом.
Вы хотите море?! Будет вам и море!
Проведя в раздумьях целый год,
Понял я, что море родственно с женою:
Пошумит и рыбу подаёт!

Неглиже у дамы- это повод к войнам,
Если брать чужую негляжу,
Что вы говорите? Кто не вор- не пойман?

Кто такой есть Пойман, я спрошу?
Я сегодня утром вышел, не побрившись,
Пусть со мной походит борода!
Впрочем, как считает друг мой Сеня Лифшиц,
Таки нет нужней, чем таки да!

Я хотел бы бога попросить о многом,
Пусть ведёт- упасть мне хватит сил!
Если б я был сразу и собой, и богом-
Я бы бога очень возлюбил!
Я прошу прощенья! Боже, здравствуй, Лёва!
Ты куда идёшь так делово?
Ты к жене? Я был там в понедельник снова,
Нового, поверь мне, ничего!

Доктора и жёны- лишние затраты,
Родина не лучше, чем родня,
Но пусть буду лучше вовсе без зарплаты,
Чем зарплата будет без меня,
Вы хотите море?! Что вам это море?!
Море в Тель-Авив не улетит!
Незаметен юмор в вашем разговоре,
Словно у китайца –гепатит.

Чем грустить о деньгах иль о лишнем весе,
Повернитесь к площади спиной:
Это перед вами лучший дом в Одессе,
Дом, где я живу с моей женой.
Вон под боком- море, на тарелках- рыба
С нашим добродушьем пополам,
Что вы, это Я вам говорю «спасибо»!
Слава богу, есть придётся вам!

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГРЕШНИК

В этот день пел скворец из скворечника,
Расцветали пионы в саду,
А ещё миллиардного грешника-
Ренегата, вруна и приспешника-
Под фанфары встречали в аду.

Кто-то каркал: «В жаровню тепло давай!»
Кто под камеру ладил штатив,
На большой сковородке тефлоновой
Духовой зажигал коллектив.
Раздувался эфир гигабайтами,
Пятизвёздочный мыли котёл
И лениво скребли гастарбайтеры
Надпись крупную: « Дьявол-козёл!»

Вот стоит среди этой коллизии
Наш герой, от смущенья бордов,
Рядовой подхалимской дивизии,
Ветеран лизоблюдных трудов.
Современники и соплеменники
Шлют ему громовое «ура»,
А на нём только майка да треники,
Те, в которых он помер вчера.

На подхвате прожил, на посылочках,
Мелким бесом, бумажною тлём,
А хотелось в погонах- нашивочках,
А хотелось парить над землёй.
Пусть подагру нажил и безбрачие,
Но теперь до скончания дней

В преисподней все блюда- горячие
Да и женщины не холодней.

А к накрытым столам рвалась улица-
Шелупонь, шантрапа, шулера
И шарахалась в панике устрица
И сочилась слезой фуагра.
Гнули вилки, ругались и чавкали,
Оркестрантам совали рубли
И давились в буфет за добавками
И кидали окурки в «шабли».

Сатана пёк на ужин оладушки,
Праздник тихо свернулся, как ёж
И судачили чёртовы бабушки,
Что не та, мол, в аду молодёжь.
За углом, на проспекте Калигулы
Было плюс девяносто в тени,
В преисподней кончались каникулы,
Наступали рабочие дни...

...Через год юбиляра с фанфарами
Утопили в кипящем пруду,
Может быть, так нельзя с юбилярами,
(С молодыми нельзя и со старыми)
Но скажите об этом в аду!

Непесни

В горькой муке рождается слово,
Горьким потом полито зерно
И вовеки порядка иного
И не будет и быть не должно.

И всегда неизменными в муке,
В благодати любой и в грозе
Будут хлеб, материнские руки
И количество соли в слезе.

...В этом городе, спящем извечно на ложе морском,
Будешь то сизой птахой, стремящейся с купола вниз, то
Клюворылою маской, подвешенной под потолком,
Круассаном в кафе, исчезающим в глотке туриста,

Здесь прожить невозможно, но, выбрав дождливый февраль,
Ты приедешь сюда со своею бедой и крамолой,
А закончишься ты- в лакированный ляжешь рояль,
Называемый гОндолой здесь, а по — русски -гондОлой.

Впрочем русского здесь- золочёные блики слюды
Да ещё трое наших, положенных на Сан-Микеле
Да по самое горло густой непрозрачной воды,
Чтоб спалось тебе сладко в той мокрой зелёной постели.

Будешь ты обнаружен на низкой цветастой тахте
У окна, из которого путь прямо в чёрную лодку
И душа твоя в неотменимой своей правоте
Полетит между каменных стен по всему околотку.

Глядя в самую высь, но царапая воду слегка,
На вопросы на все отвечая по-птичьи двусложно,
Оставляя на вечной воде отпечаток стиха,
Если след по-другому оставить на ней невозможно.

Весна явилась как мигрень-
Безжалостно и метко,
С гнездом вороньим набекрень,
Весёлая старлетка.
Она пришла не госпожа,
А шкодная девчонка
И так на ней была свежа
Из ландышей юбчонка!
Включила дождь- один, другой-
Под песню Жака Бреля,
Открыла дверь босой ногой
В каморке у апреля.
Сняла с замызганных небес
Февральскую рубашку,
За городом колючий лес
Раскрыла нараспашку.
Теперь пейзаж не так свинцов,
Но как-то всё же голо...
Ах да! И пригоршню скворцов
Пустила из подола.
Устала. Села на рюкзак
На чей-то у вокзала
И у людей спросила: « Как?
Теперь получше стало?»

Ветер любит читать и читает он быстро,
Он листает страницы распахнутых книг,
Занимая у господина должность министра,
Он столетье земное проходит за миг.

Он совсем не бездельник над розовым раем,
Он имеет и силу, и душу, и честь...
Мы становимся ветром, когда умираем
И читаем, что мы не успели прочесть.

ДЕТАЛИ

«...запоминай же подробности...»

И. Бродский

Запоминай детали, человек.
Какие бы столетья не настали,
Каков бы ни был времени разбег-
Гляди вокруг. Запоминай детали.
Когда эпоха лезет напролом,
Стальные локти всаживая в рёбра,
В обличье юном или пожилым-
Запоминай. Запоминай подробно.
Запомни цвет облупленных перил,
Как пела дверь и как шуршало платье,
Запомни то, что ты ей говорил
И до, и после первого объятья.
Запоминай судьбу не по годам,
А по следам, царапинам, отметкам,
По хлебным крошкам, ранним холодам,
Обрывкам песен и озябшим веткам.
Впивайся взглядом в каждый новый штрих
Вокруг себя- на улице и в доме,
Доверься мелочам. Ты вспомнишь их,
Переплывая Лету на пароме.
Большое с расстоянья увидеть,
А мелочи- их поминай как звали!
Но не равняй ты с памятью тетрадь,
Открой глаза. Запоминай детали.

ИМПРЕССИОНИЗМ

Маленькая улочка в Париже.
На табличке надпись: " Рю Дуай»
Женщина в окне готовит чай,
А глаза у женщины -бесстыжи.
За угол свернёшь -и Мулен -Руж
И скрипачка в джемпере потёртом,
На скамейке- старичок с кроссвордом,
Голуби среди вчерашних луж.
Из кофейни- запах конфитюрный,
На афише- рыжая Коко
Задирает ножку высоко
Над стальной башнею ажурной.
На прохожих-бренности налёт
И деревья всё уже сказали...
...Женщина с бесстыжими глазами
В чай две ложки сахара кладёт.

Как темнота оправдана рассветом,
Как тишина оправдана грозой,
Оправдана погода в мире этом
Лозою, и талантом, и слезой.

Пройдя сквозь полумрак и полуморок,
Сквозь водопад бушующей беды,
Ты станешь голой правдой без подпорок,
Заложником блуждающей звезды.

Ты формулу распахнутого моря
Выводишь в беге вёсен и минут,
Но горький смех и сладостное горе
Дарованы тебе за этот труд.

КОНЕЦ ИСТОРИИ

История закончилась вчера,
Теперь она не выйдет из архивов,
Сократ и Кант, Суворов и Нахимов
По ту отныне сторону добра.

Как измельчал ты, времени герой!
Ты не достоин рая или ада
И не живописует « Илиада»
Развалины твоих картонных Трой.

Кричали короли: « Иду на Вы!»
И первыми шагали в лязг металла,
А нынешних -по спальням разметало...
История окончена, увы.

Что нам, простым землянам, делать с ней
Теперь на этом временном отрезке?
Служить сырыми яйцами для фрески
Мелькающих бесцветных наших дней.

Как в омут, канул в прошлое момент,
Когда мог враль быть за враньё заколот,
Где взгляд мужчины- лучший аргумент,
А женский взгляд- неоспоримый довод.

История окончилась вчера,
Хотя костры традиционно жарки,
Однако, ни одной пристойной Жанны,
Что площадного горячей костра.

Давно уже чернил в продаже нет,
Оброс травой витязь на распутье,
Дописаны тома. Погашен свет.
История закончена. Забудьте.

Легли слова в бумажную могилу
И человек, неспешно проходя
Вдоль длинных полок в магазине книжном,
Скользит по корешкам ленивым взором,
Как будто по кладбищенским надгробьям.
Все озаренья. пропасти, безумства,
Сердечные рифмованные доли,
Души бесчинства и ума заметы,
То, что зовётся в книгах вдохновеньем,
Разложено теперь по алфавиту
И ценником придавлено лихим,
Как будто тяжким валуном дорожным.
И, проводя рукой по переплётам.
Ты думаешь: « А хорошо, что нету
Фамилии твоей в долине скорби
И что эксперты от литературы
По косточкам тебя не разобрали,
Не объяснили тёмному народу-
Что ты имел в виду в такой-то строчке,
Что исповедь твою не заклеямили
Художественно малоинтересной,
Что вновь своё сберёг ты вдохновенье
И рукопись решил не продавать».

Ни жёлтых свеч, ни розового кьянти,
Ни пряных губ в начале февраля
Не повторится в том же варианте
И не начнётся сизнова, с нуля.

Что ж остаётся? Уходить со сцены
И ждать, утешась отзвуком стиха,
Пока Нева себе не вскрыет вены
И не отмоеет город от греха.

Но тишине я на слово поверю
И буду, как молитву, наизусть
Оплакивать звенящую потерю,
Оплачивать божественную грусть.

Вода отхлынет... В старом фолианте
Прочту я вновь, что не вернёт земля
Ни жёлтых свеч, ни розового кьянти,
Ни пряных губ в начале февраля...

От белословия сирени
До краснословия зари
Печаль ночных стихотворений
Уносят в клювах снегири.

Мы уподоблены отрывкам
Стихотворений и обид
И к небу каменным загравком
Наш город северный стоит.

Не обделённые грехами.
Благодарим за благодать:
Птенцов выкармливать стихами
И над Ахматовой рыдать.

И звёзды, и снега, и тени-
Всё рядом с нами- посмотри-
От белословия сирени
До краснословия зари.

Сонет писала вьюга набело
На обнажённой мостовой,
Доверчивых влюблённых грабила
И выдавала с головой.
За ширь сердечного диаметра
Прошу прощения у вас,
Простите, что любил я намертво,
Потом простите, не сейчас.

Потом, когда я стану селезнем
И улечу за край земли,
Вы, верно, скажете: « Мы пели с ним
И небо на плечах несли».
И вы простите мне нечаянно
Всю одинокость мастерства,
Моё высокое отчаянье
И обожжённые слова.

Мои разбитые пророчества
И сердце, полное весны,
А сердце не меняет отчества,
Не нарушает тишины.
В его извечной глуховатости-
Не стон, не песня, не вина,
А только показатель святости
У тех, кому она дана.

Простите ж мне мою растерянность,
Мой неудачный внешний вид,
За всё, что пелось, пилось, верилось

Простите вы- и бог простит
Слова, что на струну нанизаны
И небеса и-боже мой-
Те строки, что пургой написаны
На обнажённой мостовой

ХАМЕЛЕОН

Николаю Гумилёву.

Уверен человек спесиво
В том, что венец творенья он
И это было б справедливо,
Когда бы не хамелеон.
Среди лиан Мадагаскара,
Где обезьянья кутерьма,
Живёт он символом кошмара
Рационального ума.
Непостижимый для рассудка
Профессора и школяра,
Он как божественная шутка,
Как изошрённая игра.
Его творец, безумный гений,
Сложил, как в механизме, в нём
Литые маятники генов
И шестерёнки хромосом.
Поставлены в формате круга,
Законам смысла вопреки,
Живут отдельно друг от друга
Драконьи впалые зрачки.
Стремительней лихой погони,
Молниеноснее хлыста,
Летит язык хамелеоний
Из чёрного провала рта.
Ни танец кобры над осокой,
Ни богомолихи тоска-
Ничто в сравнении с жестокой
Атакой злого языка

А после, в кроне шелестящей,
Завесив плёнками зрачки,
Меняет сей чудесный ящер
Свои цветные пиджаки.
Природой вычерчен и смирен
Нечеловеческий стимпанк
И что в сравненьи с этим зверем
Да Винчевский колёсный танк?!
Иль чудеса архитектуры,
Когда, с открытым сидя ртом,
Сошедший с босховской гравюры,
Живёт пупырчатый фантом?!
И если верить тем законам,
Что не по разу мы живём,
Я стать хочу хамелеоном
В грядущем странствии своём.
Быть воплощением кошмара
Рационального ума
Среди лиан Мадагаскара,
Где обезьянья кутерьма.

Я пришёл безоружен
На приём к палачу,
Так согрейте мне ужин
И поставьте свечу!

Пляшут тени в испуге,
Дом раздет донага,
На сто вёрст по округе
Только снег да пурга,

Только волчьего лога
Белый омут слепой,
Только божья дорога
Под холодной крупой.

И, сутулясь плечами,
Я пишу до утра
Теорему печали,
Аксиому добра,

Чтоб Господь меня роздал
И царю, и шуту.
Я бессмертья апостол
На сожжённом мосту,

Но теперь я не нужен
Ни звезде, ни лучу...
Я пришёл безоружен
На приём к палачу.

Я буду говорить о доброте
Настойчиво, спокойно и негромко,
Оставь меня, художник, для потомка
Запечатлённым на сыром холсте.
Но не героем битвы за престол,
Не генералом бравым, что погиб там,
А мальчиком изящным, как постскриптум,
Что на траве раскинулся крестом.
Смотри: земля в объятых тишины,
А звезды умирают как пророки
И падают на пыльные дороги
Под звон господней горестной струны.
О чём спою вам, крошка Натали?
О том, что ночь волшебна и шопенна,
Благословенно то, что неизменно
На всех дорогах неба и земли.
Пребудет вам и мёда и плодов,
Цветов пребудет вам в садах и вазах,
Я вынимаю камни из-за пазух,
Хранитель ваших спящих городов.
Я буду говорить о доброте
Настойчиво, спокойно и негромко,
Оставь меня, художник, для потомка
Запечатлённым на сыром холсте.